

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Ф.М.
ДОСТОЕВСКОГО»

На правах рукописи

Росляков Евгений Сергеевич

**Митрополит Антоний (Храповицкий)
как идеолог и деятель Русской Зарубежной Церкви в
отечественной историографии 1920 – 2000-х гг.**

Специальность 07.00.09. – историография, источниковедение и методы
исторического исследования

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель

кандидат исторических наук, доцент

Бычков Сергей Павлович

Омск – 2020

Оглавление

Введение	4
Глава I. Митрополит Антоний (Храповицкий) в восприятии современников	
1.1. Начало церковной деятельности Антония (Храповицкого) в оценках современников	39
1.2. Архиепископ Антоний (Храповицкий) в контексте государственной и церковной полемики 1905-1917 гг.: основные аспекты восприятия	54
1.3. Митрополит Антоний (Храповицкий) как глава Русской Зарубежной Церкви: оценка современников в эмиграции	76
Глава II. Митрополит Антоний (Храповицкий) в историографии русской эмиграции	
2.1 Митрополит Антоний (Храповицкий) в контексте канонических аспектов организации и деятельности Зарубежной Церкви	117
2.2. Митрополит Антоний (Храповицкий) в свете идеологической полемики русской историографии в эмиграции	131
2.3. Эмигрантская историография о влиянии личных качеств митрополита Антония (Храповицкого) на развитие Русской Зарубежной Церкви	146
Глава III. Митрополит Антоний (Храповицкий) в репрезентациях государственной и церковной историографии советского периода	
3.1. Русская Зарубежная Церковь и митрополит Антоний (Храповицкий) в советской историографии 1920 – 1930-х гг.	154
3.2. Русская Зарубежная Церковь и митрополит Антоний (Храповицкий) в советской историографии 1960 – 1980-х гг.	167
3.3. Церковная историография советского периода о митрополите Антонии (Храповицком)	179
Глава IV. Митрополит Антоний (Храповицкий) в отечественной историографии 1990 – 2000-х гг.	
4.1. Отечественная историография 1990-х гг.: оценки митрополита Антония (Храповицкого) в условиях социально-политической трансформации страны	187

4.2. Митрополит Антоний (Храповицкий) в отечественной историографии 2000-х гг.	200
Заключение	234
Источники	245

Введение

Актуальность исследования.

История образования Русской Зарубежной Церкви долгое время оставалась предметом острой полемики, выходящей за пределы церковной области в сферу идеологии и политики¹. Процессы сближения двух частей Русской Церкви, оформившиеся в 2007 в «Акт о каноническом общении» Московским Патриархатом и Русской Зарубежной Церковью, способствовали активизации интереса к этой проблеме. В настоящее время происходит возвращение в научный и культурный оборот наследия русского церковного зарубежья, находившегося многие годы под умолчанием. Также в новейшей литературе происходит попытка объективной оценки как истории РПЦЗ в

¹ Предыстория Зарубежной Церкви начинается во время Гражданской войны, когда были образованы Временные высшие церковные управления (ВВЦУ) на территориях, которые контролировались белыми правительствами. В ноябре 1920 ВВЦУ на юге России эвакуировавшись из Крыма в Константинополь, было переименовано в Высшее русское церковное управление за границей. В мае 1921 года Высшее церковное управление переехало в Сербию, где 21 ноября 1921 года в Сремских Карловцах открылось Общецерковное заграничное собрание архиереев, клириков и мирян, переименованное позже во Всезарубежный Собор. Собор выпустил послание «Чадам Русской Православной Церкви, в рассеянии и изгнании сущим», в котором содержался призыв к восстановлению на российском престоле законного православного Царя из Дома Романовых. И послание к международной Генуэзской конференции с призывом народам мира «поддержать... военный поход против советского государства».

Советская власть использовала эти обращения для усиления гонений на Церковь в России. Под давлением власти 5 мая 1922 года Патриарх Тихон издал указ № 348 (349) по которому послания Карловацкого Собора «признавались не выражающими официального голоса Русской Православной Церкви и, по причине их чисто политического характера, не имеющими канонического значения».

Архиерейский Зарубежный Собор упразднил Высшее церковное управление, но образовал вместо него временный Архиерейский Синод во главе с митрополитом Антонием. Основание для этого зарубежные архиереи видели в указе Патриарха Тихона, Священного Синода и Высшего Церковного Совета № 362 от 20 ноября 1920 года, который декларировал необходимость организации епархиями самостоятельной церковной власти в случае отсутствия общения с Высшим церковным управлением Русской Православной Церкви. Зарубежные архиереи считали, что этот указ давал право на создание церковной организации и за пределами канонической территории Русской Православной Церкви, где ее епархий до этого не было.

После предложения Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским) архиереям в Западной Европе дать подписку о лояльности по отношению к советской власти, и после издание т.н. «Декларации митрополита Сергия», Архиерейский Синод 5 сентября 1927 года принял решение прервать общение с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя.

Общение между церковной властью в Отечестве и зарубежными иерархами было прервано на долгие годы. В 1934 митрополит Сергей (Страгородский) издал указ о запрещении в священнослужении митрополита Антония (Храповицкого) и нескольких зарубежных иерархов.

Диалог между двумя частями Русской Церкви возобновился только в 1990-е гг.

Наконец, в мае 2007 года в Храме Христа Спасителя в Москве состоялось торжественное подписание Акта о каноническом общении между Московским Патриархатом и Русской Зарубежной Церковью. (Русская Православная Церковь Заграницей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2416490.html> (дата обращения: 01.10.2019).

целом, так и личности отдельных ее представителей. В предшествующей традиции эти вопросы освещались крайне предвзято.

Личность одного из основателей и первого главы Зарубежной Церкви митрополита Антония (Храповицкого) занимает одно из самых значительных мест в истории Русской Церкви конца XIX – первой трети XX века. Архиерей, возглавлявший несколько кафедр, ректор двух духовных академий, педагог, яркий публицист, он принимал активное участие во многих церковных и государственных событиях того времени, выражая свою позицию предельно остро и вызывая ответную бурную реакцию. Очень сильное значение на восприятие его личности наложили споры, вокруг возглавляемой им Русской Православной Церкви Заграницей.

Как деятельность митрополита Антония, протекавшая в период смены исторических эпох, так и оценки ее в отечественной историографии осуществлялись в разные государственные, культурные, идеологические периоды существования русского общества. При этом на долгие годы, имя митрополита Антония в нашей стране оказалось вычеркнуто из научного и культурного обихода. В дореволюционное время и в эмиграции оценка личности митрополита Антония часто зависела от личных симпатий авторов и принадлежности их к разным церковным группам. Эти факторы не благоприятствовали научной разработке темы. После воссоединения двух частей Русской Церкви в 2007 г., непредвзятый анализ комплекса исторических источников, касающихся участия в создании РПЦЗ митрополита Антония, приобретает большое значение. Различие подходов к осмыслению феномена личности митрополита Антония, выразившееся в научной литературе, делает ее специальный анализ необходимым.

Степень научной разработанности проблемы. Литература, освещающая деятельность митрополита Антония как организатора и главы РПЦЗ хотя и обширна, но в то же время еще недостаточно изучена.

Несмотря на большой интерес к личности митрополита Антония,

комплексных работ, посвященных непосредственно изучению историографии проблемы роли митрополита Антония в деятельности РПЦЗ, на данный момент не существует. Лишь эпизодически исследователи затрагивали проблему освещения отечественными авторами деятельности митрополита Антония. Подобное положение сложилось в силу следующих причин. Церковно-общественная деятельность митрополита Антония на протяжении большей части его жизни была предметом острой полемики, а после – ее результаты и отношение к ней долгое время оставались актуальной проблемой. Это заставляло авторов оставаться в рамках полемических споров, не занимаясь систематизацией историографических источников. Анализ исторических работ о митрополите Антонии в обозначенный период направлен на восполнение этого пробела.

Характерно, что прижизненная оценка личности Антония и в дореволюционной России, и в эмиграции, и в Советском Союзе происходила в основном на страницах публицистических сочинений.

Партийный характер дореволюционной публицистики заставлял резко реагировать на появление самого имени митрополита в работах отдельных авторов¹. Уже на первом этапе советской историографии – в 1920 – 1930-е гг., был зафиксирован образ церковного деятеля определенного направления с его общественно-политическими и идеологическими взглядами², который не предполагал анализа работ, посвященных его деятельности. На следующем этапе советской историографии – в 1960 – 1980-е гг., проблема РПЦЗ и фигура Антония (Храповицкого) в историографическом плане также не

¹ Сапов В.В. Вокруг «Вех» (Полемика 1909-1910 годов) // Вехи: pro et contra. СПб., 1998. С. 17-18.

² Амосов Н. Октябрьская революция и церковь (материалы для докладчиков и беседчиков) // Антирелигиозник. 1937. № 10. С. 46-49; В.И. Белавин (патриарх Тихон) (политический некролог) // Известия. 2.06.1922. № 121 (1568); Грекулов Е. Как церковники помогали царизму при выборах в Думу // Антирелигиозник. 1937. № 11. С. 27; Кандидов Б. Контрреволюционная деятельность церкви в дни Октябрьской социалистической революции // Антирелигиозник. 1937. № 10. С. 26-27; Он же. Религиозная контрреволюция и антирелигиозное движение в 1905-07 гг. // Антирелигиозник. 1935. № 6. С. 8; Он же. Религиозная контрреволюция 1918-1920 гг. и интервенция (очерки и материалы). М., 1930. С. 143; Он же. Религиозные организации и антирелигиозное движение в эпоху Великой пролетарской революции // Антирелигиозник. 1937. № 9; Он же. Церковь и контрразведка. М., 1930. С. 43, 52-53; Лабунский В. «Религия и война» - выставка-передвижка // Антирелигиозник. 1932. № 2. С. 36 и др.

рассматривались.

Уже в 1990-е гг. оценивая общее состояние советской историографии пореволюционной Церкви, историк И.В. Соловьев писал о ее узко пропагандистском и агитационно-антицерковном характере, т.е. фактическом отсутствии нормальной исследовательской работы¹.

В церковной историографии советского периода основной объем публикаций, посвященных Зарубежной Церкви и упоминавший имя митрополита Антония, пришелся на 1940-е – первую половину 1950-х гг. Работы были посвящены различным аспектам критики РПЦЗ, но не содержали историографического анализа².

Литература, созданная в эмиграции, содержит некоторые фрагменты рассматриваемой проблемы. При всем обилии работ, посвященных истории Зарубежной Церкви, в эмиграции не было создано специальных историографических обзоров по этой теме, хотя полемический характер большинства работ заставлял их авторов периодически обращаться к критике оппонентов.

Библиографический обзор литературы по истории РПЦЗ делал в своей работе, изданной в 1960 г. «О неправде карловацкого раскола» известный канонист С.В. Троицкий, участник церковных дискуссий в эмиграции, консультант Архиерейского Синода³. В Советском Союзе эта работа была единственной опубликованной монографией церковного автора по этой теме. В свою очередь эта книга стала предметом критики апологета РПЦЗ протопресвитера Георгия (позже архиепископа Григория) (Граббе), как пример работы, сделанной под давлением советской власти⁴. Многочисленные

¹ Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви, 1917 – 1945. М., 1996. С. 5.

² Ведерников А. За оградой Матери-Церкви // Журнал Московской Патриархии. 1953. № 7. С. 32-39; Сергей (Ларин), еп. Несколько слов по поводу раскольничьей деятельности Митрополита Анастасия // Журнал Московской Патриархии. 1946. № 3. С. 26-31; Троицкий С.В. Идеология карловацкого раскола // Журнал Московской Патриархии. 1948. № 2. С. 43-50; Шишкин А. Путь духовной гибели // Журнал Московской Патриархии. 1954. № 2. С. 46-5; и др.

³ Троицкий С.В. О неправде карловацкого раскола: Разбор книги прот. М. Польского «Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей». М., 1992.

⁴ Граббе Г., протопресв. Правда о Русской Церкви на Родине и за рубежом (По поводу книги С. В. Троицкого «О неправде карловацкого раскола») Джорданвилль, Нью-Йорк, 1961. С. 3-6.

работы Григория (Граббе) часто содержали и критические отзывы о работах других своих современников, посвященных Зарубежной Церкви. Автора вышедшей в 1984 г. в Северной Америке работы канадского историка Д.В. Поспеловского *The Russian Church under the Soviet Regime, 1917—1982*, Граббе критиковал за игнорирование ряда работ представителей Зарубежной Церкви, в том числе объемной биографии митрополита Антония, написанной архиепископом Никоном (Рклицким)¹. Автор одной из самых обстоятельных работ, посвященных личности митрополита Антония в эмиграции, архимандрит Киприан (Керн), говоря о характере будущих биографий иерарха, предвидел их политическую и идеологическую ангажированность и выходящую из этого односторонность². Упомянутый выше Д.В. Поспеловский в своей монографии, посвященной истории Русской Церкви в XX веке, отмечал пристрастность и ограниченность авторов предшествующих работ по этой теме³.

В постсоветское время произошел резкий скачок интереса к церковно-исторической проблематике, что отразилось на росте числа и качестве публикаций. Начиная с 2000-х гг. можно говорить о появлении полноценных историографических трудов обобщающего характера, когда сама тема истории Зарубежной Церкви становится объектом пристального научного интереса. Помимо работ, посвященных истории Зарубежной Церкви, большой интерес представляет достаточно подробно разработанная проблема историографии государственно-церковных отношений в период становления советской власти, которая затрагивает и проблему, поставленную в настоящей работе.

Наиболее многочисленными являются историографические разделы в диссертационных исследованиях и монографиях. Они посвящены проблемам

¹ Григорий (Граббе), еп. К истории русских церковных разделений за границей. Опровержение ошибок в сочинении Д. Поспеловского «*The Russian Church Under the Soviet Regime 1917-1982*» / Епископ Григорий (Граббе) / Завет Святого Патриарха. М., 1996. С. 137-139.

² Киприан (Керн), архим. Из воспоминаний // Митрополит Антоний (Храповицкий): Избранные труды, письма, материалы. М., 2007. С. 822.

³ Поспеловский Д.В. *Русская Православная Церковь в XX веке*. М., 1995. С. 5.

организации Зарубежной Церкви, ее отношениям с Церковью в России, внутриэмиграционным церковным конфликтам, проблемам церковно-государственных отношений в первые годы советской власти¹. Также появляются и специальные историографические работы, посвященные этой теме². Отметим основные черты данной группы литературы. Во-первых, авторы стремятся рассмотреть весь спектр историографических источников по данной проблеме. Соответственно, они выделяют несколько основных групп источников: работы, изданные в эмиграции, вышедшие из советской России труды светских и церковных авторов, работы зарубежных авторов, и работы, вышедшие в постсоветское время.

Подобная классификация проявляется и в структуре некоторых исследований. Так, современный историк Д.Б. Павлов свое исследование по проблеме историографии отношений Церкви и государства в 1917 – 1922 гг., делит на три главы, которые посвящены соответственно историографии советской, зарубежной и современной. Спецификой названной темы автор называет то, что на протяжении почти всего XX века она развивалась в рамках двух потоков – в России (СССР) и в эмиграции, «которые были настолько различны, – делает вывод автор, – что и анализировать их следует порознь»³.

Схожи и основные выводы, сделанные авторами относительно

¹ Катаев А.М. Московская Патриархия и церковные разделения за рубежом и в СССР в 1922-1946 гг. Дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 2006; Кострюков А.А. Русская Он же. Русская Зарубежная Церковь и Патриарх Тихон (1920-1925 гг.). Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 2007; Он же. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов. Организация церковного управления в эмиграции и его отношения с Московской Патриархией при жизни Патриарха Тихона. М., 2007; Он же. Русская Зарубежная Церковь: создание, взаимоотношения с московской центральной властью и внутренние разделения в 1920-1938 гг. Дис. на соиск. уч. степ. док. ист. наук. М., 2012; Кривова Н.А. Власть и русская православная церковь в 1922-1925 гг.: Политика ЦК РКП(б) по отношению к религии и церкви и ее осуществление органами ГПУ-ОГПУ. Дис. на соиск. уч. степени док. ист. наук. М., 1998; Маковецкий А.В. Русская Православная Церковь за границей: этап возникновения и организационного оформления: 1920-1940 гг. Дис. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. СПб., 2007; Пантелеева Е.В. Русская православная Церковь в Западной Европе в 20-30-е гг. XX в. (религиоведческий анализ). Дис. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. М., 2005; Фирсов С.Л. Власть и огонь. Церковь и советское государство: 1918 – начало 1940-х гг.: очерки истории. М., 2014; Хмыров Д.В. Православная Российская Церковь за рубежом в 1920-е гг.: к истории создания РПЦЗ. Дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. СПб., 2016.

² Павлов Д.Б. Отечественная и зарубежная историография государственно-церковных отношений 1917 – 1922 гг.: исследование. М., 2011; Шкаровский М.В. Актуальные проблемы русской церковной эмиграции в XX веке: историографические и источниковедческие аспекты // Христианское чтение. 2012. № 1. С. 44-97.

³ Павлов Д.Б. Указ. соч. С. 5.

характеристики этих групп. Они отмечают полемический характер и идеологическую пристрастность большинства работ по истории РПЦЗ на протяжении XX века¹. Это свойственно и советскому периоду, и большей части работ, вышедших в эмиграции. При этом наибольшую научную ценность работ по истории Зарубежной Церкви вышедших до 1990- гг. исследователи видят в исследованиях ученых эмиграции и зарубежных историков².

В советской историографии выделяют ее идеологическую заданность, когда Церковь рассматривалась как антинародный институт, а советская власть, наоборот, изображалась только с положительной стороны, при этом игнорировалась документальная база³. На взгляд Д.Б. Павлова, особенностью ранней советской историографии было изначальное враждебное отношение к Церкви, ожидание скорейшего преодоления «религиозных предрассудков», которые сделали тему новейшей истории РПЦ, по сути, закрытой. Церковный вопрос рассматривался исключительно с пропагандистских позиций. «Разоблачение» контрреволюционной деятельности Церкви стало «центральным идейным постулатом казенной антирелигиозной литературы»⁴. Эти оценки, при некотором смягчении формулировок, сохранились в советской историографии и в дальнейшем: «На смену откровенному шельмованию религии и Церкви первых советских лет пришло ритуальное цитирование устоявшегося набора наиболее мягких высказываний основателя советского государства в отношении Церкви и ее служителей... »⁵.

Н.А. Кривова в своей диссертации, посвященной проблемам отношений советской власти и Церкви в 1922 – 1925 гг., отмечала «однобокость» советской историографии, когда церковная деятельность рассматривалась сквозь призму соответствия советскому законодательству и отношения к

¹ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов... С. 3; Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 57-59.

² Хмыров Д.В. Указ. соч. С. 4, 68.

³ Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 56, 57.

⁴ Павлов Д.Б. Указ. соч. С. 7, 22.

⁵ Там же. С. 26-27.

советской власти. Спектр вопросов, касавшийся деятельности государственных органов в отношении Церкви, не подвергался серьезному критическому анализу. «В итоге искажались реальные факты взаимоотношения власти и церкви», факты гонений на верующих замалчивались¹. Церковь первых лет советской власти «включалась в встроенную схему контрреволюционного заговора», Зарубежная Церковь рассматривалась «как оплот антисоветизма в эмиграции»².

Источниковая база советской историографии, по словам Кривовой, также была ограниченной и состояла, главным образом, из работ партийных идеологов, законодательных актов и постановлений. В итоге «фундаментальная проблема взаимоотношения власти и церкви в указанный период при обилии разнообразной литературы оставалась одной из самых неизученных в исторической науке»³.

Иные, но тоже пристрастные оценки выделяют и у церковных авторов советского периода. Принадлежность их к Московскому Патриархату ощутимо влияла на отношение к РПЦЗ – оно было слишком критичным, а позиция Патриархата, наоборот, часто идеализировалась⁴.

Также пристрастность являлась характерной чертой эмигрантской литературы, посвященной Зарубежной Церкви. Основную роль здесь играли симпатии авторов к той или иной церковной юрисдикции. В качестве характерной черты эмигрантской историографии, на всем ее протяжении, современный историк А.А. Кострюков отмечает цельность подхода авторов в предмете своей апологии или критики, когда конкретные авторы оправдывали либо действия зарубежного Синода, либо Московской Патриархии⁵. Говоря о работах, критикующих Зарубежную Церковь, А.А. Кострюков выделяет, в

¹ Кривова Н.А. Власть и русская православная церковь в 1922-1925 гг.: Политика ЦК РКП(б) по отношению к религии и церкви и ее осуществление органами ГПУ-ОГПУ. Дис. на соиск. уч. степ. док. ист. наук. М., 1998. С. 7.

² Там же. С. 8.

³ Там же. С. 8.

⁴ Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 58.

⁵ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов... С. 7.

первую очередь, труды двух эмигрантов – С.В. Троицкого и И.А. Стратонова, послуживших основой для последующих критических работ¹. В них представлены основные канонические аспекты критики Зарубежной Церкви. Один из наиболее последовательных критиков Зарубежной Церкви в эмиграции профессор И.А. Стратонов, на взгляд Кострюкова, в действиях зарубежных архиереев видел лишь политические и властные амбиции, не пытался понять их точку зрения, что серьезно ограничивало объективность его работы². Во взглядах жившего в Югославии профессора С.В. Троицкого важен факт перехода с позиций сторонника действий Зарубежного Синода на позиции его резкого противника, совпавший с политическими изменениями и приходом коммунистической власти³.

Позднейшие «антикарловацкие» работы, по мнению Кострюкова, не внесли новых существенных фактов в дело критики Зарубежной Церкви⁴.

С начала 1990-х исследователи прослеживают динамику отношения к истории Церкви. Так, первые авторы, обратившиеся к этому вопросу на рубеже 1980 – 1990-х гг., еще придерживались во многом старой концепции церковно-государственных отношений и хотя, с одной стороны, признавали существование гонений на Церковь, с другой, сохраняли старые, несколько иллюзорные представления о религиозной политике советской власти и исключительно с прежних негативных позиций смотрели на Зарубежную Церковь⁵.

Современный историк С.Л. Фирсов, в своем историографическом очерке анализирует основные тенденции церковно-исторической науки в 1990 – 2010-е гг. и констатирует начало постепенных изменений в историографии: отход от рассмотрения Церкви после революции как реакционного института

¹ Стратонов И.А. Русская церковная смута. 1921 – 1931 гг. // Из истории Христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995. С. 29-172; Троицкий С.В. О неправде карловацкого раскола.

² Кострюков. А.А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов... С. 14-16.

³ Там же. С. 7-13.

⁴ Там же. С. 18.

⁵ Шкаровский М.В. Указ. Соч. С. 60.

со временем вынужденного «адаптироваться» к социальным условиям¹. Примером отхода от прежних схем С.Л. Фирсов называет работу А.В. Алексеева «Иллюзии и догмы», изданную в 1991 г.². В ней автор давал возможность по-новому взглянуть на церковно-государственные отношения, признавал гонения на Церковь, но все еще смотрел на историю Церкви «сквозь призму «социалистических очков», веря в возвращение принципов «тактичного, уважительного отношения к религии и чувствам верующих»³.

Обращение к ранее неизвестным документам постепенно привело к появлению объективных работ по истории РПЦЗ⁴. В работах, выходящих в постсоветское время, А.А. Кострюков отмечает постепенную тенденцию отхода от пристрастности в отношении истории Зарубежной Церкви⁵. Среди таких работ он называет труды протоиереев Г. Митрофанова, В. Цыпина, профессора В.И. Косика, А.В. Попова⁶.

Исследователи, обращающиеся к историографическому обзору РПЦЗ, выделяют основные проблемные вопросы. Так, одной из самых актуальных на сегодняшний день тем, интересной для нашей работы, является история формирования православной диаспоры и ее разделение на несколько частей⁷.

Анализируя работы, посвященные истории РПЦЗ, С.Л. Фирсов отмечает, что многие спорные вопросы получили серьезный толчок к развитию в 2000-е гг. Работы современных ведущих исследователей, на взгляд С.Л. Фирсова, показывают важнейший момент проблемы истории Русской Зарубежной Церкви: создание Церкви в эмиграции было действием не просто неизбежным, но необходимым⁸. Этот вывод важен для понимания проблем

¹ Фирсов С.Л. Указ. соч. С. 426-427.

² Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М., 1991.

³ Фирсов С.Л. Указ. соч. С. 439.

⁴ Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 61.

⁵ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов... С. 22.

⁶ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов... С. 22-23; Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20 – 40-е гг. XX века). М., 1999; Митрофанов Г., свящ. Православная Церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы. СПб., 1995; Попов А.В. Российское православное зарубежье: история и источники. С приложением систематической библиографии. М.: ИПВА, 2005; Цыпин В., прот. История Русской Церкви. 1917-1997. М., 1997.

⁷ Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 63.

⁸ Фирсов С.Л. Указ. соч. С. 458-460.

историографии Зарубежной Церкви и непосредственного ее организатора и главы – митрополита Антония (Храповицкого).

Помимо научных трудов и документов важными источниками по истории Зарубежной Церкви современными исследователями признаются и нарративные источники эмигрантов, а также материалы периодической печати¹.

Также в качестве важной составляющей изучения истории РПЦЗ в настоящее время исследователи отмечают комплекс изданных документов по теме. Долгое время они издавались в основном за границей. Среди них – издание биографии митрополита Антония (Храповицкого) и его писем².

Минусами изучения русской церковной эмиграции отечественные исследователи называют отсутствие обобщающих монографий по истории РПЦЗ, недостаток опубликованных источников³.

Одной из серьезных проблем постсоветской историографии пореволюционной Церкви современные исследователи называют ее методологические основания⁴. С.Л. Фирсов говорит об отсутствии четких методологических принципов исследований. С одной стороны, в настоящее время произошел отход от советских установок, базировавшихся на проблеме «классовых отношений». Однако вместо них возникла опасность иного, ангажированного уже с противоположным знаком, подхода: «... преодолена ли опасность создания новых клише, новых схем?»⁵, – задается вопросом историк и приводит примеры, когда современные авторы, в своих работах придерживаясь определенной схемы истории Церкви, ставили эту схему во главу угла, подчиняя ей факты, создавая тем самым искусственную конструкцию. Примером подобной конструкции Фирсов называет работу М.А. Бабкина⁶. Автор, заявив проблему «священства-царства» в качестве

¹ Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 88-89.

² Там же. С. 84-85.

³ Хмыров Д.В. Указ. соч. С. 5; Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 61.

⁴ Фирсов С.Л. Указ. соч. 441; Хмыров Д.В. Указ. соч. С. 5.

⁵ Фирсов С.Л. Указ. соч. С. 6.

⁶ Бабкин М.А. Священство и царство. (Россия, начало XX в. – 1918 г.): исследования и материалы. М., 2011.

критерия оценки церковно-государственных отношений, делает вывод о предательстве церковной иерархией монархического принципа и следующей из этого дальнейшей трагедии Церкви. Фирсов делает однозначный вывод, называя концепцию Бабкина «методологической беспомощностью»¹.

«Болезнь роста», когда при стремительном увеличении числа работ, посвященных новейшей истории Церкви, уровень многих из них не соответствует критериям научности, – один из характерных признаков постсоветской историографии, отмечаемый историками². «... следование изначально определенным морально-этическим и идейным императивам» приводило к «морализаторским сентенциям и следованию правилам изложения фактического материала без «аналитической рефлексии». Как итог подобного подхода – работы апологетического характера, соседство ценных материалов с апокрифами и существование откровенно псевдонаучных работ³. Примером подобной работы, получившей, однако, широкое распространение, С.Л. Фирсов называет книгу В. Мосса⁴, характеризуя ее как «идеологический манифест» с характерными пристрастными оценками, зависящими от личных симпатий автора⁵.

Инокения Васса (Ларина) в своей статье, посвященной анализу проблемы «русскости» Зарубежной Церкви в 1920 – 1945 гг., говорит о важности корректных с методологических позиций оценок. Она делает акцент на необходимости очищения изучения истории РПЦЗ от «навязывания» исторического опыта, неизвестного в то время, а также политических, идеологических установок позднейших исторических периодов, не имевших места в тот период истории Зарубежной Церкви⁶.

В целом, на сегодняшний день исследователи отмечают схематичность

¹ Фирсов С.Л. Указ. соч. С. 450-451.

² Павлов Д.Б. Указ. соч. С. 63.

³ Фирсов С.Л. Указ. соч. С. 6, 441-444.

⁴ Мосс В. Православная Церковь на перепутье (1917 – 1999). СПб., 2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ortho-hetero.ru/index.php/history/651> (дата обращения: 01.10.2019).

⁵ Фирсов С.Л. Указ. соч. С. 444.

⁶ Инокения Васса (Ларина). «Русскость» Русской Зарубежной Церкви в контексте церковной икономии (1920-1945) // Благодатный огонь. 2004. №12. С. 23.

описания деятельности митрополита Антония в историографии, считая, что это проблема должна стать предметом серьезного переосмысления, которое значительно расширит представления об этой интересной и сложной личности¹.

В зарубежной исторической науке также не были подробно освещены проблемы анализа личности и деятельности митрополита Антония (Храповицкого) в качестве главы Русской Зарубежной Церкви². М.В. Шкаровский отмечает, что многие работы зарубежных авторов о деятельности Церкви за рубежом сосредотачивались на моментах связанных с периодом Второй мировой войны³.

В статьях болгарского историка Д. Калканджиевой представлен историографический обзор работ по пореволюционной истории РПЦ. Автор отмечает, что внимание ученых было направлено в первую очередь на политические аспекты существования РПЦ. Причину этого она видит в том, что подход к изучению международных отношений исходил из их секулярного характера. Такой подход фактически исключал «негосударственные субъекты» из сферы геополитики. Это, во-первых, приводило к тому, что большинство усилий было направлено на анализ роли Церкви в государственной внешней политике. И, во-вторых, к игнорированию истории РПЦ межвоенного периода, когда активность Церкви была подавлена властью, а саму РПЦ приравнивали именно к Московской Патриархии, «закрывая глаза» на зарубежные структуры РПЦ. Поэтому «в центре внимания» находилась история, начавшаяся с 1943 г.⁴.

¹ Митрополит Антоний (Храповицкий) – фигура противоречивая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruskline.ru/news_rl/2011/08/10/mitropolit_antonij_hrapovickij_figura_protivorechivaya/ (дата обращения: 01.10.2019).

² Curtiss J. Russian church and the Soviet state, 1917-1950. Boston, 1953; Günther W. Die russisch-orthodoxe Kirche in der Bundesrepublik Deutschland. Memorandum. Sigmaringen, 1980; Günther W. Zur Geschichte der russisch-orthodoxen Kirche in Deutschland in den Jahren 1920 bis 1950. Sigmaringen, 1982; Seide G. Geschichte der Russischen Orthodoxen Kirche im Ausland von der Gründung bis in die Gegenwart. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1983; Seide G. Verantwortung in der Diaspora. Die Russische Orthodoxe Kirche im Ausland. München : Kiril & Method Verlag, 1989; Stricker G. Russische Orthodoxie in der Diaspora // <https://www.e-periodica.ch/cntmng?pid=ikz-002:2008:98::113>.

³ Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 68-69.

⁴ Kalkandjjeva D. Russian ecclesiastical geopolitics between the two world wars [Электронный ресурс]. – Режим

Таким образом, предшествующие исследователи занимались проблемой историографии, касающейся Антония (Храповицкого), главным образом в рамках обращения к истории РПЦЗ. Общим является признание факта идеологической заинтересованности большинства авторов, обращавшихся к этой теме. Однако системного видения проблемы не сложилось. Не было осуществлено специальное рассмотрение личности митрополита Антония в рамках историографических исследований. Необходим комплексный анализ подходов к личности и деятельности Антония (Храповицкого) в отечественной исторической науке, а также оценка церковных, идеологических, политических, философских воззрений митрополита Антония в работах отечественных исследователей.

Объектом исследования являются концепции истории Русской Православной Церкви в XX веке сложившиеся в отечественной историографии.

Предмет исследования: Митрополит Антоний (Храповицкий) как идеолог и деятель Русской Зарубежной Церкви в отечественной историографии 1920 – 2000-х гг.

Цель исследования: раскрыть контекстуальные условия генезиса, формирования и эволюции отечественной историографической традиции изучения личности Антония (Храповицкого) как идеолога и деятеля Русской Зарубежной Церкви (1920-2000-е гг.).

Для осуществления указанной цели необходимо решить следующие **задачи:**

1. выделить основные этапы отечественной традиции изучения личности и деятельности Антония (Храповицкого), определить их основные особенности;
2. реконструировать социокультурный контекст генезиса, формирования и

доступа: https://www.researchgate.net/publication/331113963_RUSSIAN_ECCLESIASTICAL_GEOPOLITICS_BETWEEN_THE_TWO_WORLD_WARS (дата обращения: 01.10.2019); Она же. The Russian Orthodox Church, 1917-1948: From Decline to Resurrection [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/268717692_The_Russian_Orthodox_Church_1917-1948_From_Decline_to_Resurrection (дата обращения: 01.10.2019).

эволюции отечественной историографии личности митрополита Антония (Храповицкого) как идеолога и деятеля Зарубежной Церкви;

3. реконструировать восприятие личности и деятельности Антония (Храповицкого) данным современниками в дореволюционное время в России и в эмиграции;

4. выявить представления отечественных авторов разных исторических периодов о роли личности Антония (Храповицкого) в становлении РПЦЗ и в целом в истории Русской Церкви, определить их подходы к этим проблемам.

5. проследить динамику отношения к Антонию (Храповицкому), раскрыть ее закономерности;

6. охарактеризовать политические, идеологические, церковные, взгляды Антония (Храповицкого).

Следует также отметить, что в исследовании не ставится задача специального анализа богословских вопросов. Они находят отражение в работе с той стороны, с какой рассматривались на уровне церковных и общественно-политических проблем.

Методология исследования.

В своей работе мы берем за основу методы проблемной историографии. В фокусе внимания проблемной историографии лежит осмысление движения проблематики как наиболее гибкого элемента развития исторической науки. Подобный подход возможен при рассмотрении нескольких ракурсов: социально-политического – социальных, политических, экономических условий в которых создавалась научная работа, внутринаучного – теоретических направлений, существовавших во время создания работы, (при этом внимание уделяется и иным гуманитарным дисциплинам смежным с историей), теоретико-методологических позиций непосредственного автора, которые включают и специфику корпоративных правил и норм. Современные исследователи отмечают здесь важный аспект: зачастую, определяя теоретические позиции автора, исследователи часто с легкостью, исходя из

доминирующих методологических направлений эпохи, помещали в какое-либо из них автора научной работы. При этом принадлежность к той или иной методологии часто имела формальный характер¹.

Опираясь на принципы «интеллектуальной истории» остановимся подробнее на вопросе контекстуальности. Одним из современных взглядов на историографию заключается в рассмотрении ее частью интеллектуальной истории, характерными чертами которой являются междисциплинарность и контекстность². Интеллектуальная история характеризуется широким охватом разных аспектов гуманитарного знания, имеющих отношение к историческим вопросам. Одна из ведущих тенденций развития исторической науки состоит в отходе от концентрации внутри себя и обращении к контексту ее создания. Т.е. история науки изучается как часть общественной жизни. Наука исследуется в совокупности с социальными, политическими и другими аспектами интеллектуальной истории³. Л.П. Репина говоря о контекстах интеллектуальной истории отмечает: «Контексты интеллектуальной истории разнообразны и очень подвижны... Контексты варьируются между полюсами личностного и глобального, а порой их проблематизация направлена на сближение и взаимодействие»⁴.

На протяжении нескольких десятилетий историческая наука историческая наука была подвержена крайностям, обращаясь то к «внутренним», то к «внешним» сторонам истории идей. «Лингвистический поворот» второй половины 1980-х – начала 1990-х гг., когда основное внимание было привлечено к теории языка, речи и построению текста, в то же время не позволял в полной мере «понять авторское высказывание» разрывая связь с внешними факторами – социальными, жизненными условиями. Это

¹ Несколько лекций по методике историографического анализа: современные исследовательские практики: учебное пособие. Омск., 2012. С. 38-39.

² Сидорова Т.А. Историография как интеллектуальная история: проблемы междисциплинарности и контекста // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2012. С. 586-594.

³ Репина Л.П. Интеллектуальная история сегодня: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] // Вестник РОИИ. 2001. № 1. – Режим доступа: <http://roii.ru/bulletin/roii-bulletin-1.pdf> (дата обращения: 01.10.2019).

⁴ Репина Л.П. Интеллектуальная история на рубеже XX – XXI вв // Новая и новейшая история. М., 2006. № 1. С. 18.

вызвало ответную реакцию, привлекая внимание к контексту, в котором создавался и распространялся текст и к индивидуальным целям, интересам, мировоззренческим позициям его создателя. Первейшая задача интеллектуального историка, – пишет Л.П. Репина, – «понять исторический текст», *то есть – понять выраженную в тексте идею*¹ (курсив автора). Например, для рассматриваемых в данной работе проблем зачастую характерен выраженный политический контекст, из чего выходит возможная политическая пристрастность разных авторов или вовсе откровенное осуществление посредством текста политической борьбы.

Таким образом, подход к интеллектуальной истории на сегодняшний день соединяет внелингвистический контекст – контекст «возникновения, бытования и восприятия» интеллектуальных процессов и контекст лингвистический, исходя из признания «активной роли языка, текста и нарративных, структур в конструировании исторической реальности», т.е. вниманию на анализ «дискурсивной практики»².

Еще один метод, применяемый в исследовании – метод исторической биографии. Одна из актуальных проблем современной историографии – проблема взаимодействия «индивидуального и группового, единичного и массового, уникального и всеобщего»³. И если общественное сознание было предметом пристального внимания историков, то персональная идентичность оставалась на периферии научного интереса. В настоящее время актуальным становится интерес к отдельному индивиду. Это стимулирует интерес к данному виду исследования, получившему название «персональной истории»⁴. В отечественной историографии важно отметить стремление к преодолению советского подхода к истории как науки о законах развития общества и пониманию, что «объект исторического познания – конкретно-

¹ Репина Л.П. Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 25/1. М. 2008. С. 9.

² Репина Л.П. Интеллектуальная история сегодня...; Она же. Контексты интеллектуальной истории. С. 7-8.

³ Репина Л.П. От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2010. С. 55.

⁴ Там же. С. 55-56.

историческая индивидуальность, неповторимая ситуация в культурной, политической социальной жизни»¹. Изучение индивидуальности помогает историку преодолеть схематичность в описании прошлого, уйти от упрощения моделируя прошлое «по образцу настоящего», делая его «идеологическим оружием»².

Современная историческая биография – не простое жизнеописание, это история, показанная через личность³. В отечественной историографии в настоящее время выделяют два основных направления персональной истории. Первый – «экзистенциальная биография», в которой внимание концентрируется на личности героя, ее психологических характеристиках, их изменениях. Второй – «новая биографическая история». В этом направлении личностный и культурный факторы взаимосвязаны. Реконструкция жизнь героя происходит посредством обращения к внешним факторам – социальному и культурному положению. При этом биография личности может быть гораздо более протяженной, чем собственно жизнь героя, включая в себя и опыт, унаследованный из прошлого, и «оставленную потомкам память»⁴. В целом, в персональной истории перипетии личной жизни «выступают одновременно как стратегическая цель исследования и как адекватное средство познания включающего их и творимого ими исторического социума»⁵.

Из общеисторических методов, в работе применяются следующие. Историко-генетический метод, позволяющий понять процесс изучения личности и деятельности митрополита Антония (Храповицкого) в его исторической динамике. Историко-сравнительный метод, направленный на исследование общих и особенных черт разных историографических периодов исследования Антония (Храповицкого). Историко-системный метод, направленный на анализ конкретной историографической эпохи в качестве

¹ Гуревич А. История историка. М., СПб., 2012. С. 182.

² Там же. С. 183.

³ Репина Л.П. От «истории одной жизни» ... С. 63.

⁴ Попова Т.Н. Персональная история VS интеллектуальная биография, биоисториография: подходы и понятия // Человек в истории и культуре. Одесса, 2012. С. 541-543; Репина Л.П. От «истории одной жизни»... С. 60-63.

⁵ Репина Л.П. От «истории одной жизни» ... С. 56.

отдельного научного явления.

В работе используется термин «церковная историография», который требует пояснения. В советское время деление на церковную и светскую историографию было четко дифференцировано. Это связано с разделением в это время церковных и государственных структур, их противопоставлением. Поэтому понятие «церковный автор» – это четкая дефиниция – автор, находившийся в рамках духовного ведомства. Государственные и церковные издания существовали фактически изолированно друг от друга. В постсоветское время эта изоляция исчезла. Поэтому разделение на «светскую» (государственную) и «церковную» историографию в нашей работе проводится только для советского периода.

Термин «идеология», используемый в работе, также требует пояснения. Современная философская энциклопедия дает следующее определение этого понятия: «Идеология... – система концептуально оформленных представлений и идей, которая выражает интересы, мировоззрение и идеалы различных субъектов политики – классов, наций, общества, политических партий, общественных движений...» Идеология это также «форма общественного сознания – составная часть культуры, духовного производства»¹. Под понятием «идеология» в исследовании мы понимаем систему взглядов на отношения Церкви и государства.

Источниковая база исследования.

Исходя из контекста работы, необходимо остановиться на понятии историографического источника. В настоящее время в исторической науке существуют два основных подхода к определению историографического источника. Первый подразумевает широкое толкование этого понятия. Суть его еще в середине 1960-х гг. дал С.О. Шмидт. Признавая за печатными трудами историков первенство в качестве историографического источника, он

¹Новая философская энциклопедия: в 4 т. [Электронный ресурс] / Институт философии РАН – Режим доступа: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHbb6fc2dd8032798c2096bb?p.s=TextQuery> (дата обращения: 01.10.2019).

сформулировал следующее определение: «историографическим источником можно назвать всякий источник познания историографических явлений (фактов)»¹. Современные исследователи формулируют это следующим образом: «Историографический источник – это то, откуда извлекают информацию, пригодную для конструирования историографического процесса»².

Второй подход понимает под историографическим источником произведение «творческой деятельности человека, продукта культуры, который помогает современному исследователю выявить целеполагание автора исторического труда, сознательно осуществлявшего акт историописания, выполнявшего определенную функцию в социуме»³.

Принимая во внимание характер работы, мы используем в исследовании первый из указанных выше подходов, т.е. любой источник, включенный в ракурс историографического исследования, получает статус историографического источника.

Классификация историографических источников на современном этапе основывается на принципе целеполагания автора, а не произвольном желании библиографа⁴. В исследовании используется феноменологическая концепция источниковедения, применяя которую можно выделить следующие виды: «монографии, статьи, диссертации, тезисы, рецензии, учебные пособия и т.д.» и группы (по типам исторического знания: научное исследование и социально ориентированное историописание) историографических источников по целеполаганию». Таким образом не происходит ранжирования работ по степени значимости, а источники рассматриваются как рядоположенные⁵.

¹ Шмидт С. О. Некоторые вопросы источниковедения историографии // Сб. ст.: Проблемы истории общественной мысли и историографии: к 75-летию акад. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1976. С. 119-129; Он же. Архивный документ как историографический источник. Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии // Сб. ст.: Проблемы истории общественной мысли и историографии: к 75-летию акад. М.В. Нечкиной. М.: РГГУ, 1997. С. 177.

² Источниковедение: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков и др.; отв. ред. М. Ф. Румянцева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 508.

³ Там же. С. 508.

⁴ Там же. С. 523.

⁵ Там же. С. 524.

Все источники, использованные в работе, мы можем разделить на следующие группы: научные труды (монографии, статьи, диссертации), делопроизводственные документы, работы Антония (Храповицкого), общественно-публицистические работы, материалы личного происхождения.

С помощью научных трудов можно реконструировать процесс изучения отечественными исследователями деятельности митрополита Антония в качестве главы Русской Зарубежной Церкви. Это работы, посвященные истории РПЦЗ, истории Русской Церкви, работы, посвященные непосредственному анализу деятельности митрополита Антония, различным аспектам его личности и взглядов. Самая большая по численности группа – это труды, посвященные различным аспектам истории Русской Зарубежной Церкви. Авторами ряда работ, вышедших в эмиграции, были непосредственные участники событий, лично знавшие митрополита Антония, его сторонники и противники – представители разных церковных юрисдикций¹. Эти работы дают представления о фиксации канонических обоснований своего положения представителями разных сторон, восприятии роли митрополита Антония в этом процессе. В позднейших работах, созданных в эмиграции, уже с позиций накопленного опыта, отражались представления разных церковных групп эмиграции об организационной и идейной роли митрополита Антония в деятельности Зарубежной Церкви, восприятии им канонических аспектов создания РПЦЗ, его идеологических приоритетах². Отдельно стоит выделить многотомный труд архиепископа

¹ Каноническое положение Православной Русской Церкви за границей. Париж, 1927; Тальберг Н.Д. Церковный раскол. Париж, 1927; Троицкий С.В. Размежевание или раскол. Париж, 1932.

² Андреев И.М. Краткий обзор истории Русской Церкви от революции до наших дней. Джорданвилль, 1952; Вениамин (Федченков), митр. Раскол или единство? // Церковно-исторический вестник. 1999. № 4–5. С. 4-139; Граббе Г. Правда о Русской Церкви на Родине и за рубежом; Григорий (Граббе), еп. К истории русских церковных разделений за границей. С. 136-194; Он же. Русская Церковь перед лицом господствующего зла // Юбилейный сборник в память 1000-летия Крещения Руси. Джорданвилль, 1988. С. 156-322; Завалишин Б. Антоний митрополит Киевский и Галицкий // Троицкий календарь с церковным уставом на 1946 год. Джорданвилль, 1946. С. 1-24; Зеньковский В.В. История русской философии. Харьков; М., 2001; Зернов Н.М. Юрисдикционные споры в Русской Церкви эмиграции и I-й Всезарубежный Собор в Карловцах в 1921 году // Вестник РХД. 1974. № 114. С. 119-146; Маевский В.А. Русские в Югославии. Нью-Йорк, 1966. Т. 2; Мейендорф И., прот. У истоков зарубежного раскола // Вестник РХД. 1987. № 151. С. 219-226; Польский М., прот. Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей. Джорданвилль, 1948; Пospelовский Д.В. Митрополит Сергей и расколы справа // Вестник РСХД. 1990. № 158. С. 53-81; Раев М.И.

Никона (Рклицкого) написанный в жанре биографии, а также содержащий работы самого митрополита Антония¹.

Научные работы, изданные в советское время, показывают восприятие личности митрополита Антония в условиях официальной атеистической идеологии, на разных этапах церковно-государственных отношений и реакции на деятельность Зарубежной Церкви. Имя митрополита Антония в научных исследованиях в довоенной историографии встречалось в контексте дореволюционной истории и истории революции и Гражданской войны в монографиях и в статьях в журнале «Антирелигиозник»².

В 1960-е – 1980-е гг. в советской историографии тема Русской Зарубежной Церкви была связана в основном с освещением проблем истории революции и Гражданской войны, а также необходимостью идеологического ответа на антисоветскую активность Зарубежной Церкви в эти годы. Работы выходили как в виде отдельных монографий, так и в виде статей в журналах «Наука и религия», «Вопросы научного атеизма», научных сборниках «Аргументы», «Вопросы истории религии и атеизма»³. В самом конце

Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919-1939. М., 1994; Смолич. И. К. История Русской церкви. [Кн. 8], ч. 1: 1700-1917. М.: 1996; Тальберг Н.Д. К сорокалетию пагубного евогианского раскола. Джорданвилль, 1966; Чернавин И., прот. Русская Зарубежная Церковь и Московская Патриархия. Нью-Йорк, 1945.

¹ Никон (Рклицкий), архиеп. Житиеописание блаженнейшего Антония митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк: Издание Северо-Американской и Канадской епархии, 1960-1962. Т. VI, VII, IX; Он же. Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время. Нижний Новгород: Издание Братства во имя святого князя Александра Невского, 2004. Кн.1.

² Введенский А.И. Церковь и Государство. М., 1923; Грекулов Е. Как церковники помогали царизму при выборах в Думу; Кандидов Б. Контрреволюционная деятельность церкви в дни Октябрьской социалистической революции; Он же. Религиозная контрреволюция и антирелигиозное движение в 1905-07 гг.; Он же. Религиозная контрреволюция 1918-1920 гг. и интервенция (очерки и материалы); Он же. Религиозные организации и антирелигиозное движение в эпоху Великой пролетарской революции; Лабунский В. Указ. соч.; Материалы в помощь изучающим историю ВКП (б) // Антирелигиозник. 1940. № 2; Шестакова М. Церковники и сектанты на службе фашистских разведок. М., 1938. № 3.

³ Белов А.В. Клерикальный антикоммунизм: идеология, политика, пропаганда. М., 1987; Белов А., Шилкин А. Духовные мертвецы из Джорданвилля // Наука и религия. 1969. № 1; Они же. Карловацкий раскол – прошлое и настоящее. М., 1975; Бессонов М.Н. Буржуазно-клерикальные измышления по поводу 1000-летия «крещения Руси» и вопросы контрпропаганды. М., 1986; Он же. Раскольники из Джорданвилля // Аргументы. М., 1987; Васильев А.В., Комаров П.М. Смена власти в Джорданвилле // Аргументы. М., 1987; Великович Л.Н. Религия в современной идеологической борьбе. М., 1981; Воронцов Г.В. Церковно-эмигрантская фальсификация религиозного вопроса в СССР // Вопросы научного атеизма. М., 1970; Гордиенко Н.С. Тоскуя по царю и гетману // Наука и религия. 1982. № 2; Гордиенко Н.С., Комаров П.М. Обреченные. О русской эмигрантской псевдоцеркви. Л., 1988; Гордиенко Н.С., Комаров П.М., Курочкин П.К. Политиканы от религии. Правда о «русской зарубежной церкви». М., 1975; Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905-1907 гг. М., 1984; Клерикальный антисоветизм: система идеологических диверсий. Киев, 1984; Коник В. Свобода совести и ее лжезащитники. М., 1986; Ладоренко В.Е. К вопросу об изменении политической

советского периода нашей страны, когда начиная с 1988 г. предпринимались попытки переосмысления роли Церкви в истории страны, в историографии было зафиксировано отношение к роли митрополита Антония в истории Русской Церкви¹.

Современная научная литература отражает процессы отношения к митрополиту Антонию на фоне активизации изучения церковной истории в постсоветское время, процессов диалога между Зарубежной Церковью и Московской Патриархией. Их первоначальное противостояние и позднее сближение нашли отражение в научных трудах. Во-первых, история русской церковной диаспоры рассматривалась в рамках работ, посвященных истории Русской Церкви в XX веке². Во-вторых, интерес к церковному зарубежью проявился в большом количестве публикаций непосредственно этой проблеме. Это монографии, диссертационные исследования по истории Зарубежной Церкви, проблемам ее организационного становления: юрисдикционным вопросам, отношениям со священноначалием в Москве и др. В них большее внимание, нежели в предшествующей традиции, уделяется роли митрополита Антония³. В многочисленных статьях, сборниках конференций рассматриваются отдельные аспекты истории Зарубежной Церкви⁴.

ориентации русской православной церкви (1917-1945) // Вопросы истории религии и атеизма. Вып. 12. М., 1964; Под флагом РСХД // Аргументы. М., 1980; Плаксин Р.Ю. Крах церковной контрреволюции 1917-1923 гг. М., 1968; Он же. Тихоновщина и ее крах: позиция православной церкви в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. Л., 1987; Чемерисский Н.А. Изъятие в 1922 г. церковных ценностей для помощи голодающим // Вопросы истории религии и атеизма. Вып. 10. М., 1962. Чертков А. Крах. М., 1968; Шейнман М.М. Обновленческое течение в русской православной церкви после Октября // Вопросы научного атеизма. Вып.2. Модернизация религии в современных условиях. М., 1966.

¹ Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М., 1991; Одинцов М. Жребий пастыря. Сцены и документы из жизни патриарха Тихона // Наука и религия. 1989. № 6; Русское православие: вехи истории. М., 1989; Шамаро. А. Житие несостоявшегося патриарха // Наука и религия. 1988. № 6.

² История Русской Православной Церкви. От восстановления Патриаршества до наших дней. Т. I. 1917-1970. СПб., 1997; Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995; Цыпин В., Указ. соч.

³ Вениамин (Жуков), прот. Русская Православная Церковь на Родине и за рубежом. Обзор современной истории. Париж, 2005; Катаев. А.М. Указ. соч.; Косик В.И. Указ соч.; Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1925-1938 гг. Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. М., 2011; Он же. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов; Он же. Русская Зарубежная Церковь и Патриарх Тихон (1920-1925 гг.); Русская Зарубежная Церковь: создание, взаимоотношения с московской центральной властью и внутренние разделения в 1920-1938 гг.; Маковецкий А.В. Указ. соч.; Он же. Белая Церковь: Вдали от атеистического террора. СПб., 2009; Митрофанов Г. Указ. соч.; Пантелеева Е.В. Указ. соч.

⁴ Георгий (Ореханов), иерей, Ефремова О.Н. Новые документы из фонда Архиерейского Синода РПЦЗ //

Современные научные труды, в которых фигура митрополита Антония рассматривается вне контекста истории Зарубежной Церкви, также представляют большой интерес. Это и работы по различным аспектам истории дореволюционной Церкви¹ и посвященные непосредственно митрополиту Антонию, анализу его философских, политических взглядов².

Имя митрополита Антония представлено и в зарубежной историографии. В середине 1920 – 1930-е гг. в английском журнале «The Christian East» в ряде статей излагались взгляды митрополита Антония на диалог Православной и Англиканской Церквей. Этот же вопрос освещался и в позднейший годы³. В 1926 г. во Франции вышла книга католического священника Мишеля Д'Эрбиньи о церковной жизни в Советской России⁴. В ней содержатся сведения о восприятии московским духовенством зарубежных иерархов. Книга переведена на русский язык. Имя митрополита Антония упоминается в ряде работ, посвященных проблемам национализма в России⁵. Большой интерес представляет работа американского исследователя Д. Каннингема «С надеждой на Собор», опубликованная в 1980 г. Книга опровергала распространенную в американской историографии точку зрения, что Русская Церковь до революции была устаревшим, отмирающим

История Русской Православной Церкви в XX веке (1917-1933). Мюнхен, 2002; Кострюков А.А. Борьба зарубежных иерархов с демократическими тенденциями в церковном управлении в двадцатые годы XX века // XVI Ежегодная богословская конференция ПСТГУ: Материалы. 2006. Т. 1; Он же. Временное высшее церковное управление на юго-востоке России как начало зарубежной церковной власти // Вестник ПСТГУ. 2008, вып. 2; Мазырин А., иерей. Патриарший местоблюститель митрополит Петр и русское зарубежье. XVIII Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ: В 2 т. М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. Т. 1; Он же. Вопрос о замещении киевской кафедры в 1920-е гг. // Вестник ПСТГУ. 2007. Вып. 2(23), 3(24) и др.

¹ Бабкин М.А. Бабкин М.А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. — конец 1917 г.). М., 2007; Он же. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 г. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви). М., 2006; Бычков С.С. Русская Церковь и императорская власть (Очерк по истории Православной Российской Церкви 1900-1917 годов). М., 1998; Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002.

² Гаврюшин Н.К. Идеал любви и трагедия власти: митрополит Антоний Храповицкий // Гаврюшин Н.К. Русское богословие. Очерки и портреты. Нижний Новгород, 2005; Фирсов С.Л. Владыка Антоний (Храповицкий) как православный публицист и полемист конца XIX - начала XX века / Фирсов С.Л. Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. СПб., 2007. Яковлев А.И. Церковный воитель // Митрополит Антоний (Храповицкий): Избранные труды, письма материалы. М., 2007.

³ Douglas J. A. The Orthodox Delegation the Lambeth Conference of 1930 // The Christian East. Vol. 11:2. 1930. P. 62; Walter J. Burghard, ed., G.W. Clarke, tr. Ancient Christian Writers // Epp. 69.3.1; 70.3.1–3.3; 73.2.2, 47.4. NY.: Newman Press, 1989. P. 4, 34, 47–48, 55, 58; With Bishop Gore in the Near East // The Christian East. Vol.4:3. 1923. P. 115–116.

⁴ Д'Эрбиньи М. Церковная жизнь в Москве. Париж, 1926.

⁵ Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1994.

институтом. В работе уделено большое внимание роли митрополита Антония на тенденции развития дореволюционной Церкви¹.

Также к научным трудам относится литература, помогающая восстановить контекст создания историографических источников: общественно-политических условий, теоретико-методологических направлений, существовавших на разных историографических этапах².

Необходимо отметить, посвященные митрополиту Антонию статьи в энциклопедиях и справочниках. Они в целом отражают значимость фигуры митрополита Антония в научном, академическом сознании разных исторических эпох, а также демонстрируют конкретные направления научного интереса к его личности.

В начале XX в. в энциклопедических изданиях уже происходили попытки осмысления роли в Антония (Храповицкого) в современной церковной жизни. Две статьи в Православной Богословской энциклопедии, вышедшие с разницей в семь лет, отражают генезис оценок Антония, на фоне

¹ Каннингем Д. С надеждой на Собор. Русское религиозное пробуждение начала века. Лондон, 1990.

² Бонч-Бруевич В.Д. Сила русского клерикализма // Избранные атеистические произведения. М., 1973. С. 82-92; Бычков С.П. Антон Владимирович Карташев – историк Русской Церкви. Дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Омск, 1999; Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943-1948 гг. Дис. на соиск. уч. степ. док. ист. наук. М., 1998; Венгер А. Рим и Москва: 1900 – 1950. [Электронный ресурс]. М., 2000. – Режим доступа: <http://www.rp-net.ru/book/publications/venger/> (дата обращения: 01.10.2019); Соловьев В.С. Вопрос о «самочинном умствования». Л. Тихомиров. «Духовенство и общество в современном религиозном движении» // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. СПб., 1912. Т. 5; Великие итоги // Антирелигиозник. 1933. № 1. С. 1-6; Горбунова Ю.Ф. Император Николай II как государственный деятель в отечественной историографии (конец XIX – начало XXI вв.). Дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Томск, 2004; Гордон А.В. Великая Французская революция в советской историографии. М., 2009; За большевистскую разработку истории гражданской войны // Борьба классов. 1932. № 6; Корзун В.П. Образы исторической науки в отечественной историографии рубежа XIX – XX вв. Дис. на соиск. уч. степ. док. ист. наук. Омск, 2002; Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991; Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи с 1883 по 1965 г / Die Russischen Orthodoxen Bischöfe von 1893 bis 1965 in Erlangen, 1979—1988; Мегружан Ф., Коган Ю. Ленин о свободе совести // Антирелигиозник. 1937. № 1. С. 21-33; Колеров М.А. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от "Проблем идеализма" до "Вех". 1902-1909. СПб., 1996; Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви, 1917 – 1945. М., 1996; Розанов В.В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995; Соловьев И.В. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский) и российская церковно-общественная жизнь в начале XX столетия. Дис. на соиск. уч. степени. канд. ист. наук. М., 2002; Сила нашей Церкви в единстве. Интервью с профессором МДАиС Алексеем Ильичем Осиповым [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/guest/4672.htm> (дата обращения: 01.10.2019); Фирсов С.Л. Была ли безбожная пятилетка? // Независимая газета (НГ-религии). 2002. 30 октября; Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 2010 и др.

общественно-политических изменений. Статья, посвященная епископу Антонию в 1900 г., написанная в конце его преподавательской карьеры, дает помимо биографических сведений, представление об основных пастырских, академических методах Антония, выделявших его из общего ряда церковных деятелей¹.

Статья, характеризующая деятельность Антония в Казанской Духовной Академии, вышедшая в 1907 г., содержала уже ряд характеристик ректорства Антония, его преподавательских приоритетов. Она фиксировала новые тенденции его восприятия преподавательской корпорацией².

В издании дополнительных томов энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона была помещена статья об Антонии (Храповицком)³. Статья А.В. Карташева в Новом энциклопедическом словаре содержит, помимо церковных, оценки общественно-политических воззрений Антония (Храповицкого)⁴. Статья, посвященная митрополиту Антонию в первом издании Большой Советской Энциклопедии, дает представление о его восприятии в начальный период советской историографической традиции⁵.

Имя митрополита Антония широко представлено в современных энциклопедиях. Они содержат широкий спектр оценок церковных, философских, богословских взглядов, характеристику его деятельности в разные исторические периоды⁶. Митрополиту Антонию посвящена статья в Британской энциклопедии, где кратко представлены его богословские и политические взгляды⁷.

Большое значение для выяснения взглядов Антония (Храповицкого),

¹ Православная Богословская энциклопедия / Издание под редакцией А.П. Лопухина. СПб., 1900. Т. 1.

² Православная Богословская энциклопедия / Издание под редакцией Н.Н. Глубоковского. СПб., 1907. Т. 8.

³ Энциклопедический словарь. Дополнительный том. I. Типография Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон. СПб., 1905.

⁴ Карташев А.В. Антоний (Алексей Павлович Храповицкий) // Новый энциклопедический словарь. СПб.: Типография акционерного общества «Брокгауз-Ефрон», 1911. Т. 3. С. 92.

⁵ Большая советская энциклопедия. М., 1926. Т. 3.

⁶ Общественная мысль русского зарубежья: Энциклопедия. М., 2009; Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 2; Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997; Философы России XIX-XX столетий. Биографии, идеи, труды. М., 1995.

⁷ Antony Khrapovitsky [Электронный ресурс] // Encyclopedia Britannica – Режим доступа: <https://www.britannica.com/biography/Antony-Khrapovitsky> (дата обращения: 01.10.2019).

соотнесения их с историографическими оценками, имеют его собственные работы. Это и отдельные статьи, и официальные докладные записки Синоду, посвященные проблемам духовной школы и патриаршества,¹ написанные в период развернувшейся с 1905 г. полемики по вопросам реформы церковных институтов. Несомненный интерес представляют его публицистические произведения². Сам жанр данных сочинений показывал Антония (Храповицкого) с определенной стороны, как яркого полемиста, учувствовавшего в обсуждении злободневных вопросов. Произнесенное как проповедь в феврале 1905 г. «Слово о страшном суде...» вскоре было опубликовано и вызвало широкий отклик современников³. С этого выступления, по сути, началось восхождение Антония (Храповицкого) на арену общественно-политической борьбы. Большой интерес представляют работы историко-философского характера⁴.

В работе также использованы делопроизводственные документы. Это докладная записка епископа Антония Синоду 1905 г., опубликованная тогда же в Богословском вестнике, в которой представлено его мнение о должном составе предстоящего Собора⁵. Деяния Поместного Собора, с выступлениями архиепископа Антония, показывают его точку зрения на вопросы канонического устройства Церкви в новых политических условиях⁶.

¹ Архиепископ Антоний (Храповицкий). Третья докладная записка. Духовная школа / Архиепископ Антоний (Храповицкий) Полное собрание сочинений. СПб., 1911. Т. 3. С. 497–522; Он же. Четвертая докладная записка: о патриаршестве / Архиепископ Антоний (Храповицкий) Полное собрание сочинений. С. 522-532; Он же. Заметки о нашей духовной школе. Полное собрание сочинений. С. 420-435.

² Митрополит Антоний (Храповицкий). Ложный пророк / Митрополит Антоний (Храповицкий). Собрание сочинений. М., 2007. Т. 2. С. 262-266; Митрополит Антоний (Храповицкий): Избранные труды, письма, материалы. М. 2007. С. 629-631; Архиепископ Антоний (Храповицкий). Ответное письмо Н.А. Бердяеву о «Вехах» / Архиепископ Антоний (Храповицкий). Полное собрание сочинений. С. 554-568.

³ Митрополит Антоний (Храповицкий). Слово о Страшном суде и современных событиях, произнесенное в Исаакиевском соборе 20 февраля 1905 г. / Митрополит Антоний (Храповицкий). Собрание сочинений. С. 601-608.

⁴ Архиепископ Антоний (Храповицкий). Где всего сильнее сказалось у нас немецкое засилье // Пастырь и паства. 1917. Харьков, № 17-18. С. 419-425; Антоний (Храповицкий), митр. Словарь к творениям Достоевского (Не должно отчаиваться) / Митрополит Антоний (Храповицкий). Сила Православия. М., 2012. С. 426-492; Митрополит Антоний (Храповицкий). О Патриархе Никоне / Митрополит Антоний (Храповицкий). Собрание сочинений. Т. 1. С. 754-779; Он же. О Патриаршестве / Митрополит Антоний (Храповицкий). Собрание сочинений. Т. 1. С. 718-753.

⁵ Антоний (Храповицкий), епископ Волынский. Первая ответная докладная записка Святейшему Правительствующему Синоду // Богословский вестник. 1905. Т. 3. № 12.

⁶ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга II. Выпуск 1: Деяния XVII – XIX.

Материалы Подготовительной комиссии к церковному собранию отражают некоторые взгляды на судьбу русского общества и роль Церкви в самом начале эмиграции¹. Важным документом являются Деяния Русского Всеагличного Церковного Собора, положившего начало расколу в церковной среде эмиграции². Взгляды церковной власти на Зарубежную Церковь в 1930-е гг. отражены в послании Заместителя Патриаршего Местоблюстителю митрополита Сергия (Страгородского) Патриарху Сербскому Варнаве, опубликованные в Журнале Московской Патриархии. Там же опубликовано и постановление митрополита Сергия и Священного Синода «о Карловацкой группе»³. Материалы следственного дела над Патриархом Тихоном, опубликованные в отдельном сборнике в 2000 г. содержат сведения о восприятии, как церковной властью, так и представителями советских властных органов, деятельности Антония (Храповицкого) в период Гражданской войны и первых известных деяний в эмиграции⁴.

К историографическим источникам относятся и публицистические материалы. Они отражают представления об Антонии (Храповицком) сквозь призму его общественно-политических взглядов. Дореволюционные публицистические материалы отражают представления об Антонии (Храповицком) в контексте общественно-политических событий начала века. Революция, кризис самодержавия, реформа Церкви и духовного образования, роль интеллигенции в жизни общества – основные темы, в которых нашли отражение оценки русским обществом Антония (Храповицкого). В публикациях Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Д.С. Мережковского, В.В.

Петроград, 1918.

¹ Заграничное Русское Церковное Собрание. Материалы Подготовительной комиссии. Выпуск 1. Константин ополь, 1921.

² Деяния Русского Всеагличного Церковного Собора, состоявшегося 8-21 ноября 1921 года (21 ноября – 3 декабря) в Сремских Карловцах в Королевстве С.Х. и С. Срем. Карловци: Српска манастирска штампарија, 1922.

³ Послание Заместителя Патриаршего Местоблюстителю Блаженнейшему Патриарху Сербскому от 23 марта 1933 года, № 311 // Журнал Московской Патриархии в 1931-1935 годы. М., 2001; Там же. Постановление Заместителя Патриаршего Местоблюстителю и при нем Патриаршего Священного Синода о Карловацкой группе (от 22 июня 1934 года, № 50).

⁴ Следственное дело патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального Архива ФСБ РФ. М., 2000.

Розанова, П.А. Флоренского и др. происходили оценки как отдельных политических, общественных, религиозных воззрений Антония, так и попытки анализа его мировоззрения в целом¹.

Особенностью эмигрантской публицистической литературы 1920-х – 1930-х гг. был ее полемический характер. Она дает представление о спектре суждений о митрополите Антонии, сформировавшихся в эмиграции в условиях церковных разногласий. Большой интерес представляют публикации в журнале «Путь». Журнал выходил в Париже в период с 1925 по 1940 г. под редакцией Н.А. Бердяева. Интересующая нас тема представлена в основном взглядами критиков митрополита Антония на его отношение к прошлому и настоящему развитию Церкви и государства, отношению к революции, монархии². Также рассмотрены источники, опубликованные в журналах «Новый корабль», «Часовой», «Современные записки», «Вестник РХД», «Новый град» и в других изданиях³.

Советская публицистика начала 1920-х гг. фиксирует начальный этап формирования образа митрополита Антония внутри страны. Она представлена в газетах «Правда», «Известия», журналах «Безбожник», «Безбожник у станка»⁴.

¹ Бердяев Н.А. Гасители духа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spasi.ru/biblt/berd5.htm> (дата обращения: 01.10.2019); Он же. Открытое письмо архиепископу Антонию // Вехи: pro et contra; Булгаков С.Н. Без плана // С.Н. Булгаков. Pro et contra. Т. 1. СПб., 2003; Мережковский Д.С. Большая Россия. Л., 1991; Розанов В.В. Когда начальство ушло. М., 1997; Он же. Около церковных стен. СПб, 1905. Т. 2; Флоренский П.А. Собрание сочинений. Философия культа (опыт православной антропологии). М., 2004.

² Бердяев Н.А. Церковная смута и свобода совести // Путь. № 5; Он же. Царство Божие и царство кесаря // Путь. 1925. № 1; Он же. Обскурантизм // Путь. 1928. № 13; Духовные задачи русской эмиграции (от редакции) // Путь. № 1; Иванов П. Сокровенный смысл современных церковных событий // Путь. 1927. № 8; М. Курдюмов. Во власти искушения // Путь. 1928. № 13; Письмо монархиста // Путь. 1926. № 3/4; Федотов Г. Зарубежная церковная смута // Путь. 1927. № 7.

³ А.М.Д. Где «тихоновская» церковь? // Новый корабль. 1928. №4; Белогорский Н. Кончина митрополита Антония // Часовой. 1936. №173; Бердяев Н.А. Проблема христианского государства // Современные записки. 1927. № XXXI; Зернов Н.М. Юрисдикционные споры в Русской Церкви эмиграции и I-й Всезарубежный Собор в Карловцах в 1921 году // Вестник РХД. 1974. №114; Мейендорф И., прот. Указ. соч.; Митрополит Антоний // Часовой. 1933. №101-102; О судьбах «Зарубежной Церкви» (письмо в редакцию) // Вестник РХД. 1987. № 151; Письма митр. Анастасия к Г.Н. Трубецкому // Вестник РХД. 1987. № 151; Поспеловский Д.В. Митрополит Сергей и расколы справа // Вестник РХД. 1990. № 158; Федотов Г. Основы христианской демократии // Новый град. 1934, №8.

⁴ В стане белых эмигрантов // Безбожник у станка. 1924. № 12; Горький М. Ответ интеллигенту // Правда. 1931. № 138-139; Князья и простецы // Известия. 1922. № 69; К ответу! // Правда. 1922. № 70; Красиков П.А. Спасение церкви // Известия. 1922. № 105; Л.Н. Подвиги христианские // Известия. 1922. № 101; Межов А. Генштаб контр-революции // Известия. 1922. № 99; Пути церковной реформации // Известия. 1922. № 179;

Большое значение имеют материалы личного происхождения. Это специфические источники, носящие субъективный, личностный характер, который обусловлен политическими, идеологическими интересами их авторов.

Это, во-первых, эпистолярные источники. Это переписка самого митрополита Антония: дореволюционная переписка с митрополитом Флавианом (Городецким) и Б. Никольским опубликованная в советское время, письма Патриарху Тихону из эмиграции, специальное издание его писем разным лицам 1920 – 1930-х гг., письма В.С Соловьеву и Н.Я. Гроту¹. Все они дают богатые сведения о взглядах митрополита Антония на различные стороны общественной, церковной, политической жизни в России и эмиграции. В дореволюционных письмах Н.А. Бердяева, Н.Н. Глубоковского, К.С. Леонтьева, Л.Н. Толстого, В.С. Соловьева, М.В. Нестерова, можно увидеть нюансы отношения к Антонию (Храповицкому), часто выраженные в гораздо более свободной, нежели в официальных публикациях, форме².

Особо следует выделить архив писем архиепископа Рижского Иоанна (Поммера), содержащий большое количество писем русских эмигрантов 1920 – 1930-х гг., проживавших в разных странах Европы³. Опубликованный в 2008

Токарь. Раскол православной церкви и киевское духовенство // Правда. 1922. № 121; Усагин А. Святые отцы за границей // Безбожник у станка. 1925. № 2; Филатов Р. Тихоновцы за границей // Безбожник у станка. 1925. № 12.

¹ Антоний (Храповицкий), митр. Жизнеописание. Письма к разным лицам 1919-1939 годов. СПб., 2006; В церковных кругах перед революцией (Из писем архиепископа Антония волынского к митрополиту киевскому Флавиану) // Красный архив. М., Л., 1928. Т. 6(31); Из архива священника Павла Флоренского: письма архимандрита Антония Вл. Соловьеву и Н.Я. Гроту // Владимир Соловьев и культура Серебряного века: к 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А.Ф. Лосева. М., 2005; Инок Всеволод (Филиппов). Приходит начало конца. Из писем митрополита Антония (Храповицкого) [Электронный ресурс] // Благодатный огонь. № 9. – Режим доступа: <http://www.blagogon.ru/articles/251/> (дата обращения: 01.10.2019); Левин Ш. Материалы для характеристики контрреволюции 1905 г. (Из переписки Бориса Никольского с Антонием Волынским) // Былое. 1923. № 21; Письмо митрополита Антония (Храповицкого) святейшему Патриарху Тихону // История Русской Православной Церкви в XX веке (1917-1933). Мюнхен, 2002.

² Воронцова И.В. Розанов и Глубоковский: по письмам Н.Н. Глубоковского из архивного фонда В.В. Розанова // Религиоведение. 2008. № 2; Дурьлин С. Н. Нестеров в жизни и творчестве. М., 2004; Леонтьев К.Н. Избранные письма / Публикация, предисловие и комментарий Д. Соловьева. Вступительная статья С. Носова. Именной указатель. СПб., 1993; Н.А. Бердяев – письма к М.О. Гершензону (предисловие к публикации М.А. Колерова) // Вопросы философии. 1992. № 5; Нестеров М.В. Письма. Л., 1988; Письма Владимира Сергеевича Соловьева / Под ред. Э.Л. Радлова. СПб., 1911. Т. 3, Пб., 1923. Т. 4; Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Письма 1891 (июль-декабрь) – 1893. М., 1953. Т. 66.

³ Русский мир и Латвия: Из архива св. священномученика архиепископа Рижского и Латвийского Иоанна (Поммера). Письма и другие документы [Электронный ресурс]. Рига, 2008. Т. 1. – Режим доступа: <http://seminariumhumanitatis.positiv.lv/14%20almanax/alm%2014%20pred.htm> (дата обращения: 01.10.2019);

– 2011 гг., он только начал входить в научный оборот. Архив дает богатую информацию о восприятии митрополита Антония в среде активно участвовавших в церковной жизни представителей эмиграции, в период начального этапа существования Русской Зарубежной Церкви. Хронологическая протяженность части переписки позволяет увидеть особенности отношения к митрополиту Антонию на протяжении ряда лет.

Большую значимость имеют воспоминания лично знавших митрополита Антония до революции и в эмиграции: архимандрита К. Керна, В.А. Маевского, митрополита Евлогия (Георгиевского), протопресвитера Георгия Шавельского (помимо изданных воспоминаний, интерес представляет и их черновик¹, митрополита Вениамина (Федченкова), епископа Василия (Родзянко), Н.А. Бердяева, В.В. Зеньковского, Н.Д. Жевахова, В.А. Соколова, И.Я. Яковлева, П.П. Скоропадского, С.А. Волкова, Гессена². У каждого из авторов было свое отношение к митрополиту Антонию. Некоторые из них, спустя годы пытались представить объективную картину церковных событий, охарактеризовать мировоззренческие взгляды митрополита, его личностные особенности.

Среди материалов личного характера также важное место занимают дневники людей знакомых с взглядами и деятельностью Антония (Храповицкого). Дневник архиепископа Саввы (Тихомирова) опубликованный еще в начале XX века, дневник синодального чиновника

Русский мир и Латвия: Из архива св. священномученика архиепископа Рижского и Латвийского Иоанна (Поммера). Письма и другие документы. Рига, 2009. Т. 2; Русский мир и Латвия: Из архива св. священномученика архиепископа Рижского и Латвийского Иоанна (Поммера). Письма и другие документы. Рига, 2011. Т. 3.

¹ ГА РФ. Ф. 1486. Оп. 1. Д. 8.

² Бердяев Н.А. Самопознание. М., 2004. Василий (Родзянко), еп. Спасение любовью. М., 2007; Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. М., 1994; Волков С. А. Последние у Троицы. Воспоминания о Московской Духовной Академии (1917–1920). М., СПб., 1995; Гессен И.В. Годы изгнания. Жизненный отчет. Париж: 1979; Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни: Воспоминания. М., 1994; Воспоминания товарища Обер-Прокурора Святейшего Синода князя Н.Д. Жевахова. СПб., 2008; Зеньковский В.В. Пять месяцев у власти (15 мая –19 октября 1918 г.). М., 1995; Киприан (Керн). Указ. соч.; Маевский В.А. Указ. соч.; Соколов В.А. Пять с половиной лет в должности редактора // Богословский вестник. 1915. Т. 3. № 12.; Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954; Яковлев И.Я. Моя жизнь: Воспоминания. М., 1997; Scoropadsky P. Memoirs. End of 1917 – december 1918. Kyiv, Philadelphia. 1995.

А.Н. Львова, митрополита Арсения (Стадницкого) содержат сведения о восприятии идей архимандрита Антония в начале его ректорства в Московской духовной академии¹. Профессор академии А.Д. Беляев в своем дневнике характеризует педагогические, административные особенности Антония, его личные качества, рассказывает об особенностях взаимоотношений ректора с преподавателями и студентами². Дневники Святителя Николая Японского содержат оценки митрополита Антония данные на протяжении ряда лет. Святитель Николай давал свою оценку реформаторским идеям Антония, характеризовал его административные и архиерейские способности³. Дневник генерала А.А. Киреева содержит оценки Антония в период начавшихся общественно-политических катаклизмов⁴. Дневник историка П.Е. Ковалевского содержит оценку митрополита Антония русским духовенством в начале эмиграции⁵

Для постсоветского периода характерно обращение к имени митрополита Антония именно в рамках научных работ. В то же время с развитием интернета появляется большое количество материалов публицистического и околонуточного характера, посвященных митрополиту Антонию, на которые тоже стоит обращать внимание, т.к. они потенциально могут влиять на формирование общественных и научных установок⁶.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала 1920-х гг., т.е. с образования Русской Зарубежной Церкви и, соответственно, появления первых откликов о деятельности митрополита Антония в

¹ Митрополит Арсений (Стадницкий). Дневник. 1880-1901. М., 2006. Т. 1; «Князья церкви» (из дневника А.Н. Львова) // Красный архив. 1930. Т. 2 (39); Савва (Тихомиров), архиеп. Хроника моей жизни: Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы (Тихомирова) // Богословский вестник. 1909. Т. 3. № 9. – С. 65-96.

² ОР РГБ. Ф. 26. К. 1. Ед. хр. 24, 26; К. 2. Ед. хр. 1, 3.

³ Дневники святого Николая Японского: в 5 т. СПб., 2004. Т. 3-5.

⁴ Киреев А.А. Дневник. 1905–1910. М., 2010.

⁵ Ковалевский П.Е. Дневники. 1918-1922. СПб., 2001.

⁶ Кузнецов А. Церковные корни февральского греха [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=2521> (дата обращения: 01.10.2019); Черкасов-Георгиевский В.Г. 90-летняя история Русской Православной Церкви Заграницей – с основания до унии с Московской Патриархией: 1917 – 2007 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://apologetika.eu/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=2184&mode=thread&order=0&thoId=0> (дата обращения: 01.10.2019).

эмиграции и в Советской России и, до 2000-х гг. включительно, когда на фоне воссоединения двух частей Русской Церкви, мы фиксируем современное историографическое состояние изучения личности и деятельности митрополита Антония. Вместе с тем оценки зарубежной деятельности митрополита Антония будут не понятны без анализа предшествующей историографии. Уже с начала 1890-х гг. появляются первые отклики на выступления Антония (Храповицкого), а в первые годы XX века он становится одним из самых известных и обсуждаемых церковных деятелей Российской Империи. Оценки Антония (Храповицкого) данные в конце XIX и в течение первых двух десятилетий в XX в., во многом определили отношение к нему уже во время его жизни в эмиграции. Поэтому в работе представлена характеристика оценок митрополита Антония, данных в этот период его жизни.

Положения, выносимые на защиту:

1. Подход к проблеме оценок личности митрополита Антония (Храповицкого) в отечественной историографии на протяжении XX в., в основном определялся совокупностью церковных, идеологических, политических позиций исследователей.

2. Революция 1905 г. становится рубежом в восприятии Антония (Храповицкого) современниками. С этого момента оценка его деятельности происходит в основном сквозь призму политических интересов.

3. Дореволюционные оценки были перенесены в эмиграцию. Историографические оценки митрополита Антония в эмиграции давали исходя из принадлежности авторов к той или иной церковной юрисдикции. Они состояли в основном из анализа канонических, идеологических и политических позиций митрополита Антония. В основе характеристики митрополита Антония находились его взгляды на варианты развития страны и Церкви. Большая часть работ была результатом идеологического противостояния разных зарубежных церковных юрисдикций друг с другом, с

Московским Патриархатом и официальными советскими авторами.

4. В советской государственной историографии, при общем атеистическом направлении, подход к оценкам Зарубежной Церкви и митрополита Антония претерпевал изменения и зависел от: 1) состояния государственной политики по отношению к РПЦ; 2) идеологического противостояния с РПЦЗ. На первом этапе своего существования в 1920-е – 1930-е гг., в советской историографии характеристика митрополита Антония, исходя из «воинствующих» антицерковных государственных позиций, строилась на основе аспектов «антисоветской», «контрреволюционной» деятельности Церкви. Начиная с 1960-х гг. произошло принятие отдельных элементов церковной методологии отношения к Зарубежной Церкви и в череду критических аргументов были включены церковные (канонические) аспекты.

5. Современная историография с 2000-х гг. – первая попытка объективных оценок личности митрополита Антония, отход от политизированных оценок и выработка научно обоснованных позиций. Начиная с 2007 г. в основном произошло принятие церковной терминологии о преодолении раскола. Возникновение в эмиграции Зарубежной Церкви в основном стало рассматриваться как событие объективное.

6. Важной методологической составляющей современного этапа историографии стала констатация необходимости квалификации действий митрополита Антония исходя из контекста социально-политических условий, в которых находилась русская эмиграция, фактов о состоянии Церкви в России, которыми оперировали руководители Зарубежной Церкви, видимых ими перспектив развития ситуации.

7. Анализ системы взглядов Антония (Храповицкого) в современной отечественной историографии происходит преимущественно через обращение к его дореволюционной деятельности, именно в ней находят основу его воззрений и деятельности в эмиграции.

Научная новизна. В диссертации впервые проведено комплексное

исследование изучения личности митрополита Антония (Храповицкого) в отечественной исторической литературе, показано своеобразие подходов к данной проблеме на разных этапах развития отечественной исторической науки. В этой связи проанализировано влияние социально-политических процессов, происходящих в стране и внутрицерковных отношений на историографическую традицию. Определена специфика современного состояния изучения личности Антония (Храповицкого), проявившаяся в отходе от заданного идеологического вектора и обращении к анализу контекста социально-политических условий образования и существования Русской Зарубежной Церкви.

Теоретическая значимость многоаспектного изучения светской и церковной историографии создает благоприятную почву для осмысления появления междисциплинарных барьеров с учетом как внутренних тенденций развития науки, так и внешних, вненаучных факторов.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертации могут использоваться при подготовке новых публикаций, посвященных личности Антония (Храповицкого), истории РПЦЗ и Русской Церкви в целом, а также применяться в образовательной практике в учебных курсах по истории Русской Церкви XX века.

Апробация результатов исследования. Основные положения работы были обсуждены на кафедре современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, а также представлены на двух научно-практических конференциях. Основные результаты опубликованы в 6 научных работах, 4 из которых рекомендованы ВАК.

Структура работы определена задачами исследования. Для их реализации автор использовал проблемно-хронологический принцип. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников.

Глава I. Митрополит Антоний (Храповицкий) в восприятии современников

1.1. Начало церковной деятельности Антония (Храповицкого) в оценках современников

Говоря о митрополите Антонии (Храповицком) как деятеле Русской Зарубежной Церкви, необходимо понимать, кем он был для современников ко времени эмиграции, а для этого – проанализировать материалы, касающиеся оценок современников его жизни в России. Антоний (Храповицкий) жил в разные периоды политической жизни страны, развития ее общественной мысли. На 1880 – 1890-е гг. приходится академический период его жизни: обучение в Санкт-Петербургской Духовной Академии, защита магистерской диссертации, ректорство в двух академиях. Архимандрит Антоний активно входит в общественную жизнь как яркий публицист. В начале XX в. Антоний становится епископом, принимает участие в важнейших церковных дискуссиях, излагает свое видение многих злободневных общественно-политических проблем.

Русская Православная Церковь пореформенной России при внешнем благополучии стояла перед серьезными проблемами. Охлаждение к вере в обществе, рост антиклерикальных настроений на фоне развития идей материализма, кризис духовенства как сословия, кризис синодальной системы – проблема отношений государства и Церкви, диалог Церкви и интеллигенции, реформа духовной школы. Это основные проблемы церковной жизни и в них проявлял себя Антоний (Храповицкий) и проявлялось отношение к нему.

Центральная проблема – кризис церковной организации, проистекала из-за нарушения канонического строя и порождала целый ряд проблем: нарушение церковного управления, ослабление прихода, снижение «доверия к иерархии», ослабление связи «пастыря и паствы»¹. Система управления

¹ Соловьев И.В. Указ. Соч. М., 2002. С. 34.

Церкви ставила ее в прямую зависимость от государственных проблем. В понимании обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева система церковно-государственных отношений, столь критикуемая многими современниками, (и Антоний (Храповицкий) играл здесь одну из ведущих ролей), была необходима для сохранения ослабленного государственного устройства. Поэтому восстановление «допетровской соборности», исходя из примата стабильности государства, было невозможным. Церковь была настолько связана с государством, что фактически, делает вывод современный историк С.Л. Фирсов, «проблема церковно-государственных отношений была... неразрешима»¹. Критика самодержавия, как одно из основных направлений общественной мысли пореформенной России, сопровождалась критикой православной Церкви – одного из столпов официальной идеологии.

Важнейшим показателем кризиса Церкви как организации, была утрата духовным сословием прежнего авторитета и влияния в народе². Падение авторитета духовенства в обществе сопровождалось кризисом внутри самого сословия. Молодежь стремилась выйти из сословия, не имея возможности развития внутри него в культурном и материальном плане. К.П. Победоносцев, видевший в народе противовес неверующей интеллигенции, считал, что духовенство, будучи единым с народом, тоже не должно выделяться образованием³.

В 1880 – 1890-е гг. интеллигенция в основном индифферентно относилась к вопросам религии. Ярким исключением было творчество В.С. Соловьева, сильно повлиявшее на развитие религиозной мысли уже в XX веке. Причиной отхода современников от христианства Соловьев считал существование его в ложной форме и говорил о необходимости создать для него новую, «разумную форму», преодолеть его оторванность от жизни, превращение в «мертвую букву»⁴. Идеи воссоединения Церквей и

¹ Фирсов С.Л. Русская Церковь... С. 46, 47.

² Соловьев И.В. Указ. соч. С. 42.

³ Там же. С. 29.

⁴ Лосский Н.О. Указ. соч. С. 106, 107.

прокатолические настроения Соловьева вызвали резкую критику в обществе. Критика «исторического христианства» получила развитие среди последователей Соловьева уже в начале XX века.

Изменения в умонастроениях интеллектуального общества на рубеже веков получали название религиозно-философского возрождения. Интеллигенция находившаяся, по словам Н.О. Лосского, в плену «болезненного моноидеизма»¹, стала испытывать потребность в приобщении к духовным, религиозным ценностям. А.В. Карташев характеризовал этот период как «глубокий перелом в русской культуре в сравнении с господствующим духом секуляризма XIX столетия. Выдающиеся лица из профессуры, литературы, публицистики круто разорвали с царившим перед тем материализмом, позитивизмом, рационализмом и от философского агностицизма повернули к положительному утверждению христианского мировоззрения и даже прямому участию в разработке текущих практических вопросов реформ в русской Церкви»². Представители этого направления ставили вопросы, на которые официальная Церковь ответить не могла. В итоге нарушалась монополия церковных институтов на духовное образование. В то же время, формируемое религиозными философами направление религиозной мысли, многими представителями официальной Церкви также воспринималось как навязывание своей, единственно верной позиции.

Д.С. Мережковский – наиболее последовательный критик «исторического» христианства видел в нем воплощение одностороннего аскетизма – отказа от «правды о земле», «правды о плоти», несовместимого, по его мнению, с современной культурой³. (Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус говоря о «новой церкви» отказывались в своем кругу от традиционной обрядности создавая собственную⁴). Историческое православие

¹ Там же. С. 197.

² Цит. по: Бычков С.П. Указ. соч. С. 62-63.

³ Зеньковский В.В. История русской философии. С. 731.

⁴ Бычков С.П. Указ. соч. С. 72.

для Мережковского было мистически связано с самодержавием. Эти идеи приводили Мережковского к идее «нового откровения»¹.

Еще одним моментом, влиявшим на характер общественной мысли было то, что общественно-политические процессы начала века явили новую культуру полемики, новые методы общественной дискуссии. Появилась культура партийности, разделение по принципу «свой-чужой», действие в определенных заданных рамках, поляризация идей и дискуссий. «Литература разделилась на «программы действий» и требует от каждого нового писателя как бы подписи идейного «присяжного листа». – «Подпишись – и мы тебя прославим!» – «Ты отказываешься? Мы – проклинаем тебя!»... Партия вербует, зовет и зовет; вы...должны ей помогать», – писал В.В. Розанов². Все это, вкпе с вовлеченностью широких общественных слоев в политическую жизнь, создавало определенную атмосферу. Важнейшим рубежом этих явлений стала революция 1905 г.

Революция серьезно повлияла на развитие общественной мысли. Резко активизировалось обсуждение церковных проблем. Революционные события заставили часть интеллигенции критически посмотреть на собственную роль в развитии страны. Завершился переход части интеллектуалов от левых к либерально-консервативным позициям. Наиболее ярко он выразился в выходе сборника «Вехи» в 1909 г. Высказанная авторами критика интеллигенции, утверждение религии как основы жизни общества, отражали идеи значительной его части. Провозглашенная веховцами необходимость сохранения государства, нации, культуры, вызывали симпатии и в консервативной среде³.

Практическая церковная проблематика концентрировалась вокруг вопросов о необходимости реформ церковного управления и духовного образования. Коренным был вопрос об отношении архиерейского начала и

¹ Зеньковский В.В. История русской философии. С. 731.

² Розанов В.В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях. М., 1995. С. 178.

³ Колеров М.А. Указ. соч. С. 317-319.

прав белого духовенства и мирян. Более широко можно говорить о степени влияния светской культуры на церковное управление и образование. Часть духовенства и большая часть академической профессуры придерживались либеральных взглядов.

Антоний (Храповицкий) очень рано вступил на путь церковно-общественной деятельности, став в 27 лет ректором Московской духовной академии. Но и до этого имя недавнего выпускника СПДА уже было известно. П.Б. Струве вспоминал, как о молодом иноке из дворянской семьи говорили тогда «как о явлении редкостном в то время и по существу весьма примечательном, что-то обещающем и на что-то указующем»¹. Мнение об Антонии как о человеке, который еще в детские годы выбрал для себя монашеский путь, было общепринятым. Сам владыка часто говорил об этом своим многочисленным ученикам. Биограф митрополита архиепископ Никон (Рклицкий) приводил воспоминания самого Антония, когда тот на возражения родных отвечал, что «нужно предлагать вопрос тем, кто не идет в монашество, почему они этого не делают, а не наоборот»². В стенах петербургской академии Антоний оказался в кругу единомышленников, по словам Г.В. Флоровского, «ревнителей иноческого подвига», сочетающих иноческий идеал с пастырским призванием³. Антоний уже тогда был хорошо известен в петербургских кругах. Церковный вестник через несколько лет сообщал о том времени: «Академия соединила тогда под своею кровлею двух хорошо известных Петербургу проповедников – преосвященного Антония, остающегося и ныне ректором Академии, и о. Антония (Храповицкого), теперь ректора московской духовной академии, а в то время бывшего доцентом петербургской. Это был такой богатый пример для студентов! Всякое выдающееся явление – из общественной ли жизни, или из внутренней

¹ Струве П.Б. Большой русский писатель / Струве П.Б. Дух и слово: Статьи о русской и западно-европейской литературе. Париж, 1981. С. 329.

² Никон (Рклицкий). Митрополит Антоний (Храповицкий)... С. 112.

³ Флоровский Г.В. Пути русского богословия. М., 2009. С. 541.

академической – подвергалось немедленному пастырскому обсуждению и в речах преосвященного ректора..., и в душевной беседе о. Антония, который жил в академическом здании и вел со студентами самое широкое знакомство. Эти речи, эти беседы сильно воодушевляли молодых слушателей; и недаром этот год со следующим дал необычайно крупную цифру студентов постригшихся в монахи»¹. Столь значительный акцент на пастырство для Антония – способ оживить церковную жизнь, которая, по его словам, как и жизнь общественная, поражена безудержным формализмом и схоластикой, в широком смысле – казенщиной. Как следствие этого, у священства Антоний наблюдал «отсутствие пастырского духа в общении с людьми»². Вот как он описывал тип священника – выпускника духовных академий: «Священник академист говорит языком официальных бумаг со светскими людьми; он не словоохотлив и весьма осторожен в выражениях... В проповедях он совершенно невыносим. Объективизм, состоящий в устранении души говорящего, в праздном логизировании или утомительных исторических сообщениях, – вот главная черта проповеди академического кандидата; кончается тем, что простолюдины ничего не поняли, а интеллигенты не могли даже до конца достоять»³.

В портрете священника, представленного Антонием (Храповицким), легко угадываются от обратного и черты самого Антония: говорит языком неофициальным, живым, общителен и словоохотлив, в выражениях смел и порою весьма резок. Отметим, что эти строки писал еще совсем молодой человек, недавний выпускник академии и, как далее будет видно, описанные особенности характера были яркой чертой Антония (Храповицкого) на протяжении всей жизни.

В рамках упомянутого кружка состоялась встреча его членов с В.С. Соловьевым. Писатель в письмах архимандриту Антонию (Вадковскому) в

¹ Студенты-проповедники (Очерки петербургской религиозно-просветительской деятельности) // Церковный вестник. 1892. №1. С. 6.

² Архиепископ Антоний (Храповицкий). Заметки о нашей духовной школе. С. 422.

³ Там же. С. 422-423.

1886 – 1887 гг. передавал поклон отцам Антонию (Храповицкому) и Михаилу (Грибановскому)¹ и сообщал знакомому, что «вступил в наилучшие отношения с ... Академией в лице инспектора архимандрита Антония и других молодых монахов»².

Через несколько лет В.С. Соловьев оказался под огнем критики за свои прокатолические воззрения, высказанные в книге «Россия и Вселенская Церковь». Интересна в связи с этим роль Антония, который критикуя взгляды Соловьева, в то же время был против развернувшейся травли самого писателя. Сотрудник журнала «Вопросы философии и психологии» Я.Н. Колубовский вспоминал по этому поводу: «В самый разгар полемики Соловьев получил нравственную поддержку с той стороны, откуда ее совсем не ожидал. Архимандрит Антоний (Храповицкий)... хотя и сотрудничал в «Московских ведомостях»... решительно не одобрял похода газеты против Соловьева и в письме на имя Н.Я. Грота, ходившем тогда по рукам, довольно резко отзывался о своих товарищах по газете, выражаясь в том смысле, что они ведут полемику «от ветра головы своея». Мало того, архимандрит Антоний прислал в редакцию интересную статью об общественном благе и личном спасении, которая и была немедленно помещена, а автор ее был избран членом психологического общества»³.

В связи с делом Соловьева сохранились свидетельства отношения к Антонию представителей консервативного лагеря. Л.Н. Толстой в апреле 1892 г. в письме М.В. Алехину сообщал «новость»: «Тихомиров... вследствие того, что, Антоний архимандрит и ректор Троицкой академии напечатал в журнале Грота религиозно-либеральную статью и был у меня, поколебался в вере в православие – «Что ж, говорит, если опоры церкви так непрочны, на что ж опереться?»»⁴.

¹ Письма Владимира Сергеевича Соловьева. Т. 3. С. 188, 191.

² Письма Владимира Сергеевича Соловьева. Т. 4. С. 235.

³ Из архива священника Павла Флоренского. С. 452.

⁴ Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 191.

Очевидно, что Л.А. Тихомиров – недавний революционер, говоривший тогда о необходимости подчинения «оздоравливающему влиянию Церкви, говоря конкретнее – духовенства», видел или, во всяком случае, хотел видеть в молодом архимандрите «опору» Церкви¹.

Встреча с Антонием, о которой упоминал Толстой, состоялась в марте 1892 по инициативе Н.Я. Грота. Писатель был знаком с критикой своего учения Антонием и выражал желание встретиться с ним, говоря, «что его понимает один о. Антоний»². Еще один мыслитель консервативного направления, К.Н. Леонтьев в октябре 1891 г. в письме А.А. Александрову сообщал о своем намерении просить Антония «возразить Соловьеву», однако ниже высказывал опасение, что «он сам (по некоторым признакам) либерал-демократ, но, однако... в какой мере?»³. Что за «признаки» имел в виду Леонтьев сказать определенно нельзя. Возможно, до него доходили слухи о тогдашней репутации молодого ректора. Тот же Я.Н. Колубовский по этому поводу писал: «Архимандрит Антоний слыл в то время большим либералом. По делам редакции мне часто приходилось сталкиваться с студентами московской академии и подогу беседовать с ними... Студенты в один голос заявляли, что ректор ведет с ними либеральные беседы, критикует Синод и вообще держит себя независимо. «Мы удивляемся, – говорили они, – как он до сих пор не угодил на Соловки». Такова же была в то время репутация архимандрита Антония в московском обществе»⁴.

Подобные смелые для того времени взгляды, несомненно, выделяли архимандрита Антония из числа церковных деятелей. Он выделялся и в педагогической и в пастырской деятельности, и в общении со студентами и преподавателями. «Наш Антоний – отрицание формы», – писал профессор Московской академии А.Д. Беляев⁵. В качестве ректора он зарекомендовал

¹ Соловьев В.С. Вопрос о «самочинном умствования». С. 477.

² Никон (Рклицкий). Митрополит Антоний (Храповицкий). С. 197.

³ Леонтьев К.Н. указ. соч. С. 603.

⁴ Цит. по: Из архива священника Павла Флоренского. С. 452.

⁵ ОР РГБ. Ф. 26. К. 2. Ед. хр. 3. Л. 51.

себя защитником студентов перед церковным начальством, противником всяческих «ограничений и строгостей»¹. «Он растопыривает свои крылья в защиту своих студентов, как кряж», – говорил московский митрополит Сергей (Ляпидевский)². Умение налаживать отношения с молодежью, вообще, было важнейшим качеством Антония. Это признавали многие современники, хотя и различались в оценках и искренности помыслов Антония. Митрополит Евлогий (Георгиевский) вспоминал о том контрасте, который вызывал Антоний по сравнению с предыдущим ректором: «В противоположность предшественнику епископу Христофору, архимандрит Антоний широко открыл нам двери ректорской квартиры, располагал нас к себе простотой обхождения и доступностью. Он устраивал у себя собрания для студентов, гостеприимно угощал чаем: на столе появлялся самовар (его называли: «самовар пропаганды»), всевозможные варенья, бублики, булки...»³. Подобные близкие отношения с молодежью сохранялись у Антония на протяжении всей жизни. Архимандрит Киприан (Керн), вспоминая жизнь митрополита Антония уже в эмиграции, и немало его критиковавший, по поводу отношения к молодежи писал: «Всякому приходящему студенту уделялось столько внимания от этого старца, сколько другой архиерей или профессор не уделит бы и чиновному, высокопоставленному и знаменитому человеку. Митрополит сразу же заинтересовывался всяким студентом. Он искренне любил молодежь, верил в нее и верил ей... Молодой, робеющий студент как-то незаметно становился на близкую к митрополиту линию... духовной дружбы»⁴. Однако снисходительность ректора по отношению к студентам воспринималась многими негативно. Архимандрит Арсений (Стадницкий) писал, что московский митрополит Сергей (Ляпидевский) отзываясь об Антонии «как о человеке высоконравственном... не одобрял его

¹ Православная богословская энциклопедия / Издание под редакцией А.П. Лопухина. С. 905.

² Никон (Рклицкий). Митрополит Антоний (Храповицкий)... С. 219.

³ Евлогий (Георгиевский), митр. Указ. соч. С. 41.

⁴ Киприан (Керн). Указ. соч. С. 796.

как ректора-администратора, который совершенно ослабил дисциплину в Академии»¹.

Неотделима от педагогической деятельности Антония его монашеская идея. Будучи фанатично ей преданным, Антоний искренне считал этот путь приемлемым и даже необходимым для большинства студентов, которые на деле часто оказывались к этому не готовы. Арсений (Стадницкий) писал, что многие постриженники, получив власть и стараясь подражать своему учителю, но, не имея его талантов и усвоив только «внешнюю сторону антониевского режима», «являются жалкими подражателями», которые декларируя «всепрощающую любовь», на деле потакают юношеской распущенности². Современники вспоминали о нередких трагических случаях неудачных постригов³. Некоторые из учеников со временем меняли свое отношение к учителю. Непререкаемый авторитет в юности с годами превращался в злейшего врага, любовь переходила в ненависть. Так И.Я. Яковлев, вспоминая о старообрядческом епископе Михаиле (Семенове), отмечал «роковую роль», которую сыграл в его жизни Антоний (Храповицкий): «Он умел влезть в чужую душу, заразить доверием своих жертв, и затем, изучив их слабости, действовать на них же в желательном ему направлении, совращая их в монашество и подчеркивая при этом, иногда публично, те их недостатки, в которых они каялись ему интимно. Зато такие субъекты его и ненавидели впоследствии, в том числе и Михаил, совращенный им в монашество»⁴.

Современники в целом отмечали искренность самого Антония к идее монашества, но к результатам массы пострижений, многие относились негативно. «Вы располагаете монахов, но из них есть и такие, о которых говорят дурное», – говорил Антонию московский митрополит Сергей (Ляпидевский)⁵. Ученое монашество критиковали за карьеризм, когда студент

¹ Митрополит Арсений (Стадницкий). Указ. соч. С. 285.

² Там же. С. 277-278.

³ Евлогий (Георгиевский). Указ. соч. С. 42.

⁴ Яковлев И.Я. Указ. соч. С. 256.

⁵ ОР РГБ. Ф. 26. К. 2. Ед. хр. 1. Л. 69.

академии, принявший постриг, практически гарантированно продвигался по карьерной лестнице. «Вот времячко-то настало...! – писал в дневнике А.Д. Беляев, – Объяви, что пойдешь в монахи и всего достигнешь...»¹.

Еще одним новым явлением академической жизни, связанным с именем Антония (Храповицкого), стало оживление церковно-общественной деятельности. «Мы были замкнуты, знали одни книжки, лекции, экзамены, а к общественной деятельности были равнодушны. Архимандрит Антоний нас всколыхнул, возжег в сердцах рвение к церковно-общественной работе, пробудил сознание долга служить Церкви и обществу, идти с церковным знаменем на арену общественной жизни»². Пастырская, общественная деятельность, была тем звеном, посредством которого Антоний (Храповицкий) становился фигурой, выходящей далеко за рамки церковной ограды. Одним из элементов этой деятельности была публицистическая работа Антония. Автор рецензии к вышедшему в 1901 г. собранию сочинений епископа Антония И.В. Попов, видел достоинство его трудов именно в публицистических работах, которые дают «христианскую оценку всем явлениям нашей литературы и жизни». Следя за жизнью общества Антоний «пользуется всяким представляющимся случаем, чтобы дать христианский ответ на возникающие в обществе вопросы и христианскую оценку его светлых и темных сторон»³.

Однако и здесь отзывы современников были противоречивы. В пастырской направленности деятельности Антония, несмотря на все ее положительные стороны, видели ущемление деятельности непосредственно академической, научной. Она сказывалась на характере научных интересов студентов, среди которых, по свидетельству профессора А.Д. Беляева, стала распространяться склонность «к новому, хотя бы оно было пустомельство, к фельетонству». В этом, по его мнению, был «немало виноват ректор,

¹ ОР РГБ. Ф. 26. К. 2. Д. 1. Л. 31.

² Евлогий (Георгиевский). Указ. соч. С. 41.

³ Попов И.В. [Рец. на:] Антоний (Храповицкий), еп. Полное собр. соч. Т. 1-3. Казань, 1900 // Богословский вестник 1901. Т. 1. №1. С. 171-172.

гоняющийся за жизненностью и пренебрегающий научным»¹. Профессор Казанской академии К.В. Харлампович вспоминал о проходивших по призыву ректора беседах и чтениях в обществе трезвости и тюрьме, богослужебных беседах и проповедях в церквях и воскресных школах, однако отмечал, что шло это «иногда в явный ущерб академическим обязанностям»². Он же отмечал специфику административной работы Антония, который «мало считался» с академическим уставом, дававшим определенную самостоятельность профессорской корпорации. «С желаниями последней он не всегда справлялся или навязывал ей свою волю и свою идею силою начальнического авторитета, особого красноречия и, чаще всего, быстротою в исполнении своих планов и намерений. Затем, при всей своей необъятной снисходительности и доброжелательству он принял в Академию и выпустил из нее много лиц, недостойных звания кандидата богословия, равно как и низвел с должной высоты звание магистров, докторов и почетных членов казанской Академии, т.е. для чего-то принизил самую богословскую науку и подорвал ученый престиж Академии, ослабив в ней самые ученые вопросы»³. Ущемление научного элемента в академиях, предпочтение пастырства, характерное для Антония, вызывало недовольство профессорской корпорации уже в самом начале академической работы Антония, о чем свидетельствует мнение А.Д. Беляева. Оценка К.В. Харламповича, данная спустя несколько лет после окончания работы Антония в Казанской академии, была характерной в период, развернувшейся с 1905 г. широкой полемики по вопросу реформы духовного образования. Активная общественная деятельность, наложенная на особенности характера Антония, создавала образ, вызывавший у многих современников неприязнь. Уже в марте 1891 г. начальник архива и библиотеки Синода А.Н. Львов в своем дневнике называл Антония «пресловутым» и характеризовал его как карьериста, разыгрывающего свою роль «на почве

¹ ОР РГБ. Ф. 26. К. 1. ед. хр. 26. Л. 73-73 об.

² Православная богословская энциклопедия / Издание под редакцией Н.Н. Глубоковского. С. 830.

³ Там же. С. 809-810.

якобы возбуждения молодежи к высшей духовно-нравственной деятельности». «Всюду он ищет популярности. В мире его прямо назвали бы хлыщом, а под покровом рясы, да еще черной, при видимом смирении и благочестии, он на первый раз представляется деятелем и даже для многих симпатичным. Но многие уже раскусили его и оценили по достоинству»¹. Б.Б. Глинский, составляя биографию К.П. Победоносцева, отмечал отрицательное отношение последнего к тем представителям Церкви, «деятельность которых почему-либо сложилась шумно и слишком на общественном виду», выделяя среди таких Антония (Храповицкого) и о. Иоанна Кронштадтского. Следствием такого отношения стало «скитание по епархиям, которое пришлось вынести преосвященному Антонию»².

Непросто складывались отношения ректора с преподавателями академии. Митрополит Евлогий вспоминал, что студентам нравилось неуважение Антония к авторитетам, нелестные отзывы о преподавателях. «Хлесткие, неразборчивые словечки передавались из уст в уста, и студенты привыкли бесцеремонно отзываться о профессорах. Об этом знали сами профессора и, конечно, очень недолюбливали своего не сдержанного на язык молодого ректора и, в свою очередь, жестоко его критиковали»³. Упомянув о подобных речах Антония в дневнике, профессор А.Д. Беляев оправдывал его: «Думаю, что он делает по своей несдержанности. Ведь он во всем живет нараспашку»⁴. Он характеризовал ректора как человека искреннего, деятельного и умного, однако отмечал в нем недостаток «серьезности», «продуманности», когда, будучи уверенным в себе, он часто оказывался поспешен и слишком легок в своих выводах⁵. Характерным для Антония было и весьма смелое поведение в отношениях с начальством. «Профессор В.А.

¹ «Князь церкви»... С. 111.

² Глинский Б.Б. Константин Петрович Победоносцев (материалы для биографии) // Тайный правитель России: К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866 – 1895. Статьи. Очерки. Воспоминания. М., 2001. С. 23-24.

³ Евлогий (Георгиевский). Указ. соч. С. 43.

⁴ ОР РГБ. Ф. 26. К. 1. Ед. хр. 24. Л. 90.

⁵ Там же. Л. 5.

Соколов вспоминал как в 1894 г. известный публицист генерал А.А. Киреев в письме высказывал опасения относительно неодобрительных отзывов митрополита Сергия (Ляпидевского) об академических журналах и дальнейшей судьбе Богословского вестника, «...но пока цензором Богословского Вестника состоял еще о. ректор Антоний», – замечал Соколов, – это новое веяние не было особенно заметным. Несмотря на явно-неблагожелательное отношение к нему владыки, он в своей цензорской деятельности настолько сохранял прежнюю самостоятельность, что тот же А.А. Киреев по поводу одной статьи выражал мне желание «поблагодарить о. ректора за то, что он высказал некоторую храбрость, некоторое гражданское мужество...»¹. Подводя итог деятельности ректора Антония в отношении журнала, Соколов писал: «...он заявил себя решительным сторонником надлежащей свободы в научном обсуждении богословских вопросов... Даже некоторые внушения, исходившие иногда из очень высоких сфер, по-видимому, не в силах были заставить нашего цензора изменить принятое им положение в отношении к академическому журналу»².

Следует сказать, что, несмотря на недовольство архимандритом Антонием со стороны московского митрополита и синодальных чиновников, он уже приобрел определенную силу. Хотя его перевод в Казанскую духовную академию рассматривался современниками как ссылка, для него специально было освобождено место ректора. По мнению А.Д. Беляева старого ректора удалили «только потому, что нужно куда-нибудь девать нашего Антония». В этом он видел силу монашества и конкретно Антония говоря о наличии у последнего связей «с знатными мира сего»³. Возможно, профессор имел в виду старшего товарища Антония по петербургской академии, тогдашнего архиепископа Антония (Вадковского)⁴. Известно также, что Антонию уже в то время покровительствовал товарищ обер-прокурора В.К. Саблер.

¹ Соколов В.А. Указ. соч. С. 268.

² Там же. С. 264.

³ ОР РГБ. Ф. 26. К. 2. Ед. хр. 3. Л. 76 об.

⁴ Мануил (Лемешевский). Указ. соч. С. 269.

Еще одна тема, которая в русском обществе конца XIX в. ассоциировалась с Антонием (Храповицким) – идея восстановления патриаршества. Он приобрел славу главного ревнителя этой идеи. Еще в период ректорства в Московской академии, не имея возможности высказываться об этой проблеме официально, он, по свидетельству современника, «возбуждал» этот вопрос в академической среде¹. Художник М.В. Нестеров в 1901 г. описывал Антония такими словами: «наисильнейший и наиболее обаятельный» из всех подготавливающих смелые решения «в религиозных вопросах». «Далеко он идет в своих мечтаниях об «отделении церкви от государства»². Вполне естественно, что обществе за ним закрепилась слава будущего реформатора Церкви.

В начале XX века закончился академический этап жизни Антония (Храповицкого). В 1900 г. он стал епископом Уфимским и Мензелинским, а в 1902 г. Волынским и Житомирским. К этому времени сложился образ Антония как яркого публициста, пастыря и педагога. В 1900 г. в статье в Православной Богословской Энциклопедии Антоний выделялся как «усердный и ревностный распространитель духовного просвещения и богословской науки в народных массах»³.

¹ Савва (Тихомиров), архиеп. Указ. соч. С. 85.

² Нестеров М.В. Указ. соч. С. 198.

³ Православная богословская энциклопедия / Издание под редакцией А.П. Лопухина. С. 905.

1.2. Архиепископ Антоний (Храповицкий) в контексте государственной и церковной полемики 1905-1917 гг.: основные аспекты восприятия

Революция 1905 – 1907 гг. стала рубежом в восприятии современниками Антония (Храповицкого). Во-первых, он вышел на общественно-политическую арену и широкой публикой стал оцениваться в первую очередь как политический деятель. Во-вторых, менялся сам характер оценки, – современники открывали для себя «нового» Антония (Храповицкого). Этот новый образ был для некоторых настолько неожиданным, что породил разговоры об изменении его взглядов. Вызваны они были реакцией Антония на революционные потрясения. Реакцией, как всегда, очень яркой, направленной против происходивших событий, как в целом в стране, так и в церковной среде.

В феврале 1905 г. епископ Антоний произнес в Исаакиевском соборе Санкт-Петербурга «Слово о Страшном Суде и современных событиях», в котором говорил о нравственной эпидемии, поразившей общество, в первую очередь, его «просвещенные слои», причину которой он видел в отказе от народного духа «смирномудрия, терпения и любви, в котором русские познали Христа» и обращению к культуре «еретического Запада». «Исполненные исконной злобой, ненавистью ко всему русскому, руководители этого движения не останавливаются ни перед чем, чтобы такой же злобой исполнить сердца юношей-студентов и тех слоев простолюдинов, которые могут быть доступны их влиянию». Владыка выражал надежду на сохранение народом преданности самодержавию, «как единственной дружественной ему высшей власти», в противном же случае, предрекал большие потрясения¹.

Очень быстро появились ответы на слова Антония, наиболее

¹ Митрополит Антоний (Храповицкий). Слово о Страшном суде... С. 604-608.

характерными среди которых были статьи двух представителей богоискательства – Д.С. Мережковского и В.В. Розанова. В них были представлены основные политические и церковные аспекты критики Антония (Храповицкого) в последующие годы.

В статье «Страшный суд над русской интеллигенцией» Д.С. Мережковский защищая интеллигенцию, в суде над ней видел суд над Петром, над всем «петербургским периодом русской истории», над стремлением к свободе личности – «драгоценнейшему дару западноевропейской культуры». Антоний для Мережковского – выразитель крайнего направления в Русской Церкви, готовый «крестом и мечом» защищать существующий порядок¹. Для широкой публики именно эта «реакционная» составляющая деятельности Антония, становится с этого времени главной в его образе. Немалую роль здесь играла причастность его к деятельности Союза русского народа. В статье В.В. Розанова «Воздыханцы» отразилась критика церковных воззрений Антония Храповицкого. Причем для автора, взгляды, высказанные Антонием, стали неожиданными, что видно из его переписки с профессором Н.Н. Глубоковским. Последний разуверял В.В. Розанова по этому поводу: «Вы напрасно думаете, что Антоний «малый» (Храповицкий) изменился. Нет, он всегда был таким, каким «являет» себя теперь, а прежняя слава его была мираж, не имевший никакого основания...»². В своей статье Розанов высмеивал пророчества Антония и нападал на монашество, которое, по его словам, потому злобится на мир и предается «воздыханиям», что имеет мало «физического моциона»³.

Но за этими словами стояло не только обличение пороков монашества. Либеральные настроения, охватившие страну, не обошли стороной и Церковь. Их выразители в лице, в первую очередь, профессоров духовных академий и части белого духовенства, видели реформу в значительном ограничении

¹ Мережковский Д.С. Больная Россия. С. 73-78.

² Воронцова И.В. Указ. соч. С. 125.

³ Розанов В.В. Около церковных стен. С. 397-399.

власти епископов и повышению роли клира и мирян¹. Носителей подобных взглядов Антоний характеризовал как представителей «современного декадентского направления, которые... проповедуют республиканские идеи и желают перенести в жизнь Церкви тот, совершенно чуждый ей, мирской дух жизни, который первоначально выразился Римском праве, затем во Французской революции и, наконец, установился в западно-европейских конституциях»².

Естественно, что Антоний – резкий противник либерального течения в Церкви, рассматривался представителями последнего как крайний консерватор. С 1905 г. к епископу Антонию приклеивается ярлык политикана. Отношение к этой ипостаси архиерея было различным у разных критиков. Как наиболее характерные можно выделить две точки зрения. Одну из них, уже в 1905 г. выразил С.Н. Булгаков. Для него тоже удивительной стала «метаморфоза», произошедшая с епископом Антонием, начало деятельности которого, по словам Булгакова, – «совершенно не позволяло ждать от этого пастыря по призванию теперешнего омрачения»³. Булгаков увидел в политических призывах Антония проявление «монашеско-византийского понимания христианства», с его отрицанием земных задач Церкви. Однако ввиду невозможности полного отрыва от «земляности и телесности» общественно-политическая деятельность все же проявилась, но в уродливой форме – в виде ярого консерватизма. Общественно-политическое мировоззрение Антония, по словам Булгакова, «построено на принципе обожествления власти и порядка во что бы то ни стало, хотя бы пулями и плетью...»⁴. Это, казалось бы, противоречие – «политика» и отказ от общественной деятельности в конструкции Булгакова сходятся в цельной формуле – отказ от «активной общественной деятельности» приводит к тому,

¹ Каптерев Н.Ф. К вопросу о церковной реформе [Рец. на:] Преображенский И.В. Церковная реформа: Сборник статей. СПб., 1905 // Богословский вестник. 105. Т. 3. № 11. С. 501-524.

² Антоний (Храповицкий). Первая ответная докладная записка... С. 702.

³ Булгаков С.Н. Без плана. С. 239.

⁴ Там же. С. 238-242.

что представители Церкви активно призывают действовать властью светскую.

Схожую точку зрения на этот вопрос высказывал А.В. Карташев. Он характеризовал мировоззрение Антония как «определенно славянофильское, обостренное принципиальным аскетизмом». Существующие представления об изменении взглядов Антония он назвал неверными. «Это – недоразумение многочисленных его учеников, ошибочно отождествлявших свой юношеский гуманизм с славянофильско-аскетическим энтузиазмом своего учителя. На самом деле А[нтоний], начиная с первых своих литературных выступлений, оставался всегда себе равен. Обстоятельства последних годов побудили его лишь сделать детальные выводы из ранее высказанных принципов». Мировоззренческие принципы Антония А.В. Карташев видел в следующей формуле: «Православная вера есть вера аскетическая», а всё мирское строительство около нее принадлежит самодержавному царю православному»¹.

Другая точка зрения заключалась в том, что политические взгляды Антония «были связаны с религиозными основами»². Этот взгляд представляет владыку Антония как деятеля религиозного, цельного в своей церковно-общественной деятельности. Охарактеризуем вовлеченность архиерея в политические вопросы как продолжение его пастырской деятельности, один из ее видов.

Еще один принципиальный вопрос противостояния разных церковных тенденций, проявившийся в новой политической ситуации – вопрос духовного образования. В упомянутом письме Глубоковского автор говорил о необходимости высшую духовную школу, развращенную монахами, сделать исключительно образовательным учреждением, не связанным с духовным сословием, вывести на «широкий простор для удовлетворения требований религиозной мысли, – напр[имер], в виде факультетов при Университетах и

¹ Карташев А.В. Указ. соч. С. 69.

² Вениамин (Федченков), митр. Раскол или единство? С. 31; Киприан (Керн). Указ. соч. С. 824–825.

т.п.»¹. Ответ на подобные распространенные тогда взгляды, Антоний дал в записке Синоду. Причину плачевного состояния духовной школы он видел в мирском ее характере, а желающих университетской автономии для академий, обвинял в равнодушии к нуждам Церкви. Современные педагоги-писатели, по его словам, «заботятся не об учениках, не о студентах, но о себе самих, как и вообще все современные либеральные круги... этим мыслителям, всю жизнь подвизавшимся на плагиатировании, так хочется автономии преподавания, без коей, при неспособности к самостоятельному труду, им придется всю жизнь мириться с положением ученой мебели в академии...»².

По поводу этой записки профессор И.В. Попов писал епископу Арсению (Стадницкому): «Как больно видеть быстрое нравственное падение человека, которого когда-то любил и которому обязан в своем характере очень многим. Господь наделил [его] необыкновенными нравственными возможностями. Гибкий ум, теплое сердце, редкая чуткость и тонкое понимание в вопросах совести... И вот политика все это вытравила...»³. Прошедшие в 1908 г. ревизии всех четырех духовных академий, где архиепископ Антоний возглавлял ревизию Киевской, были названы современниками «разгромом Академий»⁴. Очевидно, что цели деятельности духовных учебных заведений архиепископ Антоний и его оппоненты видели по-разному. Антониевский приоритет пастырства над наукой проявился теперь в ситуации острой полемики. Из защитника Академии и студентов Антоний (Храповицкий) в глазах современников превратился в доносчика, громящего академии. Также следует учитывать и отдаление его от академических и научных проблем после оставления академической службы. Архимандрит Илларион (Троицкий)

¹ Сосуд избранный: Сборник документов по истории Русской Православной Церкви. СПб., 1994. С. 72.

² Архиепископ Антоний (Храповицкий). Третья докладная записка. С. 497–501.

³ Цит. по: Голубцов С.А., протодиакон. Стратилаты академические: Работорцы за Церковь из корпорации Моск. Духов. Акад. первой половины XX века. Жизнь, труды и крестный путь. М., 1999. С. 195–196.

⁴ Керенский В. Православные Духовные Академии в прошлом и в настоящем // Вера и разум: Богословско-философский журнал. 1911. № 23. С. 571–595.

высоко оценивавший деятельность владыки Антония, отмечал, что «занятый делами церковного управления и общественности, Антоний «порядком поотстал от философии и недооценивает ее новейших направлений»¹.

В целом, следует отметить, что действия архиепископа Антония, названные современниками «разгромом академий», были реактивны в прямом смысле. Революционные настроения профессуры в глазах Антония являлись разрушением «религиозного начала». Политика, в которой обвиняли владыку, была реакцией на активное вхождение этой самой политики в академическую жизнь. Не случайна специфическая «политическая» терминология появляется в письмах архиерея в те годы, – время, когда партийность становится характерной чертой академического преподавателя: «Только четыре профессора правых остались, а прочие левые. Конечно, наилучше было бы закрыть две академии, а консервативные силы сосредоточить в двух, изгнав всех нигилистов...»². Так поразившая И.В. Попова перемена архиепископа Антония по отношению к некогда столь любимой им духовной школе, была следствием изменений в самих академиях, тогда как взгляды самого владыки, по замечанию Карташева, остались прежними. Былая любовь переросла в неверие: «...Академии так низко пали за эти три года, так далеко отошли от своей задачи, что хоть Архангела Гавриила посылай туда ректором – все равно толку не будет»³.

Впрочем, критиковали Антония не только представители либерального направления в Церкви. Противодействуя крайности либеральной позиции, Антоний в глазах многих олицетворял другую крайность. Публицист славянофильских взглядов генерал А.А. Киреев, признавая ум и талант Антония, считал подобную консервативную позицию вредной для Церкви. Антоний для него – «представитель «ортодоксии»». По словам Киреева, митрополит Антоний (Вадковский), бывший друг и учитель Антония

¹ Волков С. А. Указ. соч. С. 167.

² Инок Всеволод (Филиппев). Указ. соч.

³ Там же.

(Храповицкого), относился к деятельности последнего «неблагожелательно», и был против призыва его в Синод: «Ант[оний] Волын[ский] – путаник, все хочет революционизировать»¹. Еще в самом начале полемики по вопросам церковной реформы П.А. Флоренский, тогда студент МДА, в письме упоминал «антонианскую» партию – «сторонников и учеников Антония Волынского, однозначно понимающего церковные интересы. Во многом она очень хороша, по крайней мере в нее входят наиболее умные и светлые головы из русского монашества, но, как бы ни была хороша партия, раз она партия, то она тем самым изменяет духовной свободе и христианству и, значит, нежелательна, – в особенности в Церкви»². Иными словами, отстаивание Антонием монашеского приоритета, приводила к замыканию на этом приоритете и ограничению возможностей развития Церкви.

По мнению Антония, монашество должно нести на себе знамя церковного возрождения. Иные церковные группы, в его понимании, не были на это способны, а определенный слой в условиях необходимости реформ мог принести лишь вред. В письме киевскому митрополиту Флавиану (Городецкому) епископ Антоний делился своими переживаниями в период подготовки к работе Предсоборной комиссии. Критикуя профессорскую часть комиссии, он заключил: «все они – либералы ли, консерваторы ли – все они кутейники. Это не комиссия соборная, а комиссия сословная»³. Кутейник – в просторечии человек духовного происхождения, в устах епископа Антония, очевидно, – представитель этого сословия прошедший традиционный путь воспитания и образования, через духовное училище и семинарию. Современное духовное сословие он называл индифферентным, имеющим мало «личностей выдающихся»⁴. В более широком плане для Антония – это люди, впитавшие негативные стороны схоластического образования, которые

¹ Киреев А.А. Указ. соч. С. 303–347.

² Переписка П.А. Флоренского за 1905 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://samlib.ru/f/florenskij_p_w/1905ed.shtml (дата обращения: 01.10.2019).

³ В церковных кругах перед революцией. С. 209.

⁴ Архиепископ Антоний (Храповицкий). Заметки о нашей духовной школе. С. 560.

просто не понимали высоких задач Церкви, не были способны на подвиг – монашеский, аскетический и не могли принести Церкви благо. Также это те, кто выступал против приоритета монашества в Церкви, допуская увеличение полномочий прав белого клира в управлении Церковью. Здесь можно говорить о некотором ментальном столкновении Антония с окружающими его в Церкви людьми. В том, что Антоний не получил среднего духовного образования, некоторые современники видели недостаток¹. Он же видел в этом скорее плюс и приветствовал поступление в академию и выбор монашеского пути выходцев не из духовного сословия. Так постепенно формировалась упомянутая Флоренским монашеская партия, видевшая особый путь церковного развития.

Критика Антония Храповицкого по вопросу о роли интеллигенции и дальнейшем пути России, начатая Д.С. Мережковским в «Страшном суде», продолжилась в полемике, развернувшейся вокруг сборника «Вехи». Антоний с большим воодушевлением воспринял сборник и обменялся с его авторами рядом открытых писем. Большой интерес представляет письмо Н.А. Бердяева и ответ на него архиепископа Антония. Бердяев в письме М.О. Гершензону говорил об особо сильном впечатлении на него письма Антония авторам «Вех»: «это очень сильное событие, в котором ес<ть> и положительные и отрицательные стороны. Меня так это волнует, что я решил напечатать открытое письмо Антонию...»². Основной посыл письма Бердяева состоял в том, что Церковь со своей человеческой стороны утратила веру в «силу Божией правды» и верит лишь в силу земную, государственную, тем самым отталкивая от себя людей. Не называя имен, он говорил о вмешательстве Церкви в политику, о «Союзе русского народа» – делах «зла и насилия»³. Архиепископ Антоний увидел в строках Бердяева обращенный к нему лично «запрос» и отметил, что созданный левой прессой вокруг его имени

¹ ОР РГБ. Ф. 26. К. 1. Л. 72 об; Троицкий С. В. О неправде карловацкого раскола. С. 107.

² Н.А. Бердяев – письма к М.О. Гершензону. С. 122.

³ Бердяев Н.А. Открытое письмо архиепископу Антонию. С. 373-378.

«определенный тип», к его личности отношения не имеет. В целом ответ Антония представлял отповедь интеллигенции, в массе своей настроенной антихристиански и антирусски. Говоря об участии Церкви в политике, Антоний отметил, что, нападая на духовенство в период революции, интеллигенция напротив, требовала от него участия в политическом движении в нужном ей русле. Т.е. Антоний отметил партийный характер подобных высказываний, когда правыми считались выступления в провозглашенном определенной группой едином русле.

Причину разрыва интеллигенции с Церковью Антоний видел не в участии духовенства в жизни государства, а в ненависти интеллигенции, – здесь Антоний приводит слова Достоевского, – к самой Руси, христианскому складу «ее жизни и народных понятий»¹. Выступления же гражданские духовенства, в целом весьма безучастного к жизни общественной, Антоний считал весьма редкими. «Союз русского народа» Антоний назвал единственным в России учреждением народным, демократическим, а собственное участие в его деятельности он охарактеризовал как интерес далекий от первостепенной работы².

В веховских спорах показательна сама реакция публики на обращение Антония. Как отмечают исследователи, после опубликования письма Антония, главную роль в полемике «Вех» стала играть не критика идей авторов, а факт их признания и одобрения «черносотенцем» Антонием Волынским³. «Теперь должно быть ясно, в каких кругах наступает «поворот» и каким кругам особенно по вкусу философия «Вех», – писал после выхода открытого письма Антония Н. Валентинов⁴. «Авторы «Вех» в чувстве ненависти к интеллигенции сходятся с наиболее реакционными из наших иерархов. Гершензон подает руку Антонию Волынскому. Оба начинают свое суждение с Петра, – первого русского интеллигента и отщепенца, и

¹ Архиепископ Антоний (Храповицкий). Ответное письмо Н.А. Бердяеву о «Вехах». С. 558.

² Там же. С. 560.

³ Сапов В.В. Указ. соч. С. 17-20.

⁴ Валентинов Н. Наши клирики // Вехи: pro et contra. С. 82-83.

революционера», – это уже слова Н. Огнева¹. Один из веховцев П.Б. Струве отмечал, что «полемика» интересовалась не содержанием переписки, а личным отношением его к Антонию. По мнению критиков, Струве должен был «обрушиться» на архиепископа «как деятеля церковно-политической реакции» и ««разнести» его за возмутительную пропагандистскую деятельность Почаевской лавры»². В качестве краткого итога критики Антония в контексте веховской полемики можно привести слова И.И. Петрункевича, который называл Антония архипастырем «воинствующего клира», представителем «старых заветов церкви и государства», ведущего непримиримую борьбу «с духом нового времени, со свободой совести, со свободой гражданской и политической»³.

Сложившийся в годы политической борьбы образ Антония – противника демократии, реакционера и черносотенца, зачастую дополнялся атрибутами далекими от реального положения дел. Так, за свою речь на заседании Государственного Совета, когда он выступил против упоминания об амнистии в благодарственном адресе Императору, находя это совершенно неуместным в том контексте, епископ Антоний получил в печати славу защитника смертной казни⁴. Следует отдать должное А.В. Карташеву, который хотя и не был сторонником политических взглядов Антония, в своей статье опроверг мнение об оправдании им смертной казни, равно, как и о его сочувствии еврейским погромам, – еще одном популярном обвинении владыки⁵.

Попытки диалога в период «Вех» Антония и интеллигенции остались лишь эпизодом. Противоречия на фоне общественно-политических и церковных споров оказались не преодолимыми. Через несколько лет после выхода «Вех» Бердяев обрушился на всю официальную Церковь за разгром движения имяславцев, одну из главных ролей в котором играл архиепископ

¹ Огнев Н. О русской интеллигенции // Вехи: pro et contra. С. 88.

² Струве П. Размышления: мой ответ на газетную травлю // Вехи: pro et contra. С. 220.

³ Петрункевич И.И. Интеллигенция и «Вехи» // Вехи: pro et contra. С. 564.

⁴ Розанов В.В. Собрание сочинений. Когда начальство ушло. С. 129.

⁵ Карташев А.В. Указ. соч. С. 69.

Антоний. Споры об имяславцах стали еще одной точкой в восприятии митрополита Антония как приверженца насилия в делах церковных и гражданских¹. Бердяев защищал не столько суть этого движения, сколько возможность самого общественного обсуждения, возможность развития религиозной мысли. Бердяев обвинял все «казенное» православие «выродившееся в государственный позитивизм и жизненный материализм». По его мнению, в этой истории проявилась борьба «духовной жизни» и «мертвого покоя», «религиозного опыта» и «мирского позитивизма»². Статья Бердяева написанная в свойственной автору резкой, безапелляционной манере, была одной из самых жестких характеристик Антония (Храповицкого) дореволюционного периода. «Гаситель духа», «гасильник» – одна из характеристик, закрепившихся за Антонием в начала века³. В этом был один из коренных факторов восприятия Антония и как религиозного мыслителя, и как церковного деятеля. Он позитивист, отрицающий мистику в религиозной жизни⁴, при этом использует административную силу для подавления неугодных явлений.

В статье Бердяева был еще один важный момент определяющий отношение к Антонию. Вопрос восстановления патриаршества, бывший для владыки важнейшим, Бердяев называет второстепенным⁵. В этих построениях, думается, один из главных источников олицетворения Антония с синодальной

¹ В это время очень жестко об Антонии в письмах В.В. Розанову высказывался П.А. Флоренский. Если в 1905 г. он критически, но довольно спокойно отзывался о монашеской партии епископа Антония, то в 1913 г. церковную линию архиерея и его самого он характеризует крайне негативно: «Я знаю этого человека, который весь состоит из честолюбия, личных счетов и самоуверенности. Говорить с ним бесполезно и зазорно... я считаю его злым гением нашей церковной жизни, и его основная мысль – растрит церковную жизнь (остатки ее) и забрать полноту власти всяческой при помощи иезуитски-подобранного ордена ученых монахов... Антоний... забрав всю власть, окончательно обратит иерархию в клерикально-иезуитскую партию, которая ничего не признает и ни во что не верит, кроме своей власти...». (Розанов В.В. Литературные изгнанники. Кн. 2. М., 2010. С. 130, 131). Позднейшая переписка владыки Антония (Храповицкого) и Павла Флоренского показывает, что отношения их были достаточно доброжелательными. – См.: Шоломова С.Б. «Остаюсь Ваш доброжелатель и богомолец...». К истории взаимоотношений священника Павла Флоренского и митрополита Антония (Храповицкого) // Журнал Московской Патриархии. 1998. №6. С. 67-80.

² Бердяев Н.А. Гасители духа.

³ Киреев А.А. Указ. соч. С. 303.

⁴ Флоровский Г.В. Указ. соч. С. 433-437.

⁵ Бердяев Н.А. Гасители духа.

Церковью, слияние его с фигурой Победоносцева. Различия во взглядах Победоносцева и Антония для Бердяева не столь важны, как видимое им их единство. Подобный подход стал для многих определяющим и в дореволюционное время, и в эмиграции. Показательно в этом плане как в своей статье, посвященной Антонию (Храповицкому) в Новом энциклопедическом словаре, А.В. Карташев определил идейных врагов и друзей Антония. К первым он причислил В.С. Соловьева и Л.Н. Толстого, ко вторым К.П. Победоносцева¹. В этой характеристике видится упрощение взглядов Антония. Все же его отношение и к Соловьеву, и к Толстому не было столь однозначным, чтобы твердо классифицировать их как врагов. Антисоловьёвские выступления Антония, по его словам, имели целью даже не критику собственно Соловьева, но систему «ложных убеждений», сложившуюся вокруг его личности. Вред Соловьева Антоний видел в приближении современной «позорной литературной эпохи», появлении плеяды «профессиональных лжецов». В то же время Антоний ценил новые философские идеи Соловьева, которые, по его словам, не заметили и не оценили. Его выступления были реакцией на такое развитие общественной мысли, которое доказывало «целомудрие проституции, патриотизм изменников-японофилов, законность лжи и клеветы и т.п.»². Подобной же реакцией было письмо К.П. Победоносцеву, на которое ссылался Карташев, записывая бывшего обер-прокурора в друзья Антонию. Последний, в ответ на «наглые выходки газет» критиковавших К.П. Победоносцева, благодарил его за «патриотическую и народную деятельность»³.

Почему же столь серьезный ученый как Карташев прибегал к подобным приемам. Причина здесь, думается, в идеологическом подходе к объекту описания. Анализируя отношение Карташева к церковным проблемам уже в эмиграции, современный исследователь отмечает, что историк, погружаясь в

¹ Карташев А.В. Указ. соч. С. 69.

² Митрополит Антоний (Храповицкий). Ложный пророк. С. 265.

³ Митрополит Антоний (Храповицкий): Избранные труды, письма, материалы. С. 629.

политическую борьбу, «временно как бы утрачивает, скрывает навыки исторического анализа»¹. Подобный эффект, очевидно, имел место и в построении аргументов в данной статье. Именно то, что критиковал в Соловьеве Антоний, то направление религиозной мысли, было близко Карташеву.

Давая свою классификацию, Карташев не мог не понимать нюансов отношения Антония к названным личностям, но выразился совершенно определенным образом. Подобное закрепление знаковых имен в качестве «друзей» и «врагов» отражало процесс абсолютизации образа Антония. Он враг популярных Соловьева и Толстого, друг одиозного Победоносцева. Критика Антонием Соловьева, чрезвычайно популярного в среде церковной интеллигенции, вызывала резкий отпор. Интересно, что митрополит Евлогий много позже в своих воспоминаниях писал, что Соловьев «укорял» Антония «в измене либерализму и переходе в стан консерваторов: с архимандритом Антонием якобы произошло то же самое, что произошло со славянофилами, когда светлое течение Киреевского, Аксакова, Хомякова, Самарина сменила реакционная идеология Каткова»². Очевидно, владыка Евлогий высказывал бывшую распространенной в начале XX в. точку зрения об изменении взглядов Антония (Храповицкого) и критическом отношении к этому Соловьева. Имена, таким образом, стали использоваться в качестве орудия все той же борьбы «старых заветов» и духа «нового времени».

Нельзя не сказать, что на столь резкое восприятие иерарха влияли и психологические черты его личности: резкий в общении, бескомпромиссный, острый на язык – все это не могло не влиять на впечатление современников. «Антоний — человек блестящих дарований, большой воли и ума, но слишком острый, невоздержанный на язык» – писал М.В. Нестеров. Он же характеризовал его как наиболее даровитого иерарха, но страстного, «что

¹ Между двумя митрополитами. А.В. Карташев как историк русской церкви и политик в эмиграции // Мир историка: историографический сборник. Вып. 3. Омск, 2007. С. 465.

² Евлогий (Георгиевский). Указ. соч. С. 42.

иногда мешает ему быть мудрым»¹. А.А. Киреев рассуждая в дневнике о целесообразности участия архиепископа Антония в работе Синода, писал: «Да, конечно, Антоний фанатичен, бестактен. Ну а все же талантлив... Да что ж талантлив, когда нет толка. Столыпин рассказывал мне, что первая его встреча с Ант[онием] Волынским его озадачила бесцеремонностью иерарха»².

Особенностью Антония, с самого начала его церковной деятельности, был фанатичная преданность идее восстановления патриаршества. В глазах современников он – безоговорочный лидер этой идеи, ее главный вдохновитель. Однако этот вопрос был далеко не однозначным для русской церковно-общественной мысли начала XX века. Антониевская идея реформы Церкви оценивалась многими современниками как «русский папизм», возвышение власти церковной над властью светской. Вот как эту мысль формулировал Павел Флоренский: «...в церковных кругах, считающих себя правилами благочестия и столпами канонической корректности, с некоторых пор, стараниями главным образом Архиепископа Антония (Храповицкого) стала культивироваться мысль о безусловной необходимости неограниченной церковной власти и склонность к светской власти так или иначе коллективной, напр[имер] ограниченной коллективно выработанной конституцией или решениями того или другого представительного органа»³.

Профессор Н.Н. Глубоковский в письме Розанову писал, что Антоний – «величайший из принципиальных мракобесов, особенно «воздыхающий» о патриаршем «жезле»⁴. Святитель Николай Японский еще в 1898 г. рассуждая в дневнике об идее епископа Антония, недоумевал, что тот мечтал «Установить Церковь на канонических началах». Святитель Николай считал, что Церковь и не была с этих начал сдвинута, а идею восстановления патриаршества называл невозможной и не нужной. Одно лицо, по его словам,

¹ Дурьлин С. Н. Указ. соч. М., 2004. С. 365.

² Киреев А.А. Указ. соч. С. 336.

³ Флоренский П.А. Указ. соч. С. 292.

⁴ Сосуд избранный. С. 72.

управлять Церковью не может, к тому же это чревато самодурством. Правда, здесь же он говорил о необходимости перемен в церковном управлении, которые должны быть выработаны на соборе епископов: установление Синода из постоянных членов, которые должны быть выбраны «всею Церковью». «Цвет ума, сил... должен стать во главе Церкви»¹. Т.е. фактически святитель Николай признает необходимость реформ, говорит о коллегиальном управлении Церкви Архиерейским Синодом и главной его претензией к идеям Антония было наличие негативных последствий единоличного управления. Примечателен генезис отношения архиепископа Николая к Антонию. В начале церковной службы последнего, он признавал его исключительность в среде крупных церковных деятелей. Называл его глубоким и многосторонним. «Таких, как он, – писал святитель Николай, – может быть, и в России еще нет...»². Узнав о возведении архимандрита Антония в сан епископа, владыка Николай записал в дневнике: «Дай Бог ему! Быть может, Господь воздвигает в нем великого Святителя. А как нужны таковые Русской Церкви, столь бедной энергичными деятелями!»³. Однако реформаторские идеи Антония, и, что может быть еще важнее, его резкие, нелюбезные высказывания о своих собратьях по сану, не встретили сочувствия святителя Николая. Антоний (Храповицкий), по его словам, «хаёт» церковное управление, «понося всех нынешних высших русских иерархов»⁴. И в дальнейшем отношение святителя Николая к владыке Антонию было двойственным. Видел в нем новую и потенциально чрезвычайно полезную для Церкви фигуру: «Слава Богу, выступает все более и более перед Россией светило церковное немалое!»⁵. Но стиль отношения Антония к своим коллегам принять не мог. По поводу критики архиепископом Антонием Киевской академии святитель Николай писал: «Рушится надежда, что он будет Митрополитом и весьма

¹ Дневники святого Николая Японского. Т. 3. С. 824, 825.

² Там же. С. 327.

³ Там же. С. 597.

⁴ Там же. С. 826.

⁵ Дневники святого Николая Японского. Т. 4. С. 725.

полезным для Церкви деятелем, преобразователем пришедших в расстройство церковных порядков. Из дворян, как видно, не следует ждать добрых церковных деятелей. Не родной он духовной среде — оттого и не жаль ему оплевывать зря все, что попадется под руку»¹. В этих словах святителя Николая вновь прослеживается проблема отношения Антония (Храповицкого) с церковным сословием. «Да, видно, что Антонию-баричу Академия не родная и не жаль ему ее забросать грязью. Много он навредил своей репутации отчетом о ревизии»².

В свете активной деятельности Антония (Храповицкого) направленной на восстановление патриаршества, более внимательного рассмотрения требует проблема соотношения в его представлениях власти духовной и светской, особенно в связи с твердой репутацией монархиста, закрепившейся за владыкой. Политические потрясения Первой русской революции открыли возможность обсуждения церковной реформы, одним из аспектов которой был вопрос о высшем церковном управлении. В 1905 г. епископ Антоний написал записку Синоду «О патриаршестве». Задача его была достаточно деликатной – доказать необходимость восстановления патриаршества, при этом привести убедительные аргументы безопасности и даже пользы его для самодержавия. Причины церковных нестроений и, как следствие, общественных проблем Антоний видел в нарушении нормального канонического устройства Церкви. Восстановление канонического порядка в Церкви, по его мнению, способствовало бы возрождению нормальной духовной атмосферы в обществе. Если бы удалось восстановить патриаршество, то «Святая Церковь процвела бы такою силою благодатной жизни и духовного оживления, что оно увлекло бы паству далеко, далеко от тех зверских интересов, которыми теперь раздираются наша родина, и Самодержавная власть непоколебимо и радостно стояла бы во главе народной

¹ Дневники святого Николая Японского. Т. 5. С. 674.

² Там же. С. 700.

жизни»¹. Причиной упразднения патриаршества Петром I Антоний называет желание «устранить главного защитника церковного строя, несовместимого с еретическим укладом новой жизни»². Угрозы ущемления самодержавной власти с введением патриаршества епископ Антоний не видел: «...патриаршество есть не ограничение самодержавия, а самая надежная его опора... Писать ли о том, что и поныне патриаршеству и самодержавию сочувствуют одни и те же круги лиц, одно и то же направление мысли? Да и может ли быть речь о папистических притязаниях патриарха при том унижении веры, в коем находилась последняя в XVIII и XIX веках? Напротив, Высшей Власти приходилось бы постоянно прилагать старания о том, чтобы патриархи проникались сознанием своих полномочий, не боялись всех и всего, чтобы громче, смелее поднимали свой голос в стране...»³.

Через несколько лет архиепископ Антоний на примере взглядов Патриарха Никона объяснял некоторое превосходство Патриарха над царем, но превосходство это понималось как исключительно нравственное, данное священнослужителю его саном (отпущение грехов, рукоположение и др.). Возможность же затмения Патриархом личности царя в сознании народа Антоний отрицал: «...в России никогда не было и не будет спора из-за первенства власти, и не этого боятся наши западники, а боятся вообще аскетического уклада русской народной жизни (потому что русская деревня есть до некоторой степени монастырь)»⁴. Убеждение об опасности патриаршества действительно существовало в среде сторонников монархии. Антоний вспоминал, как Столыпин в 1906 г. говорил ему, что «патриарх может заменить собою особу государя»⁵.

Патриарх и монарх у Антония предстают единой силой – только совместные их действия способны противостоять современным угрозам. В

¹ Архиепископ Антоний (Храповицкий). Четвертая докладная записка... С. 532.

² Там же. С. 523.

³ Там же. С. 530-531.

⁴ Митрополит Антоний (Храповицкий). О Патриархе Никоне. С. 764.

⁵ Там же. С. 731.

словах Антония читается и предостережение о возможных потрясениях и вера в то, что их удастся избежать, восстановив нормальную деятельность Церкви. Самодержавие для него, с одной стороны – гонитель Церкви, с другой – ее защитник. Революционные события приводили к пониманию того, что тормоз церковной жизни в лице самодержавия может быть смятен либеральными силами. В них архиепископ Антоний видел гораздо большую опасность для Церкви. «Не от Самодержавной власти должны мы опасаться препятствий этому великому делу, но от либеральных течений в обществе и худшей части духовенства»¹. Позже он вспоминал, что либеральная печать сначала приветствовала сведения о введении патриаршества, видя в этом элемент революции, но, поняв, что «речь идет не о церковной революции, а о восстановлении православного строя, забила тревогу и объявила самую ожесточенную войну главным поборникам Православия – епископству и монашеству»². В письме Б.В. Никольскому в сентябре 1905 г. епископ Антоний писал: «Не столько боюсь противодействия 200-летнего государственного деспотизма над православием, сколько народившейся поповской декаденщины, проектов о женатых архиереях, попах двоеженцах, сюртучных священнослужителей, отмены постов...»³. Поэтому Антоний совершенно не желал ослабления монархии путем либеральных преобразований. При этом, видя слабость современных монархических институтов, Антоний верил в сохранившийся в народе монархический дух.

В другом письме Никольскому в начале 1906 г., на сведения о возможной присяге царя «конституции» он замечал, что это вызовет гнев «мужика» и «на пожарищах города народ выберет Царя из Романовых, если кто-либо из них останется жив, а если всех убьют мятежники, то добудут хоть из-за границы или из Эллады родича им и вручат ему самодержавие»⁴. Сила и смысл бытия России для Антония – в православии, поэтому самодержавие

¹ Архиепископ Антоний (Храповицкий). Четвертая докладная записка... С. 532.

² Митрополит Антоний (Храповицкий). О Патриаршестве. С. 718.

³ Левин Ш. Указ. соч. С. 162.

⁴ Там же. С. 170.

ценно не само по себе, а своим наполнением – церковно-народной культурой. Одна из основных его функций – охрана народного быта, воплощающего христианское учение, которое при иной форме правления будет преследоваться.

Уже после Февральской революции, когда вопрос о Поместном соборе и восстановлении патриаршества вновь стал актуальным, архиепископ Антоний опубликовал статью с ярким названием «Где всего сильнее сказалось у нас немецкое засилье?». Это засилье – насаживание на русской почве западных образцов, – наиболее сильным Антоний видел в церковной сфере. При этом он отмечал согласие таких разных форм правления, как абсолютизм и демократическая республика, в поработании Церкви государством. После падения монархии Антоний мог выражаться на эту тему уже гораздо свободнее. В перечень самодержцев-гонителей Церкви он включает не только Петра I, показывая на примерах, в чем проявлялось ущемление Церкви. Общий вывод его вполне определен: «... отношение правительства к Церкви с XVIII и XIX века было не столь покровительственное, сколько подозрительное, враждебное. Покровительствовался только известный минимум религиозности, необходимый для сохранения воинами и гражданами присяги и нравственного благоприличия в общественной жизни... церковная иерархия и церковная жизнь были явлениями... терпимыми и притом терпимыми с неудовольствием»¹.

На заседаниях Поместного Собора осенью 1917 г. архиепископ Антоний вынужден был отрицать связь самодержавия и патриаршества как обязательную. Его прошлые слова об их совмещении, использовались теперь противниками восстановления патриаршества. «Путем исторических софизмов и подтасовок, – замечал Антоний, – связывают вопрос о патриаршестве с вопросом о восстановлении монархии, прибегают к доносу,

¹ Архиепископ Антоний (Храповицкий). Где всего сильнее сказалось у нас немецкое засилье. С. 419-423.

будто сторонники патриаршества – поборники монархии»¹. О своей статье 1905 г. он говорил: «Как же было тогда не коснуться вопроса об отношении патриаршества к царской власти, когда в патриаршестве видели угрозу для царского самодержавия, и в этом было главное препятствие для восстановления патриаршества? Я не хочу уподобляться ослу, который лягает умирающего льва, но несомненно, что восстановление патриаршества задерживалось преимущественно опасением ослабить самодержавную власть. Теперь это уже доказано»².

Единения Церкви и государства для спасения России не произошло. Восстановленное патриаршество уже не имело защитника в лице царя, а митрополит Антоний уже в эмиграции продолжал надеяться на возрождение русской православной монархии.

Подводя итоги дореволюционным оценкам Антония (Храповицкого), следует отметить, что он стал привлекать внимание современников с самого начала своей церковной деятельности. Его фигура отличалась от привычного образа представителя официальной Церкви. В дореволюционных оценках и воспоминаниях современников выделяются два образа Антония (Храповицкого). Первый – «молодой» Антоний, связанный с духовными академиями, в публицистике представал идеологом пастырства, борцом со схоластикой, монахолобом, ярким полемистом, выходящим из церковной ограды и отвечающий на громкие философские вопросы, полемизируя с В.С. Соловьевым, Л.Н. Толстым. В записках и воспоминаниях он зарекомендовал себя критиком синодальной системы. Современники подчеркивали особенности характера Антония, его смелость и независимость, в то же время отмечали, что часто это приводило к самонадеянности и своеволию. Если говорить о восприятии Антония в политическом отношении, то в 1880-е – 1890-е гг. он многими воспринимался как реформатор и даже либерал.

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. С. 291.

² Там же. С. 291.

Широкий спектр церковных вопросов: церковно-государственные отношения, духовное образование, развитие религиозной мысли, в общественном отношении находились в тот период под спудом. Политические потрясения начала века открыли возможность обсуждения этих проблем. И с этого времени образ Антония (Храповицкого) в обществе стал резко меняться. Факторы, которые определяли характер оценок Антония (Храповицкого): с политической стороны – его либеральные, антимонархические настроения, с церковной – либеральные настроения в Церкви, наконец, течение религиозной мысли, критиковавшее «историческое» христианство, «византийско-монашеское» его понимание, и национально-славянофильское содержание.

За Антонием (Храповицким) закрепляется образ деятеля самого консервативного толка. Глубокие разногласия на развитие страны и Церкви выявились между Антонием и большей частью образованного общества: интеллигенцией, профессурой духовных академий, представителями религиозной философии. Попытки в начале века непосредственного диалога интеллигенции и Церкви в виде религиозно-философских собраний, трудно представить с участием Антония (Храповицкого), бывшего за десять лет до того одним из немногих представителей Церкви, шедших на прямой контакт с культурной элитой. Эти разногласия не могли разрешить и возможные точки соприкосновения, такие, например, как критика синодальной системы. Общественно-политические установки большинства авторов диктовали им определенный, направленный характер оценок митрополита Антония. Партийные принципы характерные для того времени распространялись и на церковную сферу. Антоний (Храповицкий) в восприятии современников занял место в ряду определенных партий: монашеской с церковной стороны и консервативно-монархической со стороны политической. В либеральной публицистике он стал олицетворением политической реакции и одним из символов синодальной системы. Пастырская стезя Антония отходила на задний план. Немалую роль в восприятии Антония (Храповицкого) играли

личные отношения.

1.3. Митрополит Антоний (Храповицкий) как глава Русской Зарубежной Церкви: оценка современников в эмиграции

Анализируя комплекс материалов, касающихся личности митрополита Антония созданных непосредственно в зарубежный период его жизни, необходимо сказать о специфике исторических условий, в которых эти материалы создавались. Сам факт существования большого количества православных русских людей за пределами своей Родины был уникальным.

Самосознание русской эмиграции изначально не было единым. Пореволюционная русская эмиграция была очень разнородной и в социальном плане, и в политическом, и в идеологическом. С одной стороны, она представляла срез русского дореволюционного общества, с другой, революция и Гражданская война трансформировали политические предпочтения многих людей¹.

Важнейшими вопросами, занимавшими мыслящую эмиграцию, были: восприятие революции, осознание себя вне Родины, разработка теоретических и практических вопросов будущего развития России. Церковный аспект был также чрезвычайно важен для людей, оказавшихся в изгнании. Отсюда – столь большое внимание к церковным вопросам и болезненное восприятие церковных проблем. Наконец, уникальность ситуации приводила к невозможности нормальной организации церковного управления с точки зрения фактического соблюдения церковных правил. Отсутствие нормальной связи с церковным руководством в России требовало от зарубежного духовенства необходимости принятия самостоятельных решений.

Общее восприятие эмиграцией революции можно разделить на два основных подхода. Одни считали революцию катастрофой, разрушившей страну, другие видели в ней источник новой жизни, возможность посредством нее строить новое общество. Причем это разделение касалась не только позиций разных политических групп, но происходило и внутри них самих.

¹ Общественная мысль русского зарубежья. С. 124.

Такое разделение, например, произошло среди кадетов. Лидер партии П.Н. Милюков видел в революции содержательное звено, возможность будущих либеральных преобразований. Он призывал отказаться от методов вооруженного сопротивления советской власти и сделать ставку на борьбу в самой России посредством привлечения народных масс, ставших в период революции субъектом власти¹. С другой стороны, правые кадеты отказывались видеть положительную роль революции, не признавали политической зрелости народа и предполагали ведущую роль эмиграции в изменении ситуации в России².

Вообще, характерным явлением эмиграции стало общее поправление взглядов. «...атмосфера заражена глубокой реакцией, и религиозной, и политической. Всего печальнее, что этим заражена молодежь. Даже часть молодежи, социально поворачивающаяся к коммунизму, заражена религиозной реакционностью. Ищут не правды, а порядка и сильной власти»³, – так Н.А. Бердяев описывал свои впечатления от русской эмиграции начала 1920-х гг. Крушение старой России заставило многих изменить свои прошлые позиции. Так, один из членов кадетской партии А.В. Карташев, из церковного реформатора, критика церковно-государственных отношений, иерархии, в эмиграции превратился в защитника Церкви и активного борца с большевизмом⁴.

Идеология монархизма в эмиграции исходила из необходимости беспощадной борьбы с большевиками. Говоря о причинах произошедшей катастрофы, во главу угла монархисты ставили духовно-нравственный аспект и необходимость возрождения духовного единства. Монархисты эмиграции представляли собой множество групп, ориентирующихся на различных лидеров. «Николаевцы» и «кирилловцы» так и не пришли к общему знаменателю. Представители крайнего направления (Н.Е. Марков, Н.Д.

¹ Общественная мысль русского зарубежья. С. 119, 121.

² Там же. С. 121.

³ Бердяев Н.А. Самопознание. С. 187.

⁴ Бычков С.П. Указ. соч. С. 35, 120.

Тальберг) желали восстановления монархии в полном виде¹. Именно с этим течением ассоциировалась политическая деятельность Зарубежной Церкви. Его представителям удалось провести свои установки на Карловацком Соборе, что послужило началом серьезных разногласий в эмигрантской Церкви.

Церковная позиция эмиграции находилась в тесной связи с политическими пристрастиями. Либеральные и умеренные круги эмиграции группировались вокруг митрополита Евлогия (Георгиевского). Представители религиозно-философского возрождения и близкие им круги стремились реализовать идеи обновления Церкви, разорвать с пагубной связью Церкви и монархии. В 1925 г. в Париже был открыт Православный Богословский институт центральными фигурами в котором были А.В. Карташев, о. Сергей (Булгаков), Г.В. Флоровский, В.В. Зеньковский. Институт стал одной из точек раздора церковной диаспоры. Архиерейский Синод не благословил открытие института. Преподавательский состав и, главное, независимость института от Синода породили от сторонников последнего множество обвинений. В итоге у части представителей правого течения эмиграции сложился крайний взгляд на этих противников Зарубежной Церкви, как на представителей масонских организаций, борющихся с христианством. Схема была следующей: еще в России развивая идеи Соловьева, они организовали Братство Святой Софии и были намеренно высланы из страны советской властью для внесения раскола в Зарубежную Церковь, снижения религиозных и патриотических чувств эмигрантов. В Европе они принялись за реформацию Церкви и в области вероучения (софианство), и в области церковной жизни («масонская теория об отделении церкви от государства», учение о непротавлении злу насилем), став «неприкрытыми пораженцами Православия, России и Русского народа»².

Центральное место анализу церковных проблем эмиграции уделяли авторы, вышедшего под редакцией Н.А. Бердяева с 1925 г. в Париже,

¹ Общественная мысль русского зарубежья. С. 124; Антоненко Н.В. Идеология и прагматика русской монархической эмиграции. Мичуринск, 2008. С. 9, 10.

² Иванов В.Ф. Православный мир и масонство [Электронный ресурс]. Харбин, 1935 – Режим доступа: https://drive.google.com/file/d/0B9yvGmoRecX_MTk2ODI2ZmMtZTM0MS00NTRiLTgxZDgtNmY0Y2lyOWNkNWM3/view?hl=en&pli=1 (дата обращения: 01.10.2019).

журнала «Путь». Сам Бердяев очень негативно отзывался о сложившейся в эмиграции церковной атмосфере. «... творцы культуры начала века встретились за рубежом с очень неблагоприятной средой, образовавшейся из гражданской войны. Произошло столкновение с ультрареакционным течением в эмиграции, с консервативно-традиционным и клерикальным православием, не желающим знать всего творческого движения религиозной мысли начала XX века, с реставрационной политикой, вождевающей утерянного привилегированного положения»¹. Определяя суть собственного мировоззрения, Бердяев говорил о себе как о «философе свободы» и главным мотивом своего творчества называл защиту «свободы духа». С этих позиций он критиковал левые и правые политические течения – они одинаково, на его взгляд, не любили свободу, попирали ее. Левые идеи, по словам Бердяева, в конечном итоге привели к революции, к власти, которая отрицает «духовный мир». Правое течение также отрицало наследие русской «религиозной мысли», боялось «свободы духа». И те, и другие – «реставраторы» своего – левого или правого прошлого. Они мыслят старыми категориями, не понимают сути произошедших событий, того, что Россия вступила «в новое измерение исторического бытия», в котором нет места прошлым политическим интересам².

Само название журнала говорило о стоящем перед эмиграцией выборе. Ставя в самом первом номере журнала вопрос о духовных задачах русской эмиграции, редакция отмечала неприемлемость методов борьбы против большевизма, не основывающихся на церковных началах. «Журналу «Путь» предстоит борьба на два фронта: против течений, которые думает обрести духовное творчество в разрыве с Православной Церковью и против течения, которое враждебно духовному творчеству и хочет исключительно реакции и реставрации»³. Под вторым подразумевалась карловацкая партия. Свободная Церковь против несвободной – один из основных лозунгов, под которым

¹ Бердяев Н.А. Самопознание. С. 153-154.

² Бердяев Н.А. В защиту христианской свободы // Современные записки. 1925. № XXIV. С. 287-301.

³ Духовные задачи русской эмиграции. С. 7.

развернулась борьба со сторонниками митрополита Антония. Объект критики Бердяева – старое сознание, не понимающее истинных глубин произошедших событий. «Сознание, которое видит в революции, в русском и мировом кризисе лишь внешний скандал и внешнее бесчинство, которое продолжает думать, что ничего не произошло, не есть христианское, не есть религиозное сознание, это есть сознание, подавленное обывательским позитивизмом»¹. Основное обвинение, которое им предъявляли – приоритет возрождения старой России, желание «воссоздать на родине «все прочее», а при нем «искания Царства Божия и Правды Его»², восстановления России и на нем величие Православия, а не наоборот.

Противоречия относительно судьбы русских людей в изгнании проявились уже в самом его начале. Показателен в этом плане спор, развернувшийся на страницах Материалов Подготовительной комиссии, которая работала в Константинополе с целью организации церковного собрания и выработки основ управления Церковью. В самом этом документе говорилось об уникальности явления массовой эмиграции, признавалась необходимость определения и закрепления положения Русской Церкви³. Разногласия проявились по отношению к вопросу о целостности русской эмиграции. Автор приложения, названного «Церковь и государство в русской эмиграции» – анонимный профессор истории, смотрел на этот вопрос скептически. «Составляем ли мы, рус[ские] эмигранты, хотя бы потенциально, русскую нацию? – вопрошал автор. – На такой вопрос приходится с горечью дать отрицательный ответ. Слишком много слоев русской эмиграции по разным европейским странам, слишком разные настроения отдельных кружков. Удастся ли всем отдельным группам договориться между собою и создать Русское государство за границами России – хотя бы потенциальном виде? Хочется верить этому, но слишком уже велики трудности. Слишком

¹ Бердяев Н.А. Царство Божие и царство кесаря. С. 32.

² Елевферий (Богоявленский), митр. Неделя в Патриархии (Впечатления и наблюдения от поездки в Москву) // Из истории христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995. С. 215.

³ Заграничное Русское Церковное Собрание. С. 9-15.

велика разногласица, слишком трудно примирить и согласить между собою отдельные мнения»¹. На эти замечания авторы материалов с уверенностью возражали, что именно в эмиграции русские «сделались патриотами, русскими, Русской нацией», и это позволит им создать единый властный центр Русского Зарубежья². В то же время показательно, что взгляд на Церковь у авторов материалов и автора приложения совпадал. Именно на Церковь возлагали они надежду на возрождение России и говорили о необходимости создания церковного центра, который, по их мнению, мог бы сохранить единство русских эмигрантов, став «зародышем будущей нации»³. Характерно, что разногласия возникли именно по политическому вопросу, притом, что существовала вера в объединение вокруг Церкви. Важно также отметить осознание авторами невозможности объять канонами «новые потребности жизни». «Однако нужно будет действовать в надежде, что со временем, как это всегда бывало, жизнь создаст сначала «обычай», а после придет и «закон»»⁴.

Оценки митрополита Антония за границей складывались из двух позиций: восприятия его деятельности в России и оценок, происходивших уже в эмиграции. Митрополит за границей был самым известным архиереем, олицетворением Русской Церкви. Но если одни видели в нем возглавителя Русской Церкви в эмиграции – его авторитет плюс должность председателя ВЦУ, вполне естественно выделяли его фигуру, то для других он был крайне нежелателен в силу своей дореволюционной репутации. Причем не только среди светской части общества, но и среди духовенства. П.Е. Ковалевский в своем дневнике, в мае 1921 года, говоря о возможном визите митрополита Антония в Париж, отмечал, что «духовенство не хочет его приезда»⁵. Разделение Церкви многократно усилило характер оценок разных церковных групп. Противостоящие стороны бросались взаимными обвинениями,

¹ Там же. С. 38-39.

² Там же. С. 38, 39.

³ Там же. С. 39.

⁴ Там же. С. 14.

⁵ Ковалевский П.Е. Указ. соч. С. 279.

прекратили в какой-то момент евхаристическое общение. Студент Свято-Сергиевского института В. Рушанов писал: «Я лично сам видел письмо митрополита Антония, который между прочим писал, что священнодействие митрополита Евлогия есть во имя дьявола и тот, кто причащается из его рук, причащается крови и тела дьявола... Только разводят руки: до чего дошла злоба людей...»¹. Епископ Василий (Родзянко) вспоминал, как уезжая в 1933 г. из Сербии в Париж, не представлял, какой увидит тамошнюю церковную жизнь, а после поездки рассказывал митрополиту Антонию, что там «Совершенно все как у нас. Это тоже Православие, тоже русское православие»². Подобные настроения, конечно, сказывались на характере выходивших, посвященных церковным вопросам, работ и характеристик митрополита Антония.

Материалы, содержащие сведения о митрополите Антонии, можно классифицировать на следующие группы:

1) Документы Зарубежной Церкви. Они показывают, как ее непосредственные деятели видели роль митрополита Антония.

2) Переписка участников событий, которая содержит богатый материал, показывающий отношение к митрополиту Антонию, которое не всегда могло быть высказано в официальных документах. Авторами писем были архиереи, духовенство, светские лица, как активно участвовавшие в церковной жизни, так и смотревшие на нее с некоторого удаления.

3) Русские периодические издания, выходящие фактически с самого начала эмиграции, уделяли большое внимание церковным проблемам.

Подлинным рубежом, определившим разделение церковной эмиграции, стал прошедший в конце 1921 г. в сербском городе Сремские Карловцы Русский Всеаглический Церковный Собор. На нем определились две основные группы русского церковного зарубежья: Высшее Церковное Управление, позже Архиерейский Синод, стремившийся сконцентрировать

¹ Русский мир и Латвия. Т. 2. С. 37.

² Василий (Родзянко). Указ. соч. С. 54.

все управление Церковью за границей в своих руках и его противники, группировавшиеся вокруг митрополита Евлогия (Георгиевского). Первую группу во главе с митрополитом Антонием после Собора с идеологических позиций стали классифицировать как монархическую. Оценивая действия митрополита Антония на Соборе, современники стали говорить о его коалиции с монархистами. Передавая впечатления участников Собора вскоре после его окончания, профессор Д.Н. Вергун писал, что «митр<ополит> Антоний ставит открыто на Маркова 2-го, <к которому?> в последнее время присоединился и гр<аф> В.А. Бобринский, купивший себе в Нов<ом> Саде дом (напротив Карловцев) и влияющий на церков<ные> дела»¹.

Активность монархистов на Соборе и откровенные политические заявления, приведшие к расколу, для многих его участников стали неожиданностью. Делавший записи на собрании Н.М. Зернов замечал, что уже в самом начале собрания на нем возникли разногласия именно по политическим мотивам. Группа правых потребовала удаления с собрания бывшего председателя Государственной Думы М.В. Родзянко. «Вскрылся нерв, обнаружилось присутствие на собрании группы политиканов, желающих сделать Церковь своим орудием»². Участники собрания, отмечал Зернов, говорили о царящем там мирском духе «...всем заправляют миряне, епископы ступшевались, священники в меньшинстве»³. Поведение на Соборе митрополита Антония стало для автора разочарованием. Митрополит, по его словам, не противился действиям монархистов, отмахивался от многих вопросов чисто церковного характера. «Пастырская школа не выйдет, приходы не нужны, воззвания полезны для завязывания банок для варенья. Ужасно, что так говорит председатель, за которым все были готовы идти»⁴. Зернов заметил, что в определенный момент, собор стал Антонию в тягость и он хотел поскорее его завершить, «но собор живет, это мучительно и для

¹ Русский мир и Латвия. Т. 3. С. 64.

² Зернов Н.М. Юрисдикционные споры... С. 130.

³ Там же. С. 131-132.

⁴ Там же. С. 138.

собора, и для митрополита»¹.

Влияние монархистов на митрополита Антония в глазах современников было вполне обоснованным. На Соборе он солидаризируется с их доводами относительно необходимости восстановления династии. На прениях по вопросу династии лидер монархистов Н.Е. Марков говорил: «А ведь наследнику мы приносили присягу... Снял ли кто-нибудь эту присягу? Если она давно снята, то Церковный Собор должен это сказать и приветствовать революцию, объявив о низложении Дома Романовых»². Митрополит Антоний чуть позже высказал свое мнение: «...вопрос о династии не политический, а чисто церковный, ибо отвергнуть этот вопрос – значит, отвергать существующие, никем не отмененные, основные законы, соглашаться с так называемыми завоеваниями революции, т.е. одобрить низвержение Государя и царст[вующей] Династии, уничтожение русского народа...»³. Позже он повторил эти тезисы в статье «Церковность или политика» – «завоевания» революции признать невозможно, поэтому низложение династии было незаконным⁴.

Ставка Антония на монархистов стала для многих неожиданной и потому, что митрополит, несмотря на свою дореволюционную репутацию, в глазах многих церковных людей был главным сторонником возрождения патриаршества и на Поместном Соборе отзывался о монархии как главном тормозе восстановления канонического порядка в Церкви. Говоря о первой реакции современников на Карловацкий Собор, действий на нем монархической группы, необходимо отметить еще один момент. Коалиция Антония с монархистами воспринималась также как выступление против Патриарха Тихона, т.к. монархисты допускали критику некоторых его действий, о чем будет сказано в дальнейшем. Упомянутый уже профессор Д.Н. Вергун отмечал, что на Соборе «слышались нарекания на Патриарха

¹ Там же. С. 137.

² Деяния Русского Всеаграрного Церковного Собора. С. 48.

³ Там же. С. 51.

⁴ Там же. С. 127.

Всероссийского, что он «большевицкий патриарх»¹.

Итак, Карловацкий Собор, приведший к размежеванию эмиграции по политическим вопросам, изменил и отношение к митрополиту Антонию. Если для монархической группы он стал опорой их идей, то часть эмиграции стала видеть в нем проводника монархических настроений и вмешательства политики в Церковь.

Необходимо сказать о настроениях митрополита Антония в первый период эмиграции. Известно, что владыка собирался удалиться в монастырь. В письмах того времени он говорил о желании уйти на Афон или Валаам, явно не проявляя желания заниматься административными делами. «А Сербии, вероятно, не миновать; впрочем, возможно, что заменю ее Валаамом»², – писал Антоний в июне 1921 г. Уже во время работы Карловацкого Собора он сообщал, что отклонены просьбы поездки его на Валаам и Афон: «Торчу 10-й месяц в Сербии»³. В письме Патриарху Тихону в 1923 г. Антоний сообщал о своих неоднократных попытках попасть на Афон, последняя из которых было осенью 1922 г. Там же он написал: «Вот и приходится маяться здесь и вести дело церковное со своими собратями, но лжебратией, от которой я собственно хотел уйти. Разумею отнюдь не сербов»⁴.

Официальные документы Архиерейского Синода показывают ту роль и статус, которыми представители Русской Церкви в эмиграции наделяли митрополита Антония⁵.

Летом 1921 г. заграничные иерархи обратились с посланием к Патриарху Тихону, в котором, в том числе, проявляли желание присвоить митрополиту Антонию титул «наместника патриарха»⁶. Это желание Патриархом было отклонено, но само по себе оно говорило о намерении архиереев иметь подобную фигуру для организации церковной жизни за

¹ Русский мир и Латвия. Т. 3. С. 63.

² Там же. С. 144.

³ Там же. С. 13.

⁴ Письмо Святейшему Патриарху Тихону от Архиерейского Синода за границей. С. 552.

⁵ Подробно об организации церковного управления за границей см.: Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов; Он же. Русская Зарубежная Церковь в 1925-1938 гг.

⁶ Следственное дело патриарха Тихона. С. 689-691.

границей. Через несколько месяцев на Карловацком Соборе, его председателя митрополита Антония вновь решили наделить этим титулом, однако он сам от этого отказался. Важной точкой, определившей развитие Зарубежной Церкви и отношение к руководящему статусу митрополита Антония, стал указ Патриарха Тихона № 348(349), упразднявший зарубежное ВЦУ. Так, противник исполнения указа секретарь ВЦУ Е.И. Махароблидзе, говорил о значимости роли митрополита Антония (Храповицкого) для Церкви, отмечал разность «психологии Высшей Всероссийской церковной власти и Русской Зарубежной церкви по вопросу о борьбе с большевиками»¹. Очевидно, что удаление митрополита Антония с поста главы Зарубежной Церкви, лишало эту часть эмиграции надежд на продолжение своей борьбы. Это подтверждал и их идеологический противник епископ Вениамин (Федченков), который считал, что упразднение ВЦУ является стремлением изменить «церковное направление» – ту вовлеченность в политику, которую демонстрировали зарубежные иерархи, а для этого необходимо удаление с поста председателя митрополита Антония².

Вопрос идеологический – отношения к Советской власти был главным, что признавали представители обеих сторон. Уже после упразднения ВЦУ в Сремские Карловцы приходили многочисленные послания с просьбами не распускать ВЦУ и сохранить место его главы за митрополитом Антонием³. При этом в ряде из них отстаивалась позиция неподчинения Высшей власти и наделения митрополита Антония полномочиями главы Русской Церкви⁴. Официальный печатный орган Синода журнал «Церковные ведомости» сообщал о получении около 200 протестов против ухода «от дел» митрополита Антония⁵.

В феврале 1923 г. Временный Архиерейский Синод разослал

¹ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 4. Л. 52-53.

² Там же. Л. 72 об. – 73.

³ Там же. Л. 147-149, 151, 154-156.

⁴ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 3. Л. 93-93 об.

⁵ К уходу Высокопреосвященнейшего Митрополита Антония на Св. Афон // Церковные ведомости. 1923. № 3/4. С. 8.

зарубежным архиереям письма с вопросами относительно дальнейшей судьбы Зарубежной Церкви. Четвертым пунктом стоял вопрос об отношении к возможности усвоения заграничному Синоду Высшей Церковной власти¹. Естественно, что подобные полномочия он должен был иметь под руководством Антония (Храповицкого). Современный исследователь А.А. Кострюков отмечает, что Синод, очевидно, не брал во внимание готовившийся митрополитом Евлогием проект устройства Зарубежной Церкви и не собирался принимать его предложения². Очевидно, что с момента получения указа об упразднении ВЦУ, митрополит Евлогий в карловацких кругах стал восприниматься как противник. В феврале 1923 г. митрополит Антоний в письме сообщал, что некие лица «повредили нам на Карловацком Соборе, покорив себе Евлогия»³. Эта претензия была высказана уже после проявившихся несогласий и, очевидно, была их следствием. Во всяком случае, формальные действия «покоренного» митрополита Евлогия на Карловацком Соборе не отличались от действий архиепископа Анастасия (Грибановского), но претензии высказывались именно в адрес Евлогия, очевидно из-за его дальнейших разногласий с карловацкой политикой.

Большинство из давших ответ архиереев выступали за сохранение митрополитом Антонием полномочий председателя Архиерейского Синода. Некоторые из присланных ответов предполагали возможность присвоения прав Высшей Церковной власти Архиерейскому Синоду. Также было мнение о необходимости присвоить митрополиту Антонию звание Местоблюстителя Патриаршего престола «как избранному на Всероссийском Поместном Соборе Заместителем Святейшего Патриарха»⁴. В докладе, сделанном на Архиерейском Соборе 1923 г., митрополит Евлогий предполагал сохранение Архиерейского Синода под председательством митрополита Антония, а за собой оставлял право «подписи по общецерковным делам»⁵. Хотя по

¹ Цит. по: Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов. С. 306.

² Там же. С. 149.

³ Русский мир и Латвия. Т. 3. С. 15.

⁴ Там же. С. 325.

⁵ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 5. Л. 24.

собственному признанию сознавал, что сохранение Синода не согласовывалось с указом Патриарха. Согласился он на это, по его словам, «для сохранения мира»¹.

В итоге на зарубежном Соборе была отвергнута возможность наделения Зарубежной Церкви полномочиями Высшей церковной власти. Сам митрополит Антоний по поводу указа о роспуске Синода писал Патриарху Тихону, что решил его исполнять, но не смог этого сделать, потому что ему «предоставили веские мотивы о невозможности закрытия его без организации какой либо иной Высшей Церковной инстанции за границей»². Действительно, получив указ, митрополит Антоний сообщил митрополиту Евлогию о необходимости немедленного его выполнения³. Очевидно, что владыку Антония действительно убедили аргументы противников полной ликвидации Синода.

Однако намерения наделить Зарубежную Церковь полномочиями высшей церковной власти возникали в дальнейшем. Так, в начале 1925 г. архиепископ Иннокентий (Фигуровский) направил митрополиту Антонию письмо с просьбой возглавить Русскую Православную Церковь «в качестве Патриаршего заместителя, так как Святейший Патриарх Тихон совершенно лишен такой свободы действий и распоряжений и его именем всякий может злоупотреблять, а он не в силах этому воспрепятствовать»⁴.

Таким образом, очевидно, что в среде эмиграции, еще при жизни Патриарха Тихона, существовала среди сторонников митрополита Антония тенденция выделения Архиерейского Синода и наделения его полномочиями Высшей Церковной власти. Она родилась в среде, почитающих одной из главных своих задач борьбу с большевизмом и невозможность приятия отношений с советской властью. Поэтому любые намеки на отношения Церкви с большевиками воспринимались как неприемлемые. В ряде заявлений

¹ Русский мир и Латвия. Т. 2. С. 15.

² Письмо митрополита Антония (Храповицкого) святейшему Патриарху Тихону. С. 554.

³ Евлогий (Георгиевский). С. 370.

⁴ Митрофанов Г. Указ. соч. С. 113.

подобные устремления принимали крайнюю форму. Уже в 1927 г. митрополит Варшавский Дионисий (Валединский) заявлял о необходимости признать митрополита Антония законным Патриархом, на том основании, что он получил большинство голосов на Поместном Соборе, а имевший место жребий при выборе Патриарха не имел канонических оснований¹.

Вот как оценивал ситуацию летом 1925 г. архиепископ Анастасий (Грибановский). По его мнению, после смерти Патриарха возможность разрыва эмиграции с Русской Церковью и разделения внутри самой Зарубежной Церкви, стала практически неизбежной. «Мы должны, конечно, исчерпать все средства и все свое долготерпение, чтобы сохранить нерушимым наше единство с канонической Церковью в России, но Вы сами изволите знать, что бывает такое положение, когда мы обязаны сказать *non possumus* и по необходимости начать самостоятельно устраивать свою церковную жизнь. Наконец, в России просто может начаться церковная анархия. В предвидении такого исхода дел мы и должны серьезно подумать об организации нашего церковного строя за границей», – писал архиепископ Анастасий Г.Н. Трубецкому². Его слова показывают настроения карловацких кругов, в то время, когда еще не было известно какую позицию по отношению к советской власти займет Патриарший Местоблюститель митрополит Петр (Полянский). Архиепископ Анастасий писал о готовности подчинения Местоблюстителю, «если он не портебует от нас чего-либо противного канонам и нашей архиерейской совести». Под «противным совести» он подразумевал возможность изменения отношения к большевикам – признания их власти и подчинения ей. Цель, выразившейся в «завещании» Патриарха церковной политики, архиепископ Анастасий описывал следующим образом: «никаких уступок в области веры и канонов, но подчинение не за страх, а за совесть советской власти, как попущенной волей Божией — и естественно вытекающее отсюда осуждение всей контр-революции»³. Именно в этом он

¹ Русский мир и Латвия. Т. 1.

² Письма митр. Анастасия к Г.Н. Трубецкому. С. 232.

³ Там же. С. 229.

видел непреодолимый рубеж, разделяющий антибольшевистское зарубежное духовенство и Церковь в Советской России. «... нам усвоить эту точку зрения не только трудно, но даже пока невозможно, ибо это было бы равносильно нашему самоотрицанию и осуждению всего, что мы делали и к чему мы стремились до сих пор»¹. Карловацкий Синод вскоре признал власть митрополита Петра, однако, выраженная архиепископом Анастасием позиция показывала ту грань, через которую карловацкие иерархи переступить не могли.

Необходимость сохранения церковной организации за границей для архиепископа Анастасия бесспорна. Помимо прочего она должна отстаивать интересы Русской Церкви в мире: бороться с обновленцами, сообщаться с другими Поместными Церквями. «При обострившейся теперь вновь борьбе с «живцами» нам придется постоянно апеллировать к древним апостольским кафедрам, а для них после кончины Свят[ейшего] Патриарха нет такого органа Русской Церкви, которому они могли бы доверять безусловно, ибо митрополита Петра здесь никто не знает и самые его канонические полномочия нельзя еще назвать вполне признанными со стороны других Патриархов. Кто же будет осведомлять их о положении Православия в России и предстательствовать пред ними за страждущую Русскую Церковь?»², – задает риторический вопрос архиепископ Анастасий. По его мнению, каких-либо иных полномочий, для выполнения этих задач митрополитом Антонием, было не нужно: «достаточно тех, какие он имеет теперь, как председатель Синода и как старейший и авторитетнейший иерарх из всех, находящихся за границей»³.

Комментируя подобные настроения сторонников Архиерейского Синода, профессор истории И.А. Стратонов писал: «Владыки карловацкие, думали, что если они убежали, то по ту сторону границы уже не осталось

¹ Там же. С. 232.

² Там же. С. 236.

³ Там же. С. 236.

ничего ценного, что бы стоило беречь»¹. По его мнению, автокефалистская тенденция, в которой он обвинял карловчан, содержала в себе важный психологический аспект – выделение этой частью эмиграции себя в качестве особой группы имеющей моральное право на руководство, причем не только Зарубежной Церковью. В подобном настрое Синода он видел причину отпадения Зарубежной Церкви от Московской Патриархии. Комментируя намерения Архиерейского Синода провозгласить независимость от Патриарха в 1924 г., Стратонов писал, что митрополит Антоний защищал «по-видимому» «некоторую автокефальность». По его мнению, расхождения между двумя церковными группами эмиграции произошли именно из-за отношения их к церковной власти. Так, митрополит Евлогий, по словам Стратонова, «более строго следовал указаниям С<вятейшего> Патриарха, а м<итрополит> Антоний относился к ним весьма свободно, и я бы даже сказал скептически»². В одном из писем И.А. Стратонов сообщал, что митрополит Антоний, доказывая, очевидно, факт нарушения функционирования церковной власти, в личной беседе говорил об отсутствии Синода при Патриархе, в противном случае, по словам Антония, он «бы вмешался в церковную жизнь после смерти Патриарха». То же самое он заявлял «и по отношению к 1922 году»³. Сам Стратонов далее спрашивал адресата письма о его знании этого вопроса. Примечательно, что Стратонов – один из самых последовательных сторонников беспрекословного выполнения указов, идущих из России, не мог дать должного ответа своим оппонентам. Это лишний раз говорит о трудности церковного управления в эмиграции и показывает особенности мотивировок решений митрополита Антония.

Схожее с профессором Стратоновым мнение было у рижского архиепископа Иоанна (Поммера). В черновиках своих писем владыка Иоанн говорил о существовании круга лиц, интригующих против Патриарха Тихона, считающих его недостойным своего места: «С самого начала восшествия

¹ Русский мир и Латвия. Т. 2. С. 62.

² Там же. С. 65.

³ Там же. С. 64.

Свят<ейшего> Тихона на патриарший престол были люди, которые полагали, что Свят<ейший> Тихон занял место, на котором они умели бы и стоять и сидеть и действовать лучше, чем Бл<ажнейший> Тихон. В надежде сесть на место Бл<ажнейшего> Тихона, если он будет убит, или заточен или извергнут, с самого начала патриаршества Бл<ажнейшего> Тихона интригуют против него. Каждый слог, каждое слово Бл<ажнейшего> Тихона выслеживают, каждое обстоятельство норовят использовать для своей цели, т<о> е<сть> освобождения для себя Патр<иаршего> престола. Подлая гибкость совести этих людей меня поражает. Было время, когда эти люди и прямыми и косвенными и сами и через послушных лиц и организаций твердили пред лицом всего мира, а главное пред лицом советской власти, что Патриарх Тихон и его Церковь монархичны. Цель казалось, близка: вняв доносам, Бл<ажнейшего> Тихона большевики арестовали, составили «обвинительный» акт, больш<ую> часть которого заняли факты, якобы свидетельствующие о монархичности Бл<ажнейшего> Тихона, казалось казнь Бл<ажнейшего> Тихона неизбежна»¹. Для архиепископа Иоанна патриарх Тихон – «объединяющий центр», «опора веры», он – противоположность бежавших пастырей, которых народ называет «страстобегцами» и «исповедниками шкуры»². Архиепископ Иоанн не называл имен, но, очевидно, что представителем группы, интригующей против Патриарха, в его глазах являлся митрополит Антоний. Необходимо отметить, что архиепископ Иоанн не сомневался в подлинности указов Патриарха. В письме митрополиту Антонию он, ссылаясь на свидетельство архимандрита Феофила (Пашковского), прямо говорит о настроениях Патриарха, соответствующих содержанию указа о роспуске ВЦУ. Допускал ли владыка Иоанн возможность давления на Патриарха со стороны властных органов? Очевидно, что допускал, т.к. сам свидетельствовал о тяжести положения Церкви в Советской России. Но, вероятно, для него были

¹ Русский мир и Латвия. Т. 3. С. 166.

² Там же. С. 165.

неприемлемы методы зарубежных иерархов, их настроения, сама допускаемая ими мысль о возможности неподчинения канонической власти.

Церковное противостояние внутри эмиграции развернулось и на страницах печатных изданий. Основная группа противников Архиерейского Синода центральное внимание уделяла борьбе двух идеологий. «Спор идет не о лицах и не между лицами», – писал в 1927 г. Г.П. Федотов, отбрасывая тем самым разговоры о личностных различиях главных участников зарубежных церковных групп.¹ Поэтому образ отдельных иерархов, в том числе и митрополита Антония, зачастую растворялся в характеристике одной из групп. В этом, очевидно, помимо чисто практических мотивов идеологической борьбы и противопоставления своего лагеря противоположному, было и пренебрежение к нему, быть может не всегда осознанное, и стремление охарактеризовать другой лагерь, как единую, темную, обезличенную массу. Эту особенность подмечали и с антикарловацкой стороны. М. Курдюмов² отмечал сложившееся «обязательное правило: проходить молча и с закрытыми глазами мимо тех, кто на «противной стороне». Не всматриваемся, не интересуемся, просто не желаем знать, потому что это *чужой лагерь*»³ (курсив автора).

Очень показательна подобная тенденция прослеживается в работах Н.А. Бердяева. Вспоминая этот период, он так характеризовал свои работы: «вел борьбу за свободу духа, свободу совести, свободу мысли, не пропускал ни одного случая, чтобы не протестовать против гасителей духа, насильников над мыслью и совестью»⁴. Свои статьи против Карловацкого Синода он называл «наиболее боевыми». С Антонием (Храповицким) Бердяев, по его словам, вел «духовную борьбу»⁵, хотя имя самого митрополита в его работах упоминалось редко.

Актуальные церковные вопросы для самого Бердяева заключались в

¹ Федотов Г. Зарубежная церковная смута. С. 119.

² Псевдоним Марии Александровны Каллаш.

³ М. Курдюмов. Указ. соч. С. 93-94.

⁴ Бердяев Н.А. Самопознание. С. 230.

⁵ Там же. С. 232.

следующем. Он видел основной путь возрождения России, русского общества в развитии христианской свободы, «творческой религиозной мысли», продолжении традиций А. С. Хомякова, Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева. Соответственно и движущую силу будущего духовного возрождения России он видел в людях религиозно творческих. «Образуются новый уклад православной души, более активный, ответственный, творческий, более мужественный и бесстрашный». «Народные массы отпадают от Христианской веры и от Церкви, проходят через поверхностное полупросвещение, через атеизм и нигилизм, интеллигенция же и высший слой культуры возвращается к Христианской вере и Церкви. Это меняет стиль Православия. Он перестает быть простецким, мужицким по преимуществу. Нужны ответы на более сложные умственные запросы, на более утонченную интеллектуальность»¹.

В современных событиях Бердяев видел окончание «константиновского» периода в истории христианства, когда Церковь освящала власть, когда существовали христианские государства и христианские народы. Окончание периода самодержавной означает, что Церковь должна перестать надеяться на государство и «развивать собственную энергию изнутри»². В дореволюционных официальных церковных институтах Бердяев видел лишь государственную церковность, порождавшую «лицемерие и ложь» и противопоставлял ей подлинную духовную жизнь, существовавшую «в святости, в старчестве»³.

Во вступительной редакционной статье первого номера журнала «Путь» были очень четко расставлены акценты относительно задач церковной эмиграции. Перед эмиграцией, по мнению Бердяева, стояли задачи сохранения русского рассеяния как единого русского народа, органическая связь его с Россией и будущее воссоединение с ней. Но воплощение этих задач должно быть осуществлено не политическими методами. Бердяев если и не отказывал эмиграции в праве на политическую деятельность, то сводил значение ее к

¹ Духовные задачи русской эмиграции. С. 5-8.

² Бердяев Н.А. Царство Божие и царство кесаря. С. 38, 50-51.

³ Бердяев Н.А. Проблема христианского государства. С. 282.

минимуму: она вторична, «подчинена задаче духовно-религиозной». Политическая деятельность несет негатив и дальнейшее разделение: она породила эмигрантскую психологию – «ложное» отделение себя от России, и даже осознание себя «единственной подлинно русской нацией». Русская религиозная идея – это «идея Святой Руси, а не империалистическая идея Великой России». Поэтому преодоление разделения возможно в первую очередь «духовно» и «религиозно»¹. Объект критики Бердяева – старое сознание, которое не понимает истинной сути произошедших с Россией и Русской Церковью событий. «Сознание, которое видит в революции, в русском и мировом кризисе лишь внешний скандал и внешнее бесчинство, которое продолжает думать, что ничего не произошло, не есть христианское, не есть религиозное сознание, это есть сознание, подавленное обывательским позитивизмом»².

Для Бердяева митрополит Антоний – представитель так называемых «внешних контрреволюционеров». Революция для подобного круга людей – лишь внешнее явление, случайность, которая разрушила хорошее старое и создает плохое новое. Они рассматривают ее исключительно со стороны. Их самоопределение исходит из отрицания и потому не способно к созиданию. Бердяев ставит на одну сторону обновленцев и карловчан. «Митрополит Антоний, – по его словам, – такой же рационалист и практик, как деятели «живой церкви». Они приспособляются к плодам революции, он опирается на ушедшее государство»³.

В развивающемся в эмиграции монархическом движении Бердяев видел опасность нового порабощения Церкви. Еще до зарубежного раскола он отмечал, что связь Церкви в России и в эмиграции разрывается деятельностью монархических организаций. Карловацкий Собор 1921 г., по его мнению, «был насилием государства над Церковью». Монархисты – это та сила, которая управляет Церковью: «Все эти крайне правые монархисты в эмиграции вполне

¹ Духовные задачи русской эмиграции. С. 4-6.

² Бердяев Н.А. Царство Божие и царство кесаря. С. 32.

³ Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914-1922. М., 2007. С. 836-843.

признают для себя свободу совести и свободу выбора и налагают авторитет Церкви, где им хочется и нравится, наделяя авторитетом тех митрополитов и епископов, которые потакают их инстинктам и сочувствуют им»¹.

Крайне правое течение эмиграции – это направление мысли, которое выступает с позиций реставрации монархического прошлого и видящее Церковь частью государственного аппарата. А «карловатский епископат» для Бердяева – это «партия», часть клерикального направления².

Стремление разорвать с политическим прошлым, желание войти в новую для Церкви эпоху для Бердяева настолько велико, что он фактически призывал к расколу с «реставрационно-реставраторским» течением в Церкви. «... этот удар должен быть нанесен, ибо это течение мешает выздоровлению России и русского народа, мешает рождению лучшей жизни»³. Одним из факторов, удерживающих Церковь в старых рамках, для Бердяева был авторитет иерархии. Бердяев призывал отказаться от взгляда на фигуру епископа как непогрешимый авторитет⁴. И здесь он видел «духовную проблему» – необходимость не доверять привычным для русского православного человека образам. Так, говоря о карловацких иерархах, Бердяев рисует следующий портрет епископа: монах и аскет, «известный своей духовностью, оказывается духовно-слепым, а не зрячим, если он не способен к различению духов, если повсюду в мире и человечестве видит лишь зло и тьму и обречен распространять вокруг себя проклятие и мрак... Повидимому, аскетика сама по себе не ведет к высшим духовным достижениям и не вырабатывает духовной зрячести. Она может даже иссушить и ожесточить сердце. Дьявол тоже аскет. Необходим другой элемент в духовном пути, без которого аскетика лишается преображающего и просветляющего смысла. Аскетика без любви бесплодна и мертва»⁵. Портрет безымянный, но, очевидно, что носителем этих качеств, в глазах Бердяева, был митрополит

¹ Бердяев Н.А. Церковная смута и свобода совести. С. 46.

² Там же. С. 46.

³ Там же. С. 49.

⁴ Там же. С. 42-43.

⁵ Там же. С. 49-50.

Антоний, монашество и аскетика которого были важнейшими составляющими его жизни и мировоззрения. Дальнейшая характеристика этого портрета, очевидно, повторяет мысль, сказанную А.В. Карташевым в статье, посвященной Антонию (Храповицкому) в Новом энциклопедическом словаре в 1911 г. Карташев писал о славянофильском мировоззрении архиепископа Антония, которое обострено «принципиальным аскетизмом, доходящим до симпатий монофизитству»¹. Бердяев развивает эту идею: «Монах-аскет, в котором сердце иссушилось и охладилось, который любит Бога, но с нелюбовью относится к человеку и миру, есть практический, жизненный монофизит, он не исповедует религии Богочеловечества»². Бердяев, по сути, воспроизводит свои мысли о «гасителях духа», сказанные еще в 1913 г.³. В еще более ранней полемике, вокруг сборника «Вехи», в ответном письме архиепископу Антонию, Бердяев писал о Церкви ослабленной «христианскими мучителями», изменившими «завету любви». «Возможно ли, – спрашивал Бердяев, – вынести соблазнительное оправдание иерархам Церкви этой злобной братоубийственной, антихристианской «политики»? Почему делами любви и духом любви не отстаивают православной веры? Почему в силу правды Божией не верят, а в силу государственную, силу материальную верят?»⁴. Бердяев тогда видел в лице архиепископа Антония церковную фигуру, могущую вести диалог, видел надежду на возможность обновления Церкви. Теперь прошлые сомнения окончательно решены. Отход митрополита Антония и его сторонников от христианской правды однозначен и необратим, он не пытается понять их. С Антонием (Храповицким) Бердяеву уже нет смысла спорить, обращение к его фигуре лишается проблемного характера не только в практическом плане, но и в историческом. Он часть ушедшего времени, в размышлениях о насущном он не нужен. Митрополит Антоний становится частью отжившей формы старой Церкви, сращенной с

¹ Карташев А.В. Указ. соч. С. 68.

² Бердяев Н.А. Церковная смута и свобода совести. С. 50.

³ См.: Бердяев. Н.А. Гасители духа.

⁴ Бердяев Н.А. Открытое письмо архиепископу Антонию. С. 374.

государством, и легко Бердяевым вписывается в эту форму. О несоответствии взглядов митрополита реалиям синодальной системы Бердяев не говорил уже в 1913 году¹, теперь он пишет о подчинении Церкви государству до революции, когда «иерархия находилась во власти и услужении царя и обер-прокуратуры, через которую государственная власть давила на церковь» и проводил прямую аналогию с положением в эмиграции, когда «церковная иерархия в карловатской своей части находится во власти и в услужении правых монархических партий, которые заменили царя и обер-прокуратуру»². И если Церковь в России в результате революции изменилась, то Церковь в эмиграции перенесла из старой России свое устройство, свой дух, а митрополит Антоний, стоит теперь во главе нее. При этом у Бердяева речь шла не столько о подчинении практическом и идейном, сколько о подчинении духовном. Он назвал это явлением «несознательным, результатом ложного сознания, не видящего реальностей»³. Поэтому митрополит Антоний вполне вписывался в эту концепцию. При этом, Бердяев включил митрополита Антония даже в число тех кругов, которые, «в глубине души не хотят признать ни собора, ни патриарха, как порождения революционной эпохи», которые «не примиряются с совершившейся катастрофой, благодатной для церкви, и упрямо, с слепотой и глухотой стоят за реставрацию, которая должна вернуть к старому положению церкви, должна отменить все, связанное с собором и патриархом, т. е. с революционной эпохой»⁴. На взгляд Бердяева, митрополит Антоний хотя и стремился к восстановлению патриаршества, «но представлял себе это не так, как произошло в революции»⁵. Подобная концепция – о неприятии патриаршества как следствия революции, стала распространенной в эмиграции, в том числе, очевидно, и благодаря взглядам Бердяева⁶.

¹ Бердяев Н.А. Гасители духа.

² Бердяев Н.А. Проблема христианского государства. С. 303.

³ Там же. С. 303.

⁴ Там же. С. 304.

⁵ Там же. С. 304.

⁶ Гессен И.В. Указ. соч. С. 131.

Славянофильские позиции Антония, критикующие синодальный период и видящие идеал в допетровской Руси, в оценке Бердяева, не играли особой роли, он нивелировал их. Вся самодержавная эпоха в конструкции Бердяева – это часть «константиновской» истории. Это же относилось и к допетровской истории Руси. Описывая суть религиозной идеи самодержавия, Бердяев отделял самодержавие от абсолютизма – в отличие от абсолютизма оно ограничено не народом, а «Церковью и христианской правдой». Власть царя «есть служение не своей воле, а воле Божьей». В абсолютизме же монарх — это не слуга Церкви, поэтому в абсолютной монархии Церковь подчинена государству. Но идея самодержавия в истории всегда оставалась лишь утопией – «Прекрасная утопия, может быть лучшая из утопий!». А на деле самодержавие «всегда превращается, – по мнению Бердяева, – в абсолютизм»¹. Следовательно, обращение к монархической идее как таковой – и синодального, и более раннего периода истории России, является по Бердяеву проявлением старого сознания, сознания ушедшей «константиновской эпохи». Поэтому и общее для митрополита Антония и Бердяева критическое отношение к синодальному периоду, взгляд на него как на «порабощение» Церкви², также не влияли на характеристику иерарха.

Еще одно определение правого течения эмиграции по Бердяеву – обскурантизм. Это течение, по его словам, вело агрессивно-поступательную борьбу против «свободного знания и творческой умственной культуры»³. При этом идеологи этого явления – лично вполне умные и просвещенные люди. До революции иерархи-обскуранты, по словам Бердяева, притесняли «религиозную мысль», «Всегда гнали Хомякова, Бухарева, Вл. Соловьева, Несмелова. Сам митрополит Филарет был задавлен»⁴. Причислял ли Бердяев к подобным иерархам-гонителям Антония (Храповицкого)? Вероятно, да. Хотя он никак не был гонителем Хомякова и Несмелова, но для Бердяева был

¹ Бердяев Н.А. Царство Божие и царство кесаря. С. 44-45.

² Бердяев Н.А. Проблема христианского государства. С. 282.

³ Бердяев Н.А. Обскурантизм. С. 21.

⁴ Там же. С. 31.

носителем идеологии, запрещающей творчество. Интересно, что славянофильское мировоззрение Антония было общепризнанным, но славянофилы для Бердяева – европейцы в плане творческой самостоятельности¹, а антиевропеец Антоний – не славянофил. Он, очевидно, – носитель отсталого русского сознания². Личность Антония для Бердяева абсолютно не важна. Здесь, очевидно, личность также растворяется в течении, как это было уже в дореволюционной полемике и в эмиграции Бердяев не находит слов, чтобы как-то выделить эту личность. Уже после смерти владыки, говоря о подобных характеристиках митрополита Антония, архимандрит Киприан (Керн) писал: «Был ли Антоний обскурантом? Отнюдь нет! Утверждаю это со всей решительностью. Просто он был сын своего века. Он остановился в своем научном развитии в то время, когда богословская наука и в России, и на Западе начала проходить свой интереснейший этап. Митрополиту не хватало прежде всего нашей теперешней научной эрудиции, известной дрессировки научного сознания. Но он не отрицал науку, не запрещал искать»³.

Итак, монархизм, стремление к возврату прошлого и неприятие нового и в политике, и в Церкви – черты, которыми Бердяев наделяет карловацкую группу. Именно эти идеологические моменты для него были определяющими, а возможное стремление к обособлению Зарубежной Церкви уже вытекало оттуда. Фактически Бердяев воспроизводил по отношению к митрополиту Антонию постоянную схему, созданную еще в России, с определенным набором элементов и устойчивых клише. Анализируя взгляды монархистов, мы видим, что подобные обвинения были небеспочвенны. Вполне естественно, что для русских людей монархия была неразрывно связана с синодальным периодом и стремление вернуть монархию, у многих логически вело и к возвращению старого церковного порядка. К тому же если представители этого лагеря позволяли себе критические высказывания в адрес

¹ Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М. 1990. С. 54.

² Там же. С. 55.

³ Киприан (Керн). Указ. соч. С. 831.

действий Патриарха, при этом подчеркивая значимость фигуры митрополита Антония. По мысли Н.Д. Тальберга, отказ Патриарха от антибольшевистской линии в сентябре 1919 г. знаменовал расхождение церковно-политических путей «русского духовенства». Митрополит Антоний же был верен решениям Поместного Собора, и указ Патриарха исполнен не был. В то время как путь Патриархии – путь «уступок в отношении большевиков» – в итоге привел к договору с «сатанинской властью»¹. Другой видный монархист – бывший товарищ обер-прокурора – Н.Д. Жевахов, в своей книге критически отзывался о Поместном Соборе и выборах Патриарха². О «двойственности» действий Патриарха, его ошибках и невозможности им следовать заявлял и архиепископ Феофан (Быстров)³.

Уже после выхода «Декларации» митрополита Сергия, критика Патриарха и противопоставление его митрополиту Антонию, как официальная линия некоторых сторонников Архиерейского Синода исчезла. В эмиграции начались споры за верность «заветам Патриарха». Карловацкие деятели исходили из принципа повреждения церковной власти в России и апеллировали к патриаршему указу №362, в соответствии с которым, митрополит Антоний, как старейший архиерей за границей взял на себя «попечение об организации Высшей Церковной Власти»⁴. Доказывая право митрополита Антония на старшинство в эмиграции, Н.Е. Марков писал: «Старейший Митрополит в заграничной церковной области есть Митрополит Антоний. Он старейший по хиротонисанию во Епископа, старейший по должности Митрополита Киевского и Галицкого, он старейший как постоянный, первенствующий после Святейшего Патриарха член Священного Синода в Москве, наконец, он старейший как первый кандидат в Патриархи, получивший во время выборов Патриарх на Московском Церковном Соборе 1918 г. наибольшее число голосов из всех кандидатов. Поэтому все правила и

¹ Тальберг Н.Д. Церковный раскол. С. 3.

² Воспоминания товарища Обер-Прокурора... С. 725-738.

³ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1 Д. 263. Л. 224; Вениамин (Федченков), митр. Записки Епископа. СПб., 2002. С. 358.

⁴ Церковные ведомости. 1922. № 1. С. 3.

каноны, указывающие на права и обязанности старшего Митрополита в области, в Зарубежной Церкви надлежит относить Митрополиту Антонию и никому иному»¹.

Линия сторонников митрополита Евлогия исходила из следования позднему указу Патриарха о роспуске ВЦУ, поэтому митрополит Антоний был для них лишь «председателем Архиерейских Соборов и Синода», но никак не главой Зарубежной Церкви, «каковой вообще не существует в смысле особой церкви, в смысле канонической самостоятельной, самодовлеющей организации»². Один из критиков Антония, делая акцент именно на верности «заветам» Патриарха, писал, что для православной «паствы» важным моментом отношения ее к митрополиту Антонию, являются не канонические вопросы, в коих она не разбирается, не «политика» митрополита Антония, т.к. его антибольшевистские взгляды наоборот являются привлекательными, а неверие эмигрантов в верности Синода «тихоновской» церкви, и, как следствие, «отталкивание большинства зарубежной православной «паствы» от антониевцев»³.

Богатый материал, показывающий настроения русской эмиграции, дает частная переписка. Ее анализ показывает, что эмигранты, упоминавшие митрополита Антония, обращали внимание на следующие моменты. Оценивали его непосредственную роль в деятельности Архиерейского Синода и пытались оценить степень его влияния на Синод. Рассуждали о монархической группировке и ее влиянии на митрополита Антония. Одни не ставили знаков различия между митрополитом и Синодом. Они представляли единым целым, а их критики часто в таких случаях использовали обобщающие наименования: «Карловцы», «Синод», «карловацкие епископы». Другие выделяли действия иерарха, видя его особую позицию. Показательно, что часто его деятельность церковная в восприятии современников сливалась с

¹ Марков Н.Е. Правда о смуте церковной / Марков Н.Е. / Думские речи. Войны темных сил. М., 2011. С. 174-175.

² Каноническое положение Православной Русской Церкви... С. 48-49.

³ А.М.Д. Указ. соч. С. 34.

участием в монархическом движении. Здесь также роль митрополита оценивалась по-разному.

Студент Свято-Сергиевского института В. Рушанов в 1929 г., характеризуя настроения в эмиграции, писал о прихожанах Карловацкого Синода, что они «сплошь крайние монархисты, не идущие ни на какие компромиссы, а потому не пользующиеся никаким авторитетом и уважением среди широкой русской публики»¹.

Большинство современников признавали влияние монархической группы на Антония (Храповицкого). В.В. Зеньковский отмечал, что за каноническими расхождениями стояли политические группы, а «некоторые владыки не замечали или, быть может, даже не желая замечать этого, были игрушками в руках опытных антрепренеров всяких политических демонстраций». В то же время он говорил о чрезвычайных полномочиях, данных митрополиту Антонию, который мог единолично отвергнуть решение собора и даже просил епископа Иоанна (Поммера) повлиять на Антония в решении вопроса о назначении берлинским епископом Тихона (Лященко)².

Бывший депутат Государственной Думы В.А. Маклаков, по собственному признанию, не будучи особо сведущим в церковных вопросах, видел причину разделения Церкви в политике, к которой был склонен митрополит Антоний: «... говорят, он был замечательный иерарх, но я еще в довоенное время знал о его политической деятельности с Борисом Никольским, вот это мне не только противно, как политика, но когда я это вижу, я, может быть ошибочно, перестаю верить в искренность религиозных убеждений самого митрополита: если он был настоящим верующим человеком, то он этого делать бы не мог»³.

Репутация конкретных лиц из монархического лагеря также сказывалась на отношении к митрополиту Антонию. Вот как И.А. Ильин характеризовал некоторых из них в письме П.Б. Струве в 1923 г.: «Марков – человек умный,

¹ Русский мир и Латвия. Т. 2. С. 37.

² Там же. С. 34.

³ Чему свидетели мы были. Переписка бывших царских дипломатов 1934-1940 годов. М., 1998. Ч. 2. С. 113.

волевой и патриотичный. Но не образованный, прямолинейный и *очень*¹ властный. Ни у него, ни у Тальберга... нет ни духовной широты, ни *научно* воспитанной совести, ни чуткости, ни такта духовного. Помимо этого – Марков одержим (искренно, страстно, «тенеброзно») манией антисемитизма: в основе это у него мания *преследования*, с которой он не справляется или справляется редко и с трудом. Его политика есть осмысление и «оволение» этой антисемитской мании: всепобеждающий жидо-масонский кагал гонит Россию в бездну... Таков же и Тальберг»². Сотрудничество с имевшими подобную репутацию людьми, конечно не могло не сказаться на восприятии митрополита Антония.

Взирая на происходившее в Зарубежной Церкви со стороны, епископ Нишский Досифей (Васич) видел в церковной распри борьбу именно архиереев – Антония и Евлогия, «ибо так называемый Священный Синод архиереев русской заграничной Церкви и так называемый даже Св<ященный> Собор ничто иное как митрополит Антоний. Он может с правом сказать «Церковь Русская Заграничная «с'est moi»³. Иоанн (Шаховской) отмечал несоответствие реакции Архиерейского Синода и митрополита Антония, когда при личном общении, упоминая миссионерские поездки Иоанна, которые не нравились Синоду, он говорил: «Архиерейский Синод постановил сделать Вам внушение по поводу поездок Ваших... Но Вы будьте спокойны»⁴. Архиепископ Феофан (Быстров), в 1926 г. писал о бессмысленности участия в Соборе, т.к. решения его «исполняются постольку, поскольку они не противоречат «усмотрению» председателя»⁵. Феофан обвинял митрополита Антония в ряде самовольных действий, нарушающих соборные решения, в частности: признание польской автокефалии, признание «схизмы» Болгарской Церкви относительно Греческой», приятие РСХД и Богословского института

¹ Здесь и далее – курсив автора.

² И.А. Ильин: Pro et contra. Личность и творчество Ивана Ильина в воспоминаниях, документах и оценках русских мыслителей и исследователей. СПб., 2004. С. 221.

³ Русский мир и Латвия. Т. 2. С. 62.

⁴ Иоанн (Шаховской), иером. Почему я ушел из юрисдикции митрополита Антония. Париж, 1931. С. 7.

⁵ Вениамин (Федченков). Записки Епископа. С. 357.

и, наконец, продолжение общения с митрополитом Сергием¹.

Архиепископ Анастасий, рассуждая о возможности объявления митрополитом Антонием монархии в качестве церковного учения – «если же паче чаяния случилось бы что-нибудь подобное», – в тоже время был уверен, что личное мнение Антония не станет официальной позицией Зарубежной Церкви: «Опыт наших предыдущих собраний уже показал, что наш председатель подчинялся соборным решениям даже тогда, когда внутренне не был вполне согласен с ними»². В итоге слова архиепископа Анастасия подтвердились, и митрополит Антоний не высказывал это мнение официально.

Характерным качеством митрополита Антония, которое отмечали многие современники, была его непоследовательность. Недоумение вызывала кажущаяся его несерьезность в важных вопросах. «... я верил в искреннее и серьезное отношение к делу и к взятой на себя ответственности обоих иерархов, – писал В. Богданович, – пока не прочел к изумлению своему в одной из газет письмо м<итрополита> Антония к главе европейского объединения Христианской молодежи. В этом письме он называет весь раскол «глупой заварухой, не стоящей выеденного яйца». Что это значит? Зачем же тогда было и огород городить?..»³. Тот же Богданович, пытаясь понять суть «Декларации» митрополита Сергия, называет его человеком «духа Антониевского», имея в виду склонность к крайним шагам⁴.

Епископ Досифей отмечал, что митрополита Антония характеризуют как «нехорошего архипастыря, до крайности эгоистичного». Благожелательное отношение некоторых сербских архиереев к нему он объяснял добрыми чувствами, оставшимися в период нахождения их в России, «когда их митрополит Антоний благодетельствовал»⁵. Образ Антония

¹ Русская Зарубежная Церковь на стезях отступничества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://refdb.ru/look/1790957-pall.html> (дата обращения: 01.10.2019).

² Письма митр. Анастасия к Г.Н. Трубецкому. С. 236.

³ Русский мир и Латвия. Т. 1.

⁴ Там же.

⁵ Русский мир и Латвия. Т. 2. С. 26.

(Храповицкого) часто в дальнейшем будет возникать как подтверждение неразумной политики карловчан. «Болтливый, неустойчивый, поддающийся всяким – чаще дурным взглядам, всегда кем-либо управляемый, дешево политиканствующий», – такую характеристику митрополиту Антонию дал Г.И. Попов. Повторяя мысль епископа Вениамина (Федченкова) озвученную еще в 1922 г, Попов писал, что Патриарх Тихон, хорошо зная Антония, именно поэтому передал властные полномочия за рубежом митрополиту Евлогию¹.

Небольшая доля критиков пыталась выделить митрополита Антония из общей массы «карловчан». Авторы признавали несомненные прошлые заслуги Антония перед Церковью и, представляя митрополита в виде жертвы, разделяли искреннюю паству, пошедшую за митрополитом Антонием и политиканов, использующих авторитет иерарха в своих целях. «Воскресили тридцать лет тому преподнесенный студентами Казанской Духовной Академии адрес Митрополиту... чтобы польстить маститому старцу иерарху... и через это помешать ему даже мысленно сделать шаг вперед к примирению с Матерью-Церковью и задержать его в церковном расколе»², – отмечая влияние окружения на Антония, писал митрополит Елевферий (Богоявленский). По его мнению, падение государственной опеки над Церковью привело к разделению иерархии. Карловацкая группа последовала «за крупной личностью, вместе с нею отошла от Истины и ушиблась о виденный авторитет ее»³. Пытаясь объяснить нахождение Антония (Храповицкого) в стане монархистов, П. Иванов в статье «Сокровенный смысл современных церковных событий», выражая распространенные взгляды о новой Церкви, свободной от связи с государством, рассуждал о происходящей эволюции русских иерархов, которая началась с Патриарха Тихона, прошедшего путь от анафемы большевикам «до полного как бы примирения с ними»⁴. Смута зарубежная, по его словам, – необходимое испытание для

¹ Попов П.И. Карловацкая смута: К освящению раздоров заграничной русской иерархии Юрьев, 1927. С. 6.

² Елевферий (Богоявленский). Указ. соч. С. 289.

³ Там же. С. 202, 203.

⁴ Иванов П. Указ соч. С. 127.

иерархов и паствы. Митрополит Евлогий также пошел по этому пути очищения. Митрополит Антоний же, с его величием и властностью – камень преткновения. «Ему бы теперь хотелось всех любить, но мешает старое. Только по инерции он что-то еще возглавляет». Непоследовательность Антония в отношении Христианского союза молодежи автор объяснял двойственным его положением. «Сердце его непрестанно требует покончить все земное и зовет к любви», но прошлое мешает. Иванов находит трагедию в положении митрополита Антония. Он оправдывает владыку, подчеркивая те качества, которыми Антоний славился еще в России, среди множества учеников – доброта и любовь. При этом он фактически не видел в митрополите главы Архиерейского Синода. В делах, творящихся там, по его мнению, говорит отсутствие Божией любви, доказательством чего называет деятельность в Синоде архиепископа Феофана (Быстрова), который «является там первым верховодом»¹.

Более развернутый анализ личности Антония (Храповицкого) сделал М. Курдюмов в статье «Во власти искушения»². Упрекая современников в нежелании разбираться в особенностях отдельных личностей, автор отмечал, что критики митрополита Антония видели в нем лишь образ, созданный еще в 1905 г.: «правый и имеет близкое отношение к Союзу русского народа», и, исходя из этого проводили логическую линию его связи с Высшим Монархическим Советом³. Автор задавался вопросом, каким образом Антоний мог оказаться вместе с Марковым? Он оценивал яркую академическую деятельность Антония. Раскол в его душе произошел, по мнению автора, когда он был оторван от ученой деятельности и сделан администратором. «В богословской науке, в аудитории Академии, в библиотеке он у себя дома, но тут...»⁴. Вхождение Антония в политику автор объяснял наивностью владыки: «Его глубокое и тонкое мышление переходя из

¹ Там же. С. 130.

² М. Курдюмов. Указ соч. С. 93-105.

³ Там же. С. 94.

⁴ Там же. С. 95.

сферы религиозной в сферу «мирскую», притуплялось до примитива». Психологически автор объяснял деятельность Антония его темпераментностью, властностью, при которых изначальное стремление восстановить нормальное положение Церкви, привело к убеждению, что только он и может это сделать: «именно я один и «достигну», ибо всякий другой «не сумеет», сделает «все не так»»¹. Причину распространения смуты церковной М. Курдюмов видел в смуте, совершившейся в душе митрополита Антония. Неверие его в русское духовенство привело к попытке решать судьбу Русской Церкви в эмиграции. «Поспешно, растерянно, панически готов он нагромождать в основание Русской Церкви тот сыпучий песок партийной суеты и политической интриги, которая сгребается в груды мракобесными лжестроителями Марковского лагеря. Образ Патриарха Никона омрачается и отходит. Уже не «священство выше царства», а сначала царство потом священство»².

М. Курдюмов сравнивал жизненные пути митрополита Антония и Л.Н. Толстого, когда отказ от собственного призвания приводил к трагедии, уничтожению созданного ранее. Окружение Антония в эмиграции подобно толстовству: «ничтожные и мелкие люди решили для своих мелких целей использовать трагедию большого человека». Это окружение, не имевшее представления о глубине личности митрополита, называя его главой и истинным вождем Церкви, на деле ставило своей задачей «стеречь и направлять» все его шаги и в итоге заслонило его собой³.

Для сторонников митрополита Антония важны были, в первую очередь, его патриотические позиции, конкретнее – антибольшевистские. Н. Белогорский оценивавший деятельность владыки в эмиграции, сразу после его кончины отмечал, что главным его желанием в эмиграции было желание вернуться на Родину и сравнивал его с генералом Врангелем «ибо не с иерархами, не с богословами, не с философами приходится ставить на одну

¹ Там же. С. 96.

² Там же. С. 101.

³ Там же. С. 103-104.

доску ушедшего от нас Митрополита Антония – хоть и был он во всем этом один из первых, – а с героями, полководцами и вождями»¹. Для них он, в первую очередь, глава той линии Русской Церкви, которая выполняла постановление Поместного Собора, призывавшего вести борьбу с «сатанинской властью»². Поэтому задача его за границей – защита всей Русской Церкви³.

Для этого направления характерно признание политических действий Церкви в качестве нормы. Аполитичность, по их мнению, совершенно чуждое для русского духовенства явление, которое всегда было «сугубо политическим»⁴. А.В. Амфитеатров, один из идеологов Братства Русской Правды, который по собственному признанию не был карловчанином и антониевцем, заявлял, что становится на сторону Антония, когда тот благословляет братство: «За это митрополит Антоний подвергается шумным обвинениям: он де вопрос религиозный делает вопросом политическим и, таким образом, подчиняет Церковь политике или, по крайней мере, сопрягает их в неразрывную взаимозависимость. Обвинения эти все равно, справедливы они или нет, в данном случае, очень глупы вообще, по существу. Никогда не было, нет и не будет Церкви, которая не соединяла бы религиозного учения с политическим»⁵. То есть патриотическая позиция митрополита Антония хотя и не часто, но привлекала, на его сторону тех людей, которые не были сторонниками его церковных взглядов и деятельности Архиерейского Синода. Позиция Амфитеатрова представляла, таким образом, особое отношение к митрополиту Антонию, т.к. не будучи «антониевцем» он не наполнял эту форму церковно-политическим аспектом, занимающим основное положение в восприятии критиков митрополита. Для него «антониевщина», очевидно, включала в себя «византийско-монашеский» аспект с церковной стороны и монархический – с политической.

¹ Белогорский Н. Указ. соч. С. 7.

² Тальберг Н.Д. Церковный раскол. С.4.

³ Митрополит Антоний // Часовой. 1933. №101-102. С. 42.

⁴ Тальберг Н.Д. Церковный раскол. С. 6.

⁵ Цит. по: Косик В.И. Указ. соч. С. 42-43.

Н.Д. Тальберг подчеркивал важность именно политической, государственной деятельности Зарубежной Церкви: «Архиерейский Синод и его председатель митрополит Антоний всегда благословляли все патриотические начинания русских людей, ревновавших о несчастной Родине»¹. Зарубежная смута, по его мнению, была инспирирована большевиками для устранения митрополита Антония. Подобный подход к эмигрантской деятельности митрополита Антония объяснял и оправдывал его политические действия. Он представлял духовным борцом за свободу России. По мнению Белогорского, Антоний сражался «за крепость того строя мыслей и чувств, при котором нами признается лежащий на нас долг победить красное»². Противники же Антония в эмиграции, это те, кто примирился с поражением. Для сторонников ценен Антоний (Храповицкий) как православный воин, политик и патриот. Тот Антоний, которого узнала Россия в начале Первой русской революции, тот Антоний, который был нелюбим либералами. Неслучайно довольно часто в своих работах они вспоминали знаменитое «Слово о Страшном Суде» 1905 г., говоря о свершившемся пророчестве митрополита³. Поэтому вопросы канонические были для них не столь важны. Идеи митрополита Антония о христианском сопротивлении большевикам И.А. Ильин называл примером православного подхода своих идей, выраженных в работе «О сопротивлении злу силою». В Опыт «православного катехизиса» Антония, по словам Ильина, ясно изложено воззрение на войну как великое зло», участие в коем, однако, обязательно ради уклонения от еще большего зла»⁴. По признанию Ильина, митрополит Антоний считал его работу «подлинным и точным выражением православного воззрения»⁵. Религиозный аспект своих идей он считал необходимым «передать в авторитетные руки» и предполагал «вовлечь» в борьбу

¹ Тальберг Н.Д. Церковный раскол. С. 6.

² Белогорский Н. Указ. соч. С. 8.

³ Двуглавый орел. 1921. № 9. С.19-20; Письмо монархиста. С. 138

⁴ Ильин И.А. О сопротивлении злу силой / Ильин И.А. // Собрание сочинений: в 10 т. М., 1996. Т. 5. С. 186.

⁵ Там же. С. 524.

берлинского епископа Тихона и митрополита Антония¹. В письме П.Б. Струве Ильин сообщал, что некоторые места в писании, которые он обошел, необходимо толковать «пастырски», в связи с чем он и писал Антонию, надеясь на его поддержку в период обширной критики, которую получила его работа. З. Гиппиус отсылку Ильина к работам Антония воспринимала иронически – «Так вот где «правда!». Эта черточка отлично дополняет картину... И христианство открыто подменяется «православием», понимаемым как второй член уваровской триады»². Автор представляла митрополита Антония и монархистов единым – не церковным, но монархическим, целым: «идейные самодержцы берут своим главным орудием церковь... в этом забирании в руки православия, в делании из него служебного орудия – такое непонимающее неуважение к церкви, что ни о какой действительной религии и не приходится говорить». Антоний, по ее словам, это то, что преподносится «под именем православия и даже христианства»³.

И.А. Ильин, важность поддержки митрополита Антония объяснял в ответе критикам: «В понимании христианства я не одинок, и духовная поддержка таких иерархов, как митрополит Антоний, архиепископ Анастасий Иерусалимский и епископ Тихон Берлинский, дает мне уверенность в том, что я не изобрел никакой новой ереси»⁴. Эти слова вызвали насмешку очередного критика, по словам которого, такой «аргумент» лучше всего характеризовал идеи Ильина. Поддержку иерархов анонимный автор рассматривал как индульгенцию на оправдание насилия⁵. Ситуация вокруг работы Ильина была схожа с дореволюционной полемикой вокруг «Вех», когда само участие митрополита Антония в дискуссии и его положительная оценка работы, приводилась критиками в качестве важнейшего аргумента против нее. Вот как описывал настроения части эмиграции Д.В. Философов в 1927 г., когда

¹ И.А. Ильин: Pro et contra. С. 223.

² Там же. С. 611.

³ Там же. С. 613.

⁴ Там же. С. 655.

⁵ Там же. С. 657.

митрополит Евлогий признал «Декларацию» митрополита Сергия (Страгородского): «На глазах у всех совершается такой соблазн, такое предательство, что страшно становится. А в это время все наши «руководящие» эмигрантские газеты, точно спевшись твердят одно и то же: собственно, ничего особенного не случилось. Победил «наш» Евлогий такой интеллигентный и аполитичный. Посрамлен страшный черносотенец и антисемит митрополит Антоний, ну и Слава Богу... Ослепленные ненавистью к митрополиту Антонию, они не заметили как вкусили идоложертвенного и одобрили подписку о лояльности большевикам!...»¹.

Для подобных критиков митрополит Антоний стал существовать с 1905 г., он ассоциировался исключительно с опорой самодержавия и для некоторых был лишен даже права называться православным.

Важными для большей части эмиграции были не идеологические и канонические вопросы, оценить степень корректности которых у разных церковных групп не представлялось возможным, а сама необходимость сохранения и нормального функционирования Церкви за рубежом. Упомянутый уже студент В. Рушанов поначалу проникался пиететом к митрополиту Евлогию и организации церковной жизнью во Франции. Однако после ухода митрополита Евлогия из-под юрисдикции Московского Патриархата, Рушанов гораздо критичнее отзывался о церковной жизни и сетовал на отсутствие в эмиграции мудрого пастыря, который бы смог организовать церковный строй: «нет определенного... направления, а отсюда всякие искушения – Карловацкий раскол»². Он же, хотя и негативно относился к монархической позиции митрополита Антония, все же признавал ее более последовательной, а, следовательно, и более церковной³.

Показательны также мысли епископа Вениамина (Федченкова) высказанные им в дневниковой записи в сентябре 1927 г., т.е. уже после зарубежного церковного разделения и после выхода «Декларации»

¹ Тальберг Н.Д. К сорокалетию... С. 74.

² Русский мир и Латвия. Т. 2. С. 42.

³ Там же С. 43.

митрополита Сергия. «И хорошо делает и Митрополит Антоний, и Митрополит Евлогий, что не уходят от своих овец (как Митрополит Сергей от своих)... Заграничным архиереям нужно пожалеть своих овец... И ни за что не уходить от них, перенося «за» них и «с» ними все даже неканонические трудности и т. д... Но нужна еще и здесь – третья мысль, с направлением на будущее примирение»¹. То есть Вениамин подчеркивал важность сохранения паствы разными, несогласными друг с другом церковными группами, сохранения людей в Церкви и веру в будущее единство. Его слова особенно важны как слова серьезного оппонента и критика митрополита Антония.

Таким образом, в эмигрантском дискурсе церковно-общественное направление, с которым олицетворяли митрополита Антония критики, зачастую становилось сильнее собственно его личности. Течение подавляло личность. Борясь с первым, второго не замечали. Поэтому Антония наделяли часто качествами ему не свойственными, т.к. личных его черт для одних просто не было, для других было недостаточно, чтобы выделить его из течения. Причем возможные точки соприкосновения противоположными сторонами зачастую игнорировались. Например, вполне схожие с идеями парижской группы идеи митрополита Антония о возрождении русского общества на основах, прежде всего духовных, а не государственных, высказанные им в «Словаре к творениям Достоевского»: Очень было бы грустно лишиться Русского государства, но Русь была, росла и сияла даже тогда, когда не была государством, как за последние 450 лет рос и развивался гений греческий, как умножалась его вера, его патриотизм, его энергия под властью турок и других народов... Обратитесь... к священной истории избранного народа. Он бессовестно изменял своему призванию, пока процветал в государственном отношении, – все стремился уподобиться жизни окружавших его варваров. Но когда государственность его пала, храм и

¹ Вениамин (Федченков), митр. «Послужи народу...». Два сорокоуста. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Veniamin_Fedchenkov/dva-sorokousta/ (дата обращения: 01.10.2019).

столица подверглись разрушению, а самый народ – разорению и плену в стране переселения, тогда в нем воскресла внутренняя культура – религиозная и эстетическая, научная; он возвратился через 70 лет на родину, уже совершенно недоступный прежним соблазнам, и хотя не был самостоятельным государством, но был самым самостоятельным племенем во всем мире и остался таковым и поныне, хотя не имеет ни своей территории, ни иерархии, ни даже своего языка. Так и русское Православие, русское искусство, русская речь, русское сердце, русская открытость, самоотвержение и широта духа не угаснет под игом ни японцев, ни американцев, ни англичан, ни французов»¹.

Однако насущность идеологической борьбы, споры за первенство духовное и административное сводили на нет возможность принятия объединяющих идей. П.Б. Струве уже в 1935 г. отмечал общность религиозных идей митрополита Антония и авторов «Вех»: «...мы видим ясно, что у митрополита Антония, не как политика, а как духовной силы, и того течения русской мысли и русского духа, которая выразилась в «Вехах», действительно была одна и та же общая основоположная мысль: о первенстве Божьей Правды над всеми ценностями, силами, красотами и прелестями мира сего. Я просто гарантирую это»². Подобные слова, признающие масштаб личности митрополита Антония, из стана критиков были крайне редки. Тогда же в 1935 г., когда отмечалось пятидесятилетие пастырской деятельности владыки, А.В. Карташев в открытом письме Антонию написал: «Вы человек с душой огромного, почти сверхчеловеческого калибра. Дело не в талантах только ума и культуры, а в чрезвычайной широте и зоркости сердца, властно охватывающего людей, подобно тому как охватывает их родительская любовь, мать-природа, сила красоты или сила благодатная церковного богослужения. Нечто самоочевидное, бесспорно ценное, пред чем невольно замолкает и трепещет заурядное ничтожество. От В.В. Болотова веяло как бы

¹ Антоний (Храповицкий). Словарь к творениям... С. 438-439.

² Струве П.Б. Указ. соч. С. 331.

сверхчеловечностью интеллекта. От Вас идут волны таких же озарений сердца и совести... Я считаю, что не быть Вами очарованным, по крайней мере эстетически, если не духовно, могут только люди нецерковные и бездарные... Взирая на пламенеющий костер любви в Вашем широком святительском сердце, я не могу не лобызать его с дерзновением духовного сына, укрепляемого Вашим влекущим образом всецелой преданности Господу Иисусу Христу и Его Святой Церкви в плоти нашего русского Православия»¹.

Таким образом, характер оценок митрополита Антония в период его руководства Зарубежной Церковью определялся принадлежностью их авторов к разным церковным группам русской эмиграции. Церковные позиции при этом находились в тесной связи с позициями политическими и идеологическими. На стыке этих позиций вырабатывалась отношение к митрополиту Антонию. В основе лежало отношение к вариантам развития страны и Церкви. Существовали два основных направления общественной мысли русского зарубежья. Сторонники сильной самодержавной власти, воспринимавшие революцию как катастрофу, негативно относившиеся к вариантам либеральных преобразований во всех слоях жизни общества. Вопрос отношения государства и Церкви они решали в пользу их теснейшего союза. При этом существовали различные варианты – в виде схемы синодальной или же возвышения Церкви. В практическом плане в эмиграции они выступали за подчинение церковной диаспоры Архиерейскому Синоду.

На этой почве происходило столкновение с другим направлением, представители которого выступали за существование Церкви вне тесной связи с государством. Общим для противостоящих течений было осознание собственной значимости для развития эмиграции. Соответственно, различался вектор – сохранение старой системы, либо развитие по новому пути.

В образе Антония (Храповицкого) – две составляющие: он предстает политиком и церковным деятелем. Некоторые разделяли эти ипостаси, другие – и их большинство – и сторонники и противники, рассматривали эти стороны

¹ Цит. по: Киприан (Керн). Указ. соч. С. 832.

митрополита Антония как целое. При этом для критиков политика поглощала церковную сторону. Политическая составляющая деятельности признавалась всеми, но различалась ее интерпретация – одни декларировали ее недопустимость, другие заявляли эту составляющую естественным аспектом церковной жизни.

Вопрос связей с Церковью России, в оценках эмиграцией Антония (Храповицкого) и Зарубежной Церкви, был болезненным, но постепенно, с естественным ходом времени, отходил на второй план. Лишь небольшая по численности группа оставалась последовательными сторонниками единства и полного подчинения церковному руководству (И.А. Стратонов, митрополит Вениамин (Федченков)).

В среде сторонников митрополит Антоний представлял крупнейшим русским иерархом, главным восстановителем патриаршества, столпом духовной школы, патриотом и политиком. Противники олицетворяли его со старой системой церковно-государственных отношений, с разрушением которой его время безвозвратно ушло. Эмигрантскую публицистику 1920-х – 1930-х гг. пронизывал дух идеологической борьбы. Это было ее главной составляющей. В новых условиях повторялась историографическая ситуация дореволюционного периода, с характерной поляризацией мнений, постановкой во главу угла интересов собственной идейной группы. Систему ценностей самого митрополита Антония, в ее сколько-нибудь полном виде, никто из авторов анализировать не пытался.

Глава II. Митрополит Антоний (Храповицкий) в историографии русской эмиграции

2.1. Митрополит Антоний (Храповицкий) в контексте канонических аспектов организации и деятельности Зарубежной Церкви

Послевоенное время – период осмысления начального периода истории Русской Православной Церкви Заграницей. Потрясения, вызванные Второй мировой войной, серьезно повлияли на положение Русской Зарубежной Церкви. Архиерейский Синод вынужден был покинуть Сербию и к концу 1940-х гг. перебрался в США.

Меняется поколение – уходит большая часть активных участников процессов первой трети XX века, бывших современниками митрополита Антония. Появляется поколение эмиграции, уже не жившее в России.

Избрание Патриархов Сергия (Страгородского) и Алексия (Симанского) и в целом активизация деятельности Русской Православной Церкви в СССР, потеря РПЦЗ ряда приходов на Дальнем Востоке и в Европе, – все это заставляло представителей РПЦЗ вести полемику, обращаясь к историческим основаниям своего образования.

Подчинение русских приходов за границей Московской Патриархии было важной внешнеполитической задачей советского правительства. В отчете председателя Совета по делам Русской Православной Церкви правительству за 1946 г. один из пунктов назывался: «Мероприятия по объединению вокруг московской патриархии русских православных приходов за границей»¹. Находившиеся в юрисдикции Вселенской Патриархии русские приходы, возглавляемые митрополитом Евлогием, сначала большей частью перешли в ведение Московской Патриархии, а после его смерти в августе 1946 г. вернулись обратно². Священноначалие в Москве стремится добиться канонического подчинения от зарубежных епископов. В сентябре 1945 в

¹ Цит. по: Васильева О.Ю. Указ. соч. Приложение. С. 4-8.

² Там же. С. 34.

Журнале Московской Патриархии было опубликовано обращение Патриарха Алексия I «к архипастырям и клиру так называемой карловацкой ориентации». Перечисляя предыдущие акты священноначалия, касавшиеся Зарубежного Синода, Патриарх Алексей озвучил отступившим «от общения с Православной Русской Церковью» «последний призыв» к покаянию¹. «Молим Господа, да вразумит Он поставивших свой разум выше Разума Церкви и в гордыне своей пребывающих в упорном коснении и по Своему бесконечному милосердию да приведет заблудших в ограду Церкви Своей, которая есть единый ковчег спасения и единый путь к Небесному Царствию», – такими словами заканчивалось обращение Патриарха².

В ответе на послание Патриарха председатель Архиерейского Синода митрополит Анастасий (Грибановский) признавая, что положение Церкви в СССР несколько улучшилось, считал это улучшение незначительным, а главное, говорил о плате, которую за это должна платить Церковь – потеря внутренней независимости: «духовенство... обязывалось стать деятельным сотрудником и пропагандистом Советской власти. Соединив свою судьбу с правительством, которое не перестает заявлять себя безбожным, оно потеряло способность исповедывать истину»³. Представители РПЦЗ расценивали действия Московского Патриархата как стремление советской власти заставить их «замолчать» и «покориться»⁴.

Изменение церковного и политического контекста серьезно повлияло на историографическую ситуацию. Идеологическое противостояние с другими церковными юрисдикциями у представителей Зарубежной Церкви сохранялось, но приобрело иной характер. По мнению современников, началось обособление Зарубежной Церкви от иных юрисдикций и православного мира в целом. Причину этого видели в складывании в среде

¹ Обращение Патриарха Московского и Всея Руси Алексия к архипастырям и клиру так называемой карловацкой ориентации // Журнал московской Патриархии. 1945. № 9. С. 12.

² Там же. С. 12.

³ Цит. по: Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1939–1964 гг. Административное устройство и отношения с Церковью в Отечестве / А.А. Кострюков. – М. Изд-во ПСТГУ, 2015. С. 390.

⁴ Польский М. Указ. соч. С. 72.

Зарубежной Церкви крайнего курса, наиболее ярким выразителем которого, был протопресвитер Георгий (епископ Григорий) (Граббе). Влияние его «партии» началось в 1940-е гг. и наибольшую силу имело с середины 1960-х гг. По мнению критиков этого курса, епископ Григорий «... вместе со своей партией, фактически определял официальную точку зрения и руководил всеми действиями Синода. Их установкой была, главным образом, мнимая защита чистоты и каноничности мирового православия, крайние эсхатологические пророчества с утверждениями об уже родившемся Антихристе и близком конце мира... С каждым годом политика Граббе все глубже затягивала зарубежную юрисдикцию в скорлупу осуждения и изоляции от всех, кто не поддерживал ее линию»¹. Обособление Зарубежной Церкви и почитании ею себя в качестве единственного носителя канонической правды видели, в частности, в проводимых ею канонизациях, начавшихся после ухода на покой в 1964 г. председателя Синода митрополита Анастасия (Грибановского)².

Имя митрополита Антония как первого главы Зарубежной Церкви находит отражение в следующих комплексах источников: полемические работы, посвященные оценке канонических аспектов существования РПЦЗ и обзорные работы по ее истории; воспоминания участников и свидетелей становления Зарубежной Церкви; работы по истории Русской Церкви.

В среде противников РПЦЗ в послевоенное время наблюдались попытки более взвешенных оценок митрополита Антония, чем они были при его жизни. Потребность полемической борьбы именно с ним снизилась, митрополит Антоний остался в прошлом. Противостояние с представителями «партии» Граббе, как носителями крайних взглядов, заставляло, с одной стороны, находить противоречие их взглядам самого митрополита, с другой, в нем видели один из источников зарождения подобных крайних позиций. Уже в конце 1980-х гг. исследователи, публикуя письма митрополитов Антония и Анастасия, сравнивали их позиции и, находя позицию митрополита

¹ О судьбах «Зарубежной Церкви». С. 243.

² Мейендорф И. Указ. соч. С. 220.

Анастасия более умеренной, отмечали, что «крайние течения» Зарубежной Церкви формировалось под влиянием митрополита Антония¹. Исследователи, выделявшие митрополита Антония из общей массы деятелей РПЦЗ, отмечали несоответствие его церковных принципов и незрелости в этом плане окружения: «...четкая линия церковно-государственной мысли была заменена политиканством некрупных, разрозненных и политически беспочвенных людей, желавших использовать великий авторитет митр[ополита] Антония»². Это несоответствие касалось и канонических, и идеологических проблем, стоявших в эмиграции.

Апология РПЦЗ представляла собой сравнение путей Московского Патриархата и Зарубежной Церкви и характеристику первого как неканонического. Зарубежная Церковь представала в качестве единственной канонической власти Русской Православной Церкви³.

Одной из составляющих доказательства собственной канонической правоты сторонниками РПЦЗ была характеристика руководства церковной власти в Советском Союзе как диктатуры «первого епископа», восстания «против соборности Церкви»⁴. М. Польский подчеркивал, что Патриархия действовала единолично и ждала подобного от зарубежных епископов. Так, Патриарх «Алексий хотел иметь дело только с единоличными решениями митрополита Евлогия и Серафима» игнорируя решения епархиальных собраний⁵. Митрополит Антоний же в работах апологетов Зарубежной Церкви представал одним из элементов соборной власти. Подчеркивался коллективный характер решений Синода, что было еще одной особенностью позиции сторонников РПЦЗ.

Основополагающим фактором образования Русской Церкви за границей для ее апологетов было сохранение именно национальной Церкви вне России

¹ Там же. С. 225.

² Маевский В.А. Указ. соч. С. 133.

³ Андреев И.М. Указ. соч. С. 89-108; Георгий (Граббе). Правда о Русской Церкви...; Польский М. Указ. соч.

⁴ Польский М. Указ. соч. С. 77, 78.

⁵ Там же. С. 78.

и не вхождение ее в иные церковные юрисдикции. В этом подходе была еще одна особенность апологии РПЦЗ и, как следствие, подхода к роли митрополита Антония. Само отделение Зарубежной Церкви рассматривалось как явление необходимое и даже санкционированное Патриархом для сохранения свободной части Русской Церкви, чем в условиях нарушения канонических норм в России занимался митрополит Антоний, «блюдя независимость и чистоту Русской Православной Церкви»¹. По словам епископа Григория (Граббе), митрополит Антоний вывез за границу «факел каноничности и неповрежденности Веры»².

Протоиерей Михаил (Польский), аргументируя подход руководства Зарубежной Церкви к вопросу юрисдикции, приводил слова митрополита Антония, сказанные в 1927 г.: «ни Собор и ни Синод не связаны территорией; если бы случилось, что последнему нельзя будет осуществлять свои функции в Сербии, он переедет во Францию, Германию, Англию, Китай или в какое-либо другое государство. Точно также и Собор может собираться в любой стране»³.

Канонической основой существования РПЦЗ ее сторонники считали указ Патриарха № 362 от 20 ноября 1920 г. Следование ему и обособление от Церкви в России считалась именно исполнением «заветов Патриарха». Указ воспринимался как акт провидения – вероятность потери связи с Родиной части духовенства и паствы. Правда, апеллируя к этому указу, апологеты Зарубежной Церкви иногда явно расширяли его суть в хронологическом плане, говоря, что исполнение указа началось сразу после отъезда из России⁴: «И вот вдогонку уходящим в изгнание массам русских людей Святейший Патриарх Тихон, вместе со стоящим при нем Синодом, посылает воистину боговдохновенное каноническое распоряжение». И уже выполняя этот указ, митрополит Антоний «... обратился ко всем епископам Православной Русской

¹ Андреев И.М. Указ. соч. С.89, 90, 100.

² Григорий (Граббе), еп. Доклад Архиерейскому Синоду РПЦЗ / Григорий (Граббе) / Завет Святого Патриарха. М., 1996. С. 310.

³ Польский М. Указ. соч. С. 128.

⁴ Чернавин И. Указ. Соч. С. 5, 6.

Церкви, находящимся за пределами России, и объединяя их, создал Высшее церковное управление», сначала в Константинополе, а затем в Сербии¹.

Представители Зарубежной Церкви подчеркивали единство Патриарха и митрополита Антония и отсутствие претензий первого ко второму. Так, считая указ об упразднении ВЦУ изданным под давлением власти, а претензии к зарубежным иерархам необоснованными, в то же время отмечали, что указ не касался лично митрополита Антония, а его имя стояло там наряду с именами других архиереев. И даже те обвинения, которые были вызваны политическими актами Карловацкого Собора, «менее всего» должны прилагаться к Антонию, т.к. он лишь принял сторону большинства. «Таким образом считать, что указ 1922 года был направлен исключительно против личности владыки Антония было бы крайне несправедливо и не соответствовало бы действительности»², – писал архиепископ Никон (Рклицкий). Он также повторял популярный аргумент, согласно которому указ намеренно был составлен в таком виде, чтобы духовенство за границей смогло создать церковное управление, «... тем более, что указ был подписан членом Патриаршего Синода архиепископом Фаддеем – одним из вернейших и преданейших учеников владыки Антония»³. Церковный конфликт, по мнению архиепископа Никона, был неизбежен после указа Патриарха Тихона о недопущении участия Церкви в политической борьбе, т.к. «эмиграция ни в коем случае не могла отказаться от борьбы с большевиками, а духовенство должно было вдохновлять ее на эту борьбу»⁴.

Критики Зарубежной Церкви стояли на принципиально иных канонических позициях. Они видели в национальном принципе организации Церкви одну из главных проблем русского церковного зарубежья. Протоиерей Александр (Шмеман) видел особенность существования Церкви за границей в том, что все церковные нормы опирались на изначально ущербную позицию,

¹ Православная Русская Зарубежная Церковь. Монреаль, 196-? С. 7-9.

² Никон (Рклицкий). Жизнеописание... Т. VII. С. 15.

³ Там же. С. 16.

⁴ Никон (Рклицкий). Жизнеописание... Т. VI. С. 290.

бывшую последствием революционных потрясений. «Каноничность выводилась из Высшего Церковного Управления на юге России или из подобных, столь же временных и случайных прецедентов, и не принималось достаточно во внимание то, что налицо факт, перерастающий рамки обычной церковно-административной процедуры и требующий творческого усилия церковного сознания. Вот тут и сказалась со всей силой привычка церковную жизнь мыслить исключительно в государственно-национальных категориях, забвение того, что не они суть норма церковного устройства, а учение о Церкви, выраженное в догматах и канонах. Но в силу этой психологии считалось несомненным, что в параллель России и Русской Церкви — и русской эмиграции должна соответствовать своя Зарубежная Церковь, с церковной точки зрения противоречивое словосочетание, ибо, по меткому замечанию патриарха Мелетия Александрийского в письме к митрополиту Антонию, церковные правила знают только «рубежи» Церквей и ничего не знают о «зарубежных церквах». Иными словами, с самого начала не был поставлен по существу вопрос о каноническом смысле православного рассеяния и о его церковном устройении»¹. Идеологическую основу этих канонических позиций во взглядах Антония критики Зарубежной Церкви видели в восприятии им Церкви национально-государственным учреждением². Таковы были два противоположных подхода на одну из канонических составляющих образования и существования РПЦЗ. Как же представители эмиграции оценивали особенности восприятия митрополитом Антонием этого и иных канонических аспектов деятельности зарубежного духовенства?

Вспоминая обстоятельства организации Церковного Управления за границей, архиепископ Вениамин (Федченков) указывал, что митрополит Антоний сначала был категорическим противником этого, считая, что русскому духовенству необходимо войти в состав Поместных Православных

¹ Шмеман А., прот. Церковь и церковное устройство. Париж, 1949. С. 16, 17-18.

² Иоанн (Шаховской), архиеп. Установление единства. М., 2006. С. 145.

Церквей. Однако довольно быстро митрополита удалось переубедить. «Очевидно, каноны не очень удерживали его»¹, – замечал архиепископ Вениамин. Архимандрит Киприан (Керн) отмечавший великолепное знание Антонием канонов и твердое стремление руководствоваться ими, в то же время говорил о нарушении им территориального принципа в устройстве Церкви, когда сначала он отказался от проекта создания ВЦУ за границей, а затем возглавил это управление и распространил власть своего Синода на всю Европу².

Интересно, что архимандрит Киприан писал, как митрополит Антоний, во многом не соглашаясь с митрополитом Евлогием, «оценил» его уход из Московской Патриархии именно к Вселенскому Патриарху³. При этом следует отметить, что официально высказанная позиция к этой проблеме митрополита Антония как председателя Синода была отрицательной⁴, а протопресвитер Григорий (Граббе) говорил, что митрополит «решительно осудил» Евлогия за этот шаг, назвав его изменой Русской Церкви⁵. Возможно ли объяснить подобные противоречия в представлении мнения митрополита Антония? Тот же архимандрит Киприан отмечал церковную цельность Антония, его твердость в отстаивании канонов, однако в то же время признавал его непоследовательность. В стремлении Антония распространить власть Карловацкого Синода Киприан видел влияние «мрачного политического окружения»⁶. В целом он считал, что на деятельности Зарубежной Церкви очень сильно сказалось отношение митрополита Антония к церковно-каноническим вопросам. Зарубежную «провинциальную распрю», по словам Керна, Антоний рассматривал с исключительно серьезных, канонических позиций, привнося в эти споры атмосферу древних Соборов. Но в то же время он не был последователен. Архимандрит Киприан вспоминал,

¹ Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. С. 287.

² Киприан (Керн). Указ. соч. С. 814, 827.

³ Там же. С. 827.

⁴ Священный Собор Архиереев Русской Православной Церкви за-границей // Хлеб Небесный. 1931. № 11/12. С. 35; Тальберг Н.Д. К сорокалетию... С. 99.

⁵ Григорий (Граббе). Правда о Русской Церкви... С. 143.

⁶ Киприан (Керн). Указ. соч. С. 814.

как однажды в разговоре речь зашла о венчании, совершенном в Париже и на вопрос митрополиту – законно ли оно? – тот ответил – «Глупости. Конечно, венчан. Два старых дурака поссорились из-за выеденного яйца, а потом раздули». «В этом весь Антоний с его непоследовательностью», – заключил архимандрит Киприан¹.

Пытаясь объяснить неудачи Зарубежной Церкви, архимандрит Киприан отмечал диссонанс между каноническими убеждениями митрополита Антония и невоспитанностью в этом вопросе эмигрантской среды. «Сам по своему духу и воспитанию будучи живым носителем церковно-канонических принципов древности, он хотел подчинить этим принципам совершенно расцерковленное общество. Каноны и Соборы были просто не по росту и не по плечу русским людям, просыпавшимся после долгой синодальной спячки»².

Эти особенности личности Антония Храповицкого важно учитывать для понимания его роли в деятельности Зарубежной Церкви. Ее апологеты показывали Антония цельной фигурой, твердо знающей путь, по которому должна была двигаться церковная эмиграция. В то же время они не говорили о происходивших в его душе сомнениях. Показательным примером этого является описание сторонниками Зарубежной Церкви реакции митрополитов Евлогия и Антония на указ Патриарха упраздняющий ВЦУ. Говоря о первой реакции на указ митрополита Евлогия, высказавшегося против его исполнения, в то же время не упоминали слов митрополита Антония, который в письме Евлогию высказался за немедленное его исполнение³.

С.В. Троицкий в своей работе «О неправде Карловацкого раскола» отмечал замалчивание карловчанами статьи митрополита Антония «Не надо смущаться», в которой Антоний объяснял смысл и значение «покаянного» заявления Патриарха. По словам Троицкого, Антоний распорядился

¹ Киприан (Керн). Указ. соч. С. 816.

² Там же. С. 815.

³ См.: Григорий (Граббе). Русская Церковь перед лицом... С. 294-295.

распространить ее в виде листовок. «Но «злоумное» окружение приняло меры. В Сремские Карловцы спешно был вызван б[ывший] посланник царского правительства в Сербии, В.Н. Штрандман; он убедил слабохарактерного Митрополита отменить свое распоряжение: статья эта тщательно замалчивалась, и замалчивается карловчанами и теперь»¹. И Граббе и Польский в своих работах осуждали послание Патриарха, но про реакцию Антония ничего не говорили. Не ответил Граббе и на прямые упреки Троицкого о замалчивании статьи Антония. Подобный штрих характерен для работ представителей Зарубежной Церкви. С одной стороны, ничего принципиального они вроде бы не скрывали. Ведь и митрополит Антоний сам шел на осознанный шаг, соглашаясь не распространять статью. С другой стороны, как этот факт рассматривать? Как стремление сохранить и представлять единую линию, по которой шла Зарубежная Церковь с момента своего возникновения? Или же, как стремление не запятнать облик Антония (Храповицкого) – борца за свободную Церковь? Думается, что митрополит Антоний выступал здесь как одно из звеньев идеологической конструкции, в которой руководство Зарубежная Церковь представлялась цельным организмом, а фигура митрополита Антония была составляющей соборного управления.

Многочисленные работы епископа Григория (Граббе) часто являлись полемическим ответом на критику РПЦЗ. Непосредственной задачи раскрыть образ митрополита Антония (Храповицкого) Граббе не ставил. Чаще всего в его работах имела место связка: Митрополит Антоний – Архиерейский Синод. Эти два основания в основном выступали единым целым. Правда были и исключения. Так, рассказывая об обсуждении вопроса об устройстве Зарубежной Церкви на Соборе 1923 г., Граббе писал о произошедшем разделении мнений двух митрополитов – Евлогия и Антония. По словам Граббе, митрополит Евлогий желал распространения своих полномочий на всю Зарубежную Церковь, а митрополит Антоний выступал за объединение

¹ Троицкий С.В. О неправде карловацкого раскола. С. 20.

Церкви «в форме Митрополичьего Округа, части которого могут иметь ту или иную автономию. Иными словами, он имел в виду точное исполнение Постановления 7/20 ноября»¹. Интересно, что митрополит Антоний не выступал на Соборе с подобным мнением. Очевидно, епископ Григорий воспроизводил позднейшие впечатления, имевшие место в части зарубежной среды, согласно которым митрополит Антоний выступал хранителем целостности Русской Церкви за границей.

Если сторонники рассматривали Антония (Храповицкого) как хранителя канонических основ Русской Церкви и оставляли его вне зоны критики, то для его критиков была характерна другая крайность. Антоний для них – монархист, политикан и нарушитель канонов.

Д.В. Пospelовский продолжил линию критики РПЦЗ начатую И.А. Стратоновым. Он вслед за о. Александром (Шмеманом) говорил о нонсенсе понятия экстерриториальной Церкви. Отрицая какую-либо законность в организации Зарубежной Церкви, Пospelовский считал, что Антоний «под влиянием великодержавных «имперских амбиций»... замахнулся на чужую территорию, пренебрегая своей богословской совестью»². Только большой личный авторитет митрополита привел к тому, что ВЦУ самовольно покинуло Константинополь и переехало в Сербию. Признание иерархами Синода, по мнению Пospelовского, также было основано на их «личном уважении к митрополиту Антонию, а не на каких-либо канонах»³. Здесь следует отметить, что Пospelовский явно не брал в расчет уникальность сложившейся ситуации в эмиграции. Он не сообщал о действительном желании зарубежного духовенства иметь единую церковную организацию. Влияние митрополита Антония на признание Синода, безусловно, было велико, однако отрицать наличие каких бы то ни было канонических условий, вряд ли можно. Епископы искали и находили подтверждение легитимности зарубежной

¹ Григорий (Граббе), еп. К истории русских церковных разделений... С. 153.

² Пospelовский Д.В. Русская Православная Церковь... С. 132.

³ Там же. С. 133.

организации.

Д.В. Поспеловский, таким образом, отводил митрополиту Антонию основную роль в деятельности Зарубежной Церкви. По его словам, Карловацкий Собор 1921 г. был организован монархистами с одобрения Антония, что автор объяснял монархическими взглядами самого митрополита: «... тоска по прошлому и неприятие настоящего привели к тому, что в 1921 г. на Соборе в Карловцах политические эмоции одержали верх над церковным сознанием»¹.

Непосредственный участник организации Зарубежной Церкви митрополит Вениамин (Федченков) называл канонический пункт одним «из самых печальных в деле раскола»². «Говоря по совести и справедливо, по существу, в расколе не руководствовались канонами, а играли ими, как кому хотелось или как это было выгодно; а если и играть было невыгодно, то просто пренебрегали ими и выбрасывали их, как ненужную ветошь... Каждый считаете лишь с собственными чувствами и мнениями, а потом по вкусу своему притягивает иногда нужные ему каноны». Митрополит Вениамин находил противоречие в действиях митрополита Антония, который с одной стороны, прибегал к каноническим «методам борьбы», с другой заявлял, что канонами разрешить насущные проблемы невозможно. Он приводил в пример «Окружное послание», в котором митрополит Антоний говорил об «особых правилах управления» в случае разделения народа как церковного тела: «...даже канонист митр. Антоний сходит с пути канонов на «особые правила», вместо того чтобы, прежде всего, опираться на церковные каноны как фундамент церковной жизни»³. В пути Зарубежной Церкви митрополит Вениамин выделял самый первый период, когда она шла, по его словам, «всегда в неразрывном духовном союзе» с родной Церковью. Однако этот период закончился в 1922 г. с упразднением ВЦУ. Тогда, по мнению

¹ Там же. С. 133.

² Вениамин (Федченков). Раскол или единство? С. 40.

³ Там же. С. 41.

Вениамина, карловчане прибегли к уловке и воспользовались указом № 362, хотя до этого – на Карловацком Соборе 1921 г. «... мы на него даже не ссылались», – писал он¹. Заметим, что ссылаться тогда на этот указ за рубежом и не могли, т.к. о нем стало известно лишь в начале 1922 г. Естественно, что по-другому интерпретировали представители Зарубежной Церкви и обстоятельства принятия указа – им стали руководствоваться, когда сложилась ситуация, требующая его исполнения.

Правда, критикуя митрополита Антония за «особые правила» церковной жизни, Вениамин все же был не совсем последователен. Он признавал каноническую правоту Антония в его первоначальном желании не организовывать Церковного Управления за границей, когда сам он имел противоположное мнение. Т.е. в то время митрополит Вениамин сам выступал за «особые правила», о чем и было сказано в Материалах Подготовительной Комиссии в Константинополе. Волновало его в первую очередь не следование канонам, а единство с Церковью в России. Поэтому и недовольство карловацкими епископами и митрополитом Антонием происходило из-за попыток последних обособиться от центральной власти. Карловацкие архиереи для него – «революционеры только справа», а во главе них – митрополит Антоний делающий «бунтарские, неканонические предложения», при этом всегда ссылаясь на каноны, хорошо зная их, но «когда ему хотелось, он руководил не ими, а собственными рассуждениями»².

Митрополит Вениамин говорил об ощущении себя зарубежным духовенством избранным, хранящей «свет» православия и здесь же находил лицемерие карловчан, которые еще при жизни Патриарха Тихона предлагали не принимать его указов, а потом объявили его исповедником. Антоний, по мнению митрополита Вениамина, лицемерно воспользовался указом № 362, выгодным ему и, оправдывая это, стал говорить о глубоком смысле указа и прозорливости Патриарха. Причину разрыва с Церковью в России он видел в

¹ Там же. С. 54.

² Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. С. 287, 345.

личных амбициях трех иерархов – Антония, Евлогия и Платона. Каждый на своем месте считал свое мнение главнейшим и не признавал силы «совещания епископов». Антоний же, по его словам, «считал свое мнение почти непогрешимым»¹. Заграничные церковные течения, по его словам, были «личносамочинные». «Та верность патриарху, о которой было торжественно заявлено на Карловацком Соборе, испарилась мгновенно при первом же столкновении двух волей – эмигрантской и российской»².

Авторы, не ставившие задачи подробного освещения канонических вопросов, хотя и вскользь упоминали их, но при обосновании правомочности решений Архиерейского Синода, зачастую аргументировали ее авторитетом митрополита Антония. Так, М. Родзянко писал: «Прежде всего, мы обязаны считаться с мнением и взглядами таких богословов как митрополита Антония, доктора богословия, церковного писателя, воспитателя многих поколений, школы монашеских обетов, известного всей Вселенской Церкви»³.

Таким образом, для сторонников Зарубежной Церкви было характерно выделение ее в качестве единственного носителя канонической власти. Они подчеркивали соборный характер решений Архиерейского Синода, митрополит Антоний при этом представлял защитником канонов. Важной составляющей канонической апологии Зарубежной Церкви было представление единства взглядов Патриарха Тихона и митрополита Антония.

Критики Зарубежной Церкви в первую очередь считали, что внешняя апелляция к канонам лишь прикрывала реальные политические устремления. Во многом причину этого видели и во взглядах самого митрополита Антония устремленных в политическое прошлое и его амбициях.

¹ Вениамин (Федченков). Раскол или единство? С. 34, 57.

² Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. С. 345.

³ Родзянко М. Правда о Зарубежной Церкви. б.м., 1954. С. 36.

2.2. Митрополит Антоний (Храповицкий) в свете идеологической полемики русской историографии в эмиграции

Вопросы идеологические при рассмотрении истории РПЦЗ занимали важное, зачастую большее место, чем канонические проблемы. Одно из направлений идеологических оценок митрополита Антония проходило в контексте рассмотрения стремлений разных церковных групп получить первенство в эмиграции. Как продолжение борьбы истинного православия во главе с митрополитом Антонием с интеллигенцией, зараженной «либеральными учениями», рассматривали раскол в эмиграции представители Зарубежной Церкви¹. Истоки его они вели из Религиозно-философского общества начала века. Затем образовалась Вольная академия духовной культуры, члены которой спокойно прожили в Советской России до 1922 г., а затем были высланы. В Париже ими был образован Богословский институт. На требование Архиерейского Синода предоставить программу учебного заведения, представители института не ответили. «Столкнулась опять церковно-либеральная» интеллигенция с митрополитом Антонием», – заключал М. Родзянко².

Архиепископ Никон (Рклицкий) писал, что мнение Архиерейского Синода и митрополита Антония для большей части русских людей оказалось недоступно, из-за антикарловацкой позиции влиятельных кругов эмиграции. «Все еще неотрезвевшая от революционных идей русская общественность поняла, что для нее представили удобный случай нанести сокрушительный удар по главному идеологу национальной и патриотической России – владыке Антонию, и она нанесла этот удар, лицемерно призывая русскую эмиграцию следовать за исповедником патриархом Тихоном, представляемом за границей митрополитом Евлогием и противопоставляя ему митрополита Антония, как

¹ Родзянко М. Указ. соч. С. 2-10; Тальберг Н.Д. К сорокалетию... С. 9-28.

² Родзянко М. Указ. соч. С. 10.

якобы нарушителя Патриарших заветов»¹.

Протоиерей Михаил (Польский) отмечал, какое на его взгляд отношение было у «интеллигентов» к духовенству: «При большой снисходительности к церковному невежеству последних и в позиции борьбы с другими духовными лицами, лицо в священном сане может им понравиться и прослыть человеком высокой общей культуры, что для них превыше всего. Людей церковных построже они заклеивают всем своим ругательным лексиконом. «Будь хоть семи пядей во лбу» прослывешь мракобесом, черносотенцем, ретроградом... И какое им дело до того, кто такой в Церкви, например, м[итрополит] Антоний, этот великий богослов и церковный писатель, администратор, широчайшего ума и сердца человек, и мудрец, воспитатель поколений, сам – школа монашеских обетов, нестяжания, целомудрия, послушания, поста и молитвы. Слава будет принадлежать людям «высокой культуры», и м[итрополит] Евлогий занял, к сожалению, выгодную позицию в этой среде»².

Критик митрополита Антония профессор Н.М. Зернов отмечал, что различные направления церковной мысли ко времени Карловацкого Собора, еще не были «отчетливо осознаны». И результат Собора в виде победы монархического движения не был показателен. «Она была достигнута на Соборе при явном попустительстве митрополита Антония, пригласившего на Собор видных членов Высшего монархического совета»³. Победе монархистов способствовала их сплоченность и четкая программа. «Поэтому удивительно, – писал Зернов, – не то, что победили монархисты, а то каким трудом досталась им эта победа»⁴. Помимо противостояния с условными либералами, монархисты, по словам Зернова, в качестве конкурентов видели генерала Врангеля. Зернов обращал внимание на тогдашнюю позицию епископа Вениамина (Федченкова), который был главой военного духовенства в армии Врангеля, в эмиграции продолжал эту роль «духовного вдохновителя

¹ Никон (Рклицкий). Жизнеописание... Т. VII. С. 127.

² Польский М. Указ. соч. С. 154.

³ Зернов Н.М. Указ. соч. С. 125.

⁴ Там же. С. 125.

Белого движения», видя во Врангеле и в армии спасение России. В свою очередь, к этой позиции епископа Вениамина и его сторонников с подозрением относились монархисты и митрополит Антоний, опасаясь развития бонапартизма. Отметим этот интересный факт, который показывает некоторые нюансы борьбы разных групп эмиграции – стремясь не допустить возвышения противников, монархисты действовали максимально быстро и настойчиво. Митрополит Вениамин в своих воспоминаниях действительно писал о высказываемых ему митрополитом Антонием опасениях относительно возможного бонапартизма генерала Врангеля. Правые, по его словам, не любили Врангеля за широту его воззрений¹.

Сам митрополит Вениамин считал, что церковные дела во многом определялись общим настроением эмиграции, которая в этот период была правой. Во время Карловацкого Собора левые и умеренные в основном были равнодушны к церковным проблемам, поэтому своих делегатов не привели. Умеренные архиереи поддались давлению правого большинства. «А такой вождь как митрополит Антоний, и сам был единоклубен с ними»². Влияла на церковное положение, по его мнению, и политическая ситуация в мире. Правая антисоветская карловацкая политика отвечала интересам японского, немецкого, американского правительств. «Сейчас за границей время Антония, – говорил он митрополиту Евлогию в 1922 г., – потом будет ваше, а после наступит мое!»³. Этим общим настроением он объяснял отказ митрополита Антония от своего первоначального намерения исполнить указ Патриарха о роспуске ВЦУ⁴.

Как и канонические оценки, большая часть идеологических характеристик Антония (Храповицкого) складывались в контексте проблемы отношений Церкви и государства. Основное внимание при этом было уделено дореволюционному периоду деятельности митрополита Антония. Понятно,

¹ Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. С. 340, 353.

² Там же. С. 338.

³ Там же. С. 343-345.

⁴ Там же. С. 344.

что в том времени видели истоки деятельности митрополита Антония уже в эмиграции. Но более важная причина обращения к дореволюционному времени видится в отмеченном ранее положении, при котором митрополит Антоний воспринимался фигурой прошлого. Его отказ принять революцию, – признать сам факт колоссальных изменений, постигших Россию, идея национальной Церкви, воспринимавшаяся как возвращение к Церкви дореволюционной, заставляла обращаться к критике этого периода деятельности митрополита Антония.

Характеризуя митрополита Антония, критики видели его представителем церковного направления, выступавшего за тесный союз Церкви и государства. Историк И.К. Смолич в своем труде по истории Церкви в 1700 – 1917 гг., анализируя развитие церковной мысли, видел начало этого направления в движении иосифлян. По словам И.К. Смолича, Антоний от Иосифа Волоцкого «перенял идею сотрудничества Церкви и государства». В этом и многом другом, И.К. Смолич находил единство митрополита Антония и К.П. Победоносцева. Так, Антоний приветствовал проводимую обер-прокурором политику подчинения «иерархии и духовенства», видя в ней «период подготовки к восстановлению патриаршества и «русского клерикализма». Совпадали их методы управления Церковью – жесткий, централизованный подход. Не мешал Антонию, по мнению Смолича, и «дух национального православия» принесенный Победоносцевым¹. По поводу последнего замечания интересно отметить следующее. Еще в известном «веховском» письме Н.А. Бердяеву, Антоний затрагивал тему «национального православия». Он говорил о двух типичных формах русского патриотизма. Первая была характерна для Достоевского и славянофилов, которые любили высоконравственное «содержание русской жизни», т.е. любили «национальное» за его православную сущность. Вторая была свойственна Каткову и Победоносцеву, которые любили «все русское, но потому именно, что это наше, свое; они во всех суждениях оттеняли народное мирское начало

¹ Смолич И. К. Указ. соч. С. 232-233.

и ставили его, как критерий своей оценки»¹. Т.е. православие было для них вторично, а важен момент национальный. Понятно, что себя Антоний причислял к первой группе. Особые черты русского патриотизма и отношения к национальному вопросу митрополит Антоний объяснял на примере Патриарха Никона, который, по его словам, был патриотом и космополитом одновременно. «... по телу я русский, а по душе грек», – говорил Патриарх. Грек – в смысле православный христианин, отрешенный от национализма, – объяснял Антоний. Патриарх Никон соединял в себе «... сочувствие ко всем православным народам и одушевленную любовь к русской Родине... »². В целом, в оценке Смолича представлен взгляд на Антония (Храповицкого) как на стяжателя патриаршей власти – идеолога русского «папизма». Смолич в данном случае выражал взгляд той линии, которая в стремлении реформы Церкви видела смену властной верхушки – на место обер-прокурора вставал Патриарх, результатом же этого становилось развитие «русского клерикализма»³.

Распространенным тезисом эмигрантской историографии было проведение параллели между Зарубежной Церковью и Московской Патриархией и прямое сравнение действий митрополитов Сергия и Антония. По мысли Н.М. Зернова, и группа приверженцев митрополита Антония, и руководство Русской Церкви в Советском Союзе – наследники иосифлян, не мыслившие существования Церкви вне тесного союза с государством⁴. По словам архиепископа Иоанна (Шаховского), митрополит Сергей «хотел быть лояльным к реальному кесарю России», а Антоний «оказывал лояльность кесарю воображаемому – императору Кириллу»⁵. По его мнению, в эмиграции иерархи не готовы были отказаться видеть в Церкви «национально-государственное учреждение» и считали себя хранителями старой России⁶.

¹ Архиепископ Антоний (Храповицкий). Ответное письмо Н. Бердяеву о «Вехах». С. 557-558.

² Никон (Рклицкий). Жизнеописание... Т. IX. С. 103.

³ Смолич И.К. Указ. соч. С. 232.

⁴ Зернов. Указ. соч. С. 120-122.

⁵ Иоанн (Шаховской). Установление единства. С. 144.

⁶ Там же. С. 144.

В.В. Зеньковский, сравнивая митрополитов Антония и Сергия, пошел дальше. На его взгляд, митрополит Антоний останься он в России, «в смысле уступок большевикам и даже всего, что ныне делает митр[ополит] Сергий... мог бы пойти даже дальше и смелее»¹.

Н.А. Струве назвал тенденцию возглавляемой митрополитом Антонием части эмиграции «Синдромом Лотовой жены». Отказ от настоящей реальности, привел к восприятию как реальности лишь прошлого и даже больше – к апокалипсическим настроениям и отказу от истории как таковой. В церковном плане это проявилось «сужением понятия самой Церкви только до России, к тому же до России прошлого. Церковь воспринималась не как благая весть о спасении мира, а как последний уголок отечества. Никакой перспективы на будущее, никакого взгляда вперед»². Соглашаясь с наличием отмеченной Н.А. Струве тенденции, необходимо выделить следующие, примечательные для настоящей работы слова автора: «В этом взгляде назад был отказ от суда истории как раз над монархией, во всяком случае, над определенной династией, от суда над в свое время слишком большим подчинением церкви и церковных органов государству»³.

Налицо – продолжение линии отождествления митрополита Антония с синодальной системой⁴. Повторяется имевшее уже место до революции желание прикрепить имя митрополита Антония к имени Победоносцева, когда также, основным аргументом служит письмо Антония бывшему обер-прокурору с признанием его заслуг в области просвещения. Письмо, написанное во многом как реакция на «наглые выходки газет»⁵, стремление защитит от огульной критики, выделив действительно положительные стороны деятельности обер-прокурора. Рассматривая определенный набор взглядов митрополита, схожий с взглядами Победоносцева, иные воззрения Антония о национализме и православии авторы не рассматривали.

¹ Зеньковский В.В. Пять месяцев у власти. С. 211-212.

² Струве Н.А. Духовный опыт русской эмиграции // Струве Н.А. Православие и культура. М., 2000. С. 294-316.

³ Там же. С. 296.

⁴ См.: Гл. 1.2.

⁵ Митрополит Антоний (Храповицкий): Избранные труды, письма, материалы. С. 629.

Наблюдается стремление, будто бы разорвать всякую связь митрополита Антония с иным, не синодальным вариантом развития Русской Церкви.

Согласно концепции Н.М. Зернова, привычка иерархов быть в тесном союзе с государством, приводила к тому, что сами они становились заложниками этой привычки. Неумение самостоятельно решать административные вопросы привело к подчинению их в эмиграции монархистам. «Старые сломленные революционной бурей, иерархи, нашедшие свое пристанище в отдаленных сербских монастырях, хотели управлять Церковью в Европе, Америке, Манчжурии и Китае, но для этого им не хватало ни опыта, ни знания. Они оказались пленниками собственных предрассудков и политических интриг лиц, желавших использовать Церковь для своих целей»¹. Следует отметить, что сравнение митрополита Антония с К.П. Победоносцевым происходило и в среде сторонников иерарха. В частности, подчеркивалось их единство в деле противостояния сошедшей с «национального пути» интеллигенции. Они шли каждый своим путем, но были в главном едины – преданны «Церкви, Царю и России»².

Помимо отмеченной уже тенденции особенности восприятия церковного прошлого, еще одной причиной специфических взглядов на мировоззрение митрополита Антония, является смешивание его гражданских и церковных взглядов. В целом, данное обстоятельство понятно, когда образ Антония (Храповицкого) складывался во многом посредством ярких гражданских проявлений – консерватизма, монархизма.

Важно отметить и то, что обращение самого митрополита Антония к вопросам церковно-государственных отношений проходило в двух плоскостях. С одной стороны, конструкт Церкви и общества, сквозь призму его славянофильских воззрений, представал в образе Святой Руси – духовной общности русского православного народа. И критика синодальной системы в этой связи, занимала важнейшее место во взглядах Антония. С другой

¹ Зернов Н.М. Указ. соч. С. 155.

² Мержеевский В. Блаженнейший митрополит Антоний и Константин Победоносцев // Владимирский вестник. 1957. № 57. С. 1-2.

стороны, у митрополита Антония наблюдали стремление вернуться к прежней жизни, призыв к отказу от признания революции. И, что очень важно, подобное стремление наблюдали как тенденцию Зарубежной Церкви с характерными крайними чертами, о которых говорилось выше. Так как критики исходили от обратного – принятия факта революции и осознания наступления нового времени, то призыв к возвращению старого, заставлял их обращаться к критике того времени. Таким образом, критиковали, главным образом, это насущное стремление. Особенностью же восприятия недавнего церковного прошлого было то, что весь негатив синодальной системы воспринимался как единое целое и затмевал собой отдельные черты церковно-общественного бытия, шедшие с ним вразрез. Поэтому обращение митрополита Антония к прошлому, воспринималось как обращение к самым негативным сторонам этого прошлого в его цельном образе. Поэтому часто для критиков митрополит Антоний выступал олицетворением синодального периода и ставился в один ряд с К.П. Победоносцевым.

Разнился и подход исследователей к этому вопросу. Одни определяли «политику» Антония как вмешательство Церкви в чуждую ей сферу. Они не разделяли сам принцип тесной связи Церкви с государством. Другие оценивали политическую деятельность как естественную часть религиозных взглядов митрополита. Частью этой проблемы был вопрос отношения к монархии, где также одна часть авторов видела чистую политику, другая, оценивала антониевскую идею монархию в контексте его церковных взглядов.

Много критиковавший митрополита Антония митрополит Вениамин (Федченков) признавал, что Антоний «прежде всего – религиозный мыслитель». Поэтому вопросы политические в его сознании были тесно связаны с религиозными основаниями. Большевики в его понимании – «враги Божии», поэтому невозможно никакое взаимодействие с ними. Следовательно, для него невозможно было находиться на одной стороне с митрополитом Сергием, пошедшим на такое взаимодействие и потребовавшего лояльности к ним. Сходные аргументы заставили Антония

расколоть саму Зарубежную Церковь, т.к. деятельность митрополитов Евлогия и Платона он рассматривал как прислуживание разным политическим силам. По словам митрополита Вениамина, Антоний «глубоко, сердито и даже вульгарно, но искренно возмущался, когда его винили в «политике»¹.

Архимандрит Киприан (Керн) также всю «политику» Антония определял его «приматом церковности». Причем он говорил о вере Антония в православного царя как догмате, т.к. только он являлся «носителем священной, абсолютной, перед Единым Богом ответственной власти»². Идея царя была идеей не политической, но религиозно оправданной.

Сторонники Зарубежной Церкви, напротив, оправдываясь от обвинений в догматизировании монархии, отрицали это, как и вообще абсолютизацию какой-либо формы правления у митрополита Антония. Преимущество монархии, по их словам, Антоний видел исходя из соображений моральных и практических. «Монархия не по вымыслу, а по исторической правде, лучше других форм правления охраняет духовную сторону человеческой жизни»³.

Вопрос догматического характера монархии был одним из давних пунктов претензий к митрополиту Антонию. Г. Федотов еще в 1934 г. писал, что для Антония «царство есть вечная религиозная категория, подобная священству»⁴. Уже в конце 1980-х гг. исследователи, публикуя письма митрополитов Антония и Анастасия, отмечали разницу отношения двух иерархов к вопросу монархии. Анастасий не допускал догматизации «от имени Церкви» той или иной формы правления⁵, при этом считал, что митрополит Антоний «при всех своих симпатиях к монархизму» до этого «едва ли дойдет». «Во всяком случае, он не решится утверждать это как учение Церкви...»⁶. «Увы, – отметил публикатор, – именно такое утверждение митрополит Антоний и высказывает»⁷. Митрополит Антоний в письме

¹ Вениамин (Федченков). Раскол или единство? С. 31-32.

² Киприан (Керн). Указ. соч. С. 824.

³ Завалишин Б. Указ. соч. С. 22.

⁴ Федотов Г. Основы христианской демократии. С. 5.

⁵ Мейендорф И., прот. Указ. соч. С. 240.

⁶ Письма митр. Анастасия к Г.Н. Трубецкому. С. 236.

⁷ Там же. С. 240.

повторял высказанное им на Карловацком Соборе мнение о том, что «...призыв к восстановлению династии есть не политика, а церковность, ибо всякий другой проект устройства государства будет противоцерковный, как и политика Временного Правительства 1917 г., с ярко враждебным отношением к Церкви...»¹. Для публикатора важно было подчеркнуть различие в позициях двух иерархов и показать истоки крайнего течения Зарубежной Церкви, которые он видел во взглядах митрополита Антония.

На этом примере также прослеживается наличие двух различных принципов в подходах исследователей, как и разных плоскостей отношения самого митрополита Антония к этой проблеме. В упомянутом письме Антония читается уровень практический – отношение к монархии как к насущной, злободневной теме. Он говорил о конкретных примерах того, что видел в России после падения монархии: и в период Временного правительства, и при большевиках и поэтому делал вывод: «Всякий другой проект устройства государства будет противоцерковный»². Следовательно, выгода монархии для Церкви выглядела бесспорной. Поэтому представление о том, что Антоний высказывался в письме о монархии как церковном учении, не кажется очевидным.

Иной уровень понимания Антонием монархии наиболее полно выразил архимандрит Киприан (Керн). «Царь не был для него политической формулой, как для бюрократов, политиков или просто «союзников». Царь – это был догмат веры. Это была часть его вероисповедального символа. Он не царю как политическому принципу кланялся. Он мог очень резко сказать о царе... Царь и монархия для митрополита именно и не были вопросами политическими, а чисто религиозными. Он и не сопоставлял, и не мог сопоставлять монархию с другими обликами государственного устройства, потому что все остальное было политическое, государственно-правовое, а монархия почивала на библейской теократии, на священноначалии. Потому-

¹ Там же. С. 238.

² Там же. С. 238.

то и политика была ему чужда»¹.

Говоря о понимании митрополитом Антонием отношения русских людей к самодержавию, архиепископ Никон (Рклицкий) приводил следующие мысли митрополита: «Сочетание верховной власти и нравственного авторитета... – свойство чисто русской жизни, русского народа». Крещение Руси, по мнению Антония, происходило мирно и было результатом «сыновнего послушания своему любимому князю». И теперь, считал митрополит Антоний, «... весь русский народ точно также отозвался бы на царский призыв, как и киевляне 10-го века»². В особых отношениях царя и народа было своеобразие России. Русский народ видел в самодержце не просто правителя, но власть духовную, любил Отечество «как Русь Святую». «Не стало русского царя не стало и России... ея и не будет пока она не пожелает быть святою Русью с помазанником Божиим во главе и с православным первосвященником блюстителем его сердца»³.

В концепции «Святой Руси» для митрополита Антония важна ее первичная значимость по отношению к России как государственному организму. Это основа духовной жизни общества и фундамент построения государства. П.С. Лопухин приводил следующие слова архиерея: «Мало уничтожить Россию, нельзя уничтожить Русь. И если бы приходилось выбирать одно из двух, то лучше пусть погибнет Россия, но будет сохранена Русь»⁴. Для митрополита Антония смысл и сила российской государственности именно в Руси, т.к. иная основа просто сделает ее новым государством, не имеющим «ничего общего с Россией и русской историей»⁵.

Именно в помощи Церкви для поддержания высокого уровня веры в народе видел митрополит Антоний функцию монарха. Сохранение народного истинно православного духа, очевидно, важнейшая идея митрополита Антония. Идея союза монархии и Церкви для многих была парадоксальной,

¹ Киприан (Керн). Указ. соч. С. 824, 825.

² Никон (Рклицкий), архиеп. Жизнеописание... Т. IX. С. 23-25.

³ Там же. С. 221.

⁴ Лопухин П.С. Указ. соч. С. 11.

⁵ Там же. С. 11.

т.к. вела к примату светской власти. Получалось, что Антоний хотел сильного государства, чтобы защитить Церковь, сохранить православный народный дух, а не наоборот, укрепления этого духа как опоры государства. Основа духовная и практическое ее следствие в представлении его воззрений менялись местами. В.В. Зеньковский выразил это следующим образом: «...Церковь для митрополита Антония не семя обновления жизни в мире, в истории, а некий Ноев ковчег, со всех сторон окруженный бурными водами». Отсюда необходимость справляться с этими водами ложится на светскую власть. Она благословляется свыше для «обуздания природного хаоса». Дальнейший логический вывод Антония Зеньковский назвал «неверием в Церковь» – «Церковь нуждается для своего мирного и плодотворного развития в монархии». Но монархии в новой форме, в которой Церковь имела бы свободу и управлялась бы соборно во главе с Патриархом¹. Корень этой идеи Зеньковский видел в монашеском приоритете Антония. Только в монашестве видя возможность осуществления подлинного и чистого христианства, Антоний хоть и не презирал мира, но и не уважал его и в него не верил. По мнению Зеньковского, антониевская идея ухода Церкви от мира есть отказ от «спасительной задачи» Церкви: «если Церковь лишь уходя от мира может быть верной Христу, то этим она неизбежно отдает мир во власть Сатане». Уходя от жизни Церковь, теряет христианскую любовь «не может любовно и светло глядеть на мир, а полно презрения, злобы, отчуждения»². В этих взглядах Антония Зеньковский видел и выражение его политической позиции.

Нельзя не увидеть в этом непонимании и вину самого митрополита Антония. Его идеалистические представления противоречили конкретным высказываниям и последние не выглядели стабильными. По собственному признанию митрополита до революции он полагал, что освободившись от «царского попечения» Церковь сможет самостоятельно «поддерживать авторитет святой веры», однако время показало, что духовенство без помощи

¹ Зеньковский В.В. Пять месяцев у власти. С. 211.

² Там же. С. 212.

царской власти на это не способно¹. Естественно, причину этого владыка видел в последствиях синодального периода, но факт этого заявления налицо – монарх Церкви жизненно необходим, иначе она рискует стать сектой «добровольных мучеников среди огромной массы предателей, обманщиков, сребролюбцев, льстецов и клеветников. Конечно эта «секта» осталась бы святою, соборной и апостольскою Церковью, но три четверти людей отпали бы от нея»². По словам архиепископа Иоанна (Шаховского), необходимость в монархе митрополит Антоний объяснял заботой о Церкви. Отсутствие царя превратит Русскую Церковь в захудалую, подобную Коптской или Эфиопской³. Поэтому нельзя не признать, что претензии критиков были небезосновательны.

В целом оценка религиозного мировоззрения митрополита Антония почти всегда наталкивалась на противоречие его теоретических воззрений и практического их применения. Поэтому попытки представить первые в чистом виде были редки. Киприан (Керн) сделавший подобную попытку, по поводу возможных оценок митрополита Антония, писал: «...либералы будут ругать за второстепенное и совершенно случайное, что бывало у него, как и всякого человека, теневого. А правые и «почитатели» разведут такой елей и подхалимство, что и читать никто не станет, да и действительности соответствовать не будет»⁴. Запоздавший славянофил – так он характеризовал Антония – он не был левым или правым – «он был просто церковным»⁵. Выводы Керна – исключение из правил описания митрополита Антония. Он разделил Антония религиозного мыслителя, с его цельным мировоззрением и Антония, участвовавшего в политической деятельности.

Митрополит Антоний оставался верен идеалам давно ушедшим. Вера в возможность их возвращения – одна из главных трагедий митрополита. Повторяя слова Достоевского, которого он необычайно высоко ценил:

¹ Там же. С. 229-230.

² Там же. С. 230.

³ Иоанн (Шаховской). Установление единства. С. 147.

⁴ Киприан (Керн). Указ. соч. С. 822.

⁵ Там же. С. 825-826.

«Прежде всего Библия, потом церковный устав, а на третьем месте Достоевский», – вспоминал слова Антония архимандрит Киприан (Керн)¹, митрополит Антоний говорил о возвращении русского общества к своему истинному предназначению. Достоевский предсказывал революцию в России, но считал, что она не произведет разрушительных действий: «... через несколько лет эти следы исчезнут, а жизнь народа, вразумленного горьким опытом пойдет, вновь по своему историческому руслу и русский народ, как исцеленный Евангельский бесноватый, усядется к ногам Спасителя...»². Очевидно, что митрополит Антоний верил в спасение России и возврат к прошлому. Причем, спасение скорое. «Русские люди! Не робейте перед громкими необоснованными выкриками, перед напыщенным глупым лбом и перед носовым произношением, которое усвоили себе наши дутые авторитеты и отвечайте спокойно: «нет возврат к прошлому в основном направлении русской жизни есть и будет!»»³.

В. Маевский писал, что хорошо знавший старую «православную Русь» Антоний, плохо понимал предреволюционную Россию и совсем не мог, и не хотел понять России пореволюционной. Предвидя до революции будущие потрясения, митрополит Антоний, когда они произошли, не интересовался происходящим и не верил в будущее. «Он ушел в себя, совершая, если можно так выразиться, обряды и формы жизни; находил утешение в церковных службах и со слезами умиления ждал своего конца»⁴.

Таким образом, идеологические оценки митрополита Антония в эмиграции складывались в основном в контексте проблемы церковно-государственных отношений. Специфику существования Зарубежной Церкви, сохранение национальной Церкви в эмиграции ее критики видели в существовавшей издревле церковной мысли, которая состояла в необходимости союза церкви и государства. В стремлении митрополита

¹ Там же. С. 797.

² Никон (Рклицкий). Жизнеописание... Т. IX. С. 190.

³ Там же. С. 220.

⁴ Маевский В.А. Указ. соч. С. 135.

Антония к этому союзу видели приоритет в возрождении старой, ушедшей государственности и ущерб непосредственно церковной составляющей. Некоторые исследователи причину сближения деятелей Зарубежной Церкви с монархистами, помимо идеологических приоритетов, видели в стремлении к подчинению всей церковной эмиграции, в монархистах видели властную опору. Критики сходились в обвинении митрополита Антония в догматизировании монархии. Истоки его деятельности пытались увидеть в его философских воззрениях. Сторонники связывали монархические приоритеты Антония, в первую очередь, с моральными и практическими основаниями. Сохранение именно русской Церкви вне России было для них естественным приоритетом.

2.3 Эмигрантская историография о влиянии личных качеств митрополита Антония (Храповицкого) на развитие Русской Зарубежной Церкви

Попытки оценить личные качества митрополита Антония в эмигрантской историографии эмиграции также находили свое место. Если для работ апологетов Зарубежной Церкви была характерна цельность образа митрополита Антония, которая не оставляла места для какого-либо сомнения в его личных качествах, как и в его действиях, то для многих работ их противников общим местом было несоответствие церковных принципов самого митрополита Антония и его окружения, занимавшегося больше политическими интригами.

Причину здесь видели и в слабых административных качествах митрополита, и еще более в несоответствии его личности месту и, главное, времени, в котором он оказался. По мнению Маевского, доброта сердца митрополита «ослабляла волю и отражалась на его административной и общественной деятельности»¹. С 1930-х гг. место секретаря Синодальной канцелярии занял Ю.П. Граббе и он, по сути, по мнению Маевского, стал одним из главных лиц в управлении Зарубежной Церкви. «Этот молодой человек считал себя носителем ортодоксальной православной мысли; был строгим легитимистом, признавал великого князя Кирилла Владимировича императором и главной своей деятельностью считал борьбу с митр[ополитом] Евлогием. Всему этому митр[ополит] Антоний не придавал особого значения; равнодушно слушая, что ему докладывал молодой граф и так же равнодушно подписывая все, что ему подносил на подпись». Это окружение «оберегая себя» не допускало до Синода серьезных церковных деятелей: «В канцелярии вопросы решались иногда сторонними советниками, а зачастую – в порядке импровизации»². Окружение опасалось, что удобного им владыку Антония

¹ Там же. С. 131.

² Там же. С. 149.

заменит самостоятельный митрополит Анастасий: «...он был совершенно «неприемлем» для привыкшего властвовать и управлять окружения митр[ополита] Антония...»¹. Помимо непосредственного воздействия окружения, Маевский допускал возможность искажения окружением мыслей и слов престарелого иерарха в выгодном для себя виде².

Митрополит Евлогий в своих воспоминаниях характеризовал влияние окружения Антония как давление, навязывание своей воли престарелому иерарху. Описывая свою встречу с митрополитом Антонием через несколько лет после начала зарубежного раскола, он отмечал, что воспринимал его тогдашнюю позицию как готовность быстро покончить с разрывом, просто в результате взаимного примирения архиереев. Однако «вечером неожиданно для меня появились несколько епископов – и ясное небо вновь стали заволакивать тучи... Митрополит Антоний и я начали обсуждать, как нам вместе служить, а епископы запротестовали: нельзя, надо предоставить дело на решение Синода»³. Позже, когда новость о «примирении» стала достоянием публики, вышла статья Георгия Граббе «в которой говорилось, что осенью Архиерейский Собор будет «снимать с меня запрещение». Эта статья была в полном противоречии с моими заявлениями о том, что происходило между мной и митрополитом Антонием в деле восстановления нашего взаимного молитвенного общения»⁴. В статье Граббе опровергалось мнение о том, что зарубежный раскол произошел исключительно из-за «личных недоразумений» между иерархами. Поэтому, несмотря на личное примирение митрополитов, вопрос о подчинении митрополита Евлогия Константинопольскому Патриарху рассматривается как неканоничный и запрещение в священнослужении митрополита Евлогия оставалось в силе⁵. Позже и сам митрополит Антоний выступил с подобными заявлениями. Описанная ситуация показывает, что в окружении митрополита Антония складывалась

¹ Там же. С. 154.

² Там же. С. 152.

³ Евлогий (Георгиевский). Указ. соч. С. 577.

⁴ Там же. С. 631.

⁵ Там же. С. 632.

группа, определяющая курс Зарубежной Церкви и которая наиболее сильно проявила себя уже после войны, создавая, в том числе и историографический образ митрополита Антония.

Н.М. Зернов писал о противоречивости характера митрополита Антония, которая, в частности, выразилось в его отношении к спорам вокруг РСХД. Свое обращение к членам движения Антоний писал «с подлинным доброжелательством к русской молодежи, в нем проявилась и широта его взглядов, и теплота его доброго сердца, но, в то же самое время, и его странная безответственность и беспомощность». Митрополит, с одной стороны, признал законность постановления Собора с осуждением действий РСХД, в то же время говорил о непонимании и незнании членами Собора подлинной деятельности движения¹. В.В. Зеньковский называл политические выступления митрополита Антония назойливой и неумной игрой «с разными монархистами», цену которым Антоний хорошо знал, совершенно не уважал и не придавал их играм большого значения. Но в то же время часто им подчинялся, действуя в нужном им направлении. Доверчивость, по мнению Зеньковского, была характерной чертой митрополита и приводила к попаданию под чужое влияние. «Мрачная фигура Махароблидзе, который вертел митр. Антонием, как игрушкой, подсказывал ему, что надо говорить и делать, как-то странно стояла долгие годы рядом с митр. Антонием, – который в то же время, как мне кажется, всегда был низкого мнения о Махароблидзе, но считал его дельцом и потому терпел возле себя и даже подчинялся ему»². Зеньковский отмечал гротескный склад личности Антония, в котором спокойно уживались совершенно противоположные качества – бескорыстие, доброта, ум, религиозность, сочетались с циничностью: «ни о ком не скажет доброго слова... часто груб, неприличен в своих суждениях, бестактен и невыносим в своих беседах. И все это – и положительное и отрицательное – живет вместе; противоречий у митрополита Антония так много, что порой

¹ Зернов Н.М. Указ. соч. С. 155.

² Зеньковский В.В. Пять месяцев у власти. С. 213.

возникает вопрос – да где же он «настоящий»? У меня всегда было впечатление, что у митрополита Антония не только перестали действовать... сдерживающие центры, но что у него вообще ослабела или недостаточно развилась та сила логического мышления, которая, помимо нашей воли, ведет к единству мысли. Впечатление какой-то богатой руды, в которой драгоценный слой быстро сменяется низким и ненужным, под которой никакая сила не возвышается, чтобы отделить ценное от ненужного – вот что я всегда чувствовал в митрополите Антонии»¹.

Отсюда столь часты были впечатления о митрополите как человеке грубом и невоздержанном, которому свойственно навешивание ярлыков на людей даже не знакомых. Это, естественно, многих отталкивало. Бывший дипломат Е.В. Саблин вспоминал о своем знакомстве с митрополитом Антонием, когда тот произнес: «Да знаю я ваших дипломатов, у меня даже родственник имеется в Париже – Гирс – и Маклакова знаю – все вы революционеры, эсерчики»... И на всех нас это разгильдяйство Антония произвело ужасающее впечатление», – заключил Саблин.²

Протопресвитер Георгий (Шавельский) говоря о дореволюционной деятельности Антония, отмечал его слабые деловые качества. На его взгляд, в управлявшихся Антонием епархиях творился хаос: «Архиепископ Антоний был, безусловно, талантливым человеком, много читал, много знал, обладал бойким умом и острым языком; был нестяжателен, отзывчив. Прост в обращении. Но у него как-то странно уживались талантливость с безталанностью, мудрость с наивностью. Бывало на заседаниях и в частных беседах, выскажет он десяток мыслей. Всегда они бывали как евангельские девы: «пять от них мудры и пять уродливы... Оставшись со своими мудрыми и юродивыми мыслями, он, бывало, мудрые свои мысли забудет, а юродивые приведет в исполнение. Оттого, рассказывали мне и сам я потом в Екатеринодаре наблюдал; его епархиальное управление и вся его жизнь

¹ Там же. С. 213.

² Чему свидетели мы были. С. 140.

отличались редкой хаотичностью... Более всего меня пугала мысль, что на патриаршем престоле может оказаться Антоний и тогда во всей Российской Церкви водворится тот хаос, от которого страдали управляемые Антонием епархии»¹.

С.В. Троицкий отмечал отсутствие у иерарха одного важнейшего для церковного деятеля достоинства – смирения. В этом видел он причину его активной политической деятельности – он преувеличил свою силу и отошел от своего пастырского призвания. Однако ясного понимания светской политики у митрополита не было. Детская наивность в политических вопросах привела его в плен к своему монархическому окружению². Из малого смирения Антония Троицкий выводил еще два недостатка – излишнюю уверенность и болтливость. «Не получив основной подготовки в средней богословской школе митрополит Антоний, в своих богословских трудах, слишком полагался на самого себя, не проверяя свои мысли святоотеческим учением и иногда уклоняясь от учения Православной Церкви, что соблазняло и его сторонников»³. Непостоянство, противоположные высказывания на одну проблему – все это сказывалось на поведении митрополита Антония и способствовало расколу.

Архимандрит Киприан (Керн) сам порвавший с Архиерейским Синодом, разделял любимого им митрополита Антония и «антониевщину» – его карловацкое окружение для которого характерно было политиканство и «невероятное для Антония провинциальное отношение к делам Русской Церкви»⁴. Он отмечал цельность Антония, но его негибкость. Уверившись в чем-то однажды, он практически не менял своего мнения, что относилась и к лицам, однажды вошедшим к нему в доверие. Д.В. Поспеловский помещая митрополита Антония в рамки консервативного образа, пытался противопоставить его митрополиту Сергию (Страгородскому). Он повторял

¹ ГА РФ. Ф. 1486. Оп. 1. Д. 8. Л. 541, 543.

² Троицкий С.В. Указ. соч. С. 107.

³ Там же. С. 107.

⁴ Киприан (Керн). Указ. соч. С. 817-818.

дореволюционные клише о поддержке Антонием смертной казни, говорил об осуждении им религиозной философии Владимира Соловьева, т.е. воссоздавал образ Антония сложившийся после 1905 г. Говоря о различии митрополитов Антония и Сергия, Пospelовский описал два типа монашества – монашество митрополита Сергия, по его мнению, близко к образу карамазовского старца Зосимы, Антоний же похож на Ферапонта¹. Т.е. открытый для общества, преисполненный христианской любви митрополит Сергей и аскет, не знающий любви – митрополит Антоний. Здесь Пospelовский воссоздал образ монаха-аскета, подробно описанный Бердяевым, очевидно стремясь развенчать представление о схожести церковных и личностных установок двух иерархов, представителей одного церковного направления – ученого монашества.

В целом оценка личных качеств митрополита Антония создавала картину, в которой он фактически становился заложником создавшегося в эмиграции положения. Когда ориентиры привычной жизни были разрушены и необходимость сохранить церковную жизнь в эмиграции, приводила к привлечению людей мало для этого годных и последующей зависимости от этих людей. При этом Антоний осознавал неверие в это окружение. Архимандрит Киприан вспоминал слова Антония, сказанные им на исходе жизни: «Вот я скоро помру, и после моей смерти все пропадет, все вверх дном станет. Без меня все развалится»².

Таким образом, в большинстве работ, посвященных анализу церковной эмиграции, митрополит Антоний не выступал объектом изучения. Рассматривая канонические основы Зарубежной Церкви, сторонники митрополита Антония исходили из примата сохранения национальной Церкви в эмиграции. Стремление к сохранению чистоты православия привело к разрыву с пошедшим на сотрудничество с советской властью митрополитом Сергием, а также митрополитом Евлогием, находившимся под влиянием

¹ Пospelовский Д.В. Митрополит Сергей и расколы справа. С. 77-78.

² Киприан (Керн). Указ. соч. С. 819.

либеральных кругов. В основе характеристики митрополита Антония – его авторитет национального, патриотического деятеля. Противники Зарубежной Церкви трактовали действия митрополита Антония как диктат своей воли при нежелании признавать объективные исторические обстоятельства.

Непосредственное обращение к личности митрополита Антония в работах русской эмиграции, приводит исследователей к выводу о наличии двух образов митрополита. Причем, как в работах авторов разных направлений – условных последователей и противников Антония, так и в рамках отдельных работ, авторы которых пытались критически осмыслить разные стороны его личности. Первый Антоний предстает в полноте своих идей. Это масштабная церковная личность, религиозный мыслитель и философ. И другой Антоний, в практической жизни столкнувшийся с колоссальными потрясениями и осознавший перед ними свое бессилие и бессилие Церкви. Церковные методами он не мог помочь Церкви и стране. Политическая реальность оказалась сильнее него и попытки влиять не нее, выливались в связи с политиками. И в России Антоний (Храповицкий) был нетерпим к различным обновленцам, религиозным либералам. Тогда он отстаивал ценности традиционной Церкви, необходимость восстановления патриаршества. Но за ним стояла Церковь и государство. В эмиграции же столкнувшись с теми же либералами, с попытками действовать независимо, вопреки его пониманию церковного блага, он был также нетерпим к этим вещам и пытался наполнить эмигрантскую церковную жизнь масштабными каноническими принципами, уже не имея административной – церковной и государственной опоры.

В целом, большая часть отдельных работ, упоминавших митрополита Антония, в основном представляла собой помещение его на одну из противостоящих сторон. В полемический поток бросались постоянно повторяющиеся части образа знаменитого иерарха, не позволяющие создать сколько-нибудь цельную картину. Лишь отходивший в сторону от идеологии автор, обогащал образ митрополита Антония. Попытки рассмотреть суть

мировоззренческих представлений митрополита Антония, во-первых, гораздо глубже раскрывали его образ, чем суждения огульных критиков «правой» политики, во-вторых, выделяли его из общей ее массы. Естественно задачи Киприана (Керна), В.В. Зеньковского, В.А. Маевского были совсем иными, чем у публицистов 1920 – 1930-х гг. т.к. они не вели идеологической борьбы непосредственно с Антонием. Признавая и не одобряя правой политики митрополита, они выделяли его фигуру и его идеи. Для них Антоний не только лишь монархист и совсем не политикан. Для них, очевидно, что именно Антоний вкладывал в свои идеи, понятен его образ России и Церкви.

Глава III. Митрополит Антоний в изображении государственной и церковной историографии советского периода

3.1. Русская Зарубежная Церковь и митрополит Антоний (Храповицкий) в советской историографии 1920 – 1930-х гг.

Своеобразным комплексом историографической литературы по истории РПЦЗ являются работы официальных советских авторов – выразителей государственной идеологии.

Современные исследователи одной из главных тенденций советской исторической науки видят ориентацию на «социальный заказ», когда методология, осмысление собственной деятельности, подменялись «верою в марксизм»¹. В полной мере это касалось и церковной историографии. Спецификой советской историографии того периода церковной истории, который касался деятельности митрополита Антония, была его непосредственная хронологическая связь с историей большевистской партии, революционного движения и становления советской власти, т.е. важнейшими темами советской истории. Поэтому при обращении к этой проблеме, идеологическая составляющая, бывшая характерной чертой советской исторической науки, значительно усиливалась.

На протяжении всей советской истории тема Зарубежной Церкви возникала в работах советских авторов периодически. И зависела от двух факторов – политики государства по отношению к Русской Православной Церкви внутри страны и непосредственного противостояния Зарубежной Церкви. Появление ее в разное время и подходы к ней в основном коррелировали с этапами церковной политики государства. Можно выделить три основных этапа. Первый – 1920 – 1930-е гг., когда «научный атеизм» от научной, просветительской деятельности склонялся в сторону деятельности исключительно антирелигиозной. Воинствующее безбожие становилось

¹ Корзун В.П. Указ. соч. С. 66.

обязательной установкой всех сфер «духовного производства»¹. Отношение к митрополиту Антонию формируется в этом контексте – он часть Русской Церкви, против которой и вели борьбу.

Второй – 1940-е гг. Сворачивание «воинствующего атеизма» и использование государством церковных ресурсов против общего противника – Зарубежной Церкви. Антоний (Храповицкий) и его последователи рассматриваются как отколовшиеся от Церкви маргинальные группы.

Третий – 1960-е – 1980-е гг. РПЦЗ была идеологическим противником советской власти, а ее история рассматривались в рамках борьбы с «клерикальным антикоммунизмом».

Приход к власти большевиков поставил Церковь в принципиально новые обстоятельства – существование в условиях открытой антирелигиозной политики властей. Религия воспринималась большевиками как вид «духовного гнета», неотъемлемая часть власти «капитала»². Все «религии и церкви» есть «органы буржуазной реакции, – писал Ленин, – Мы должны бороться с религией. Это азбука всего материализма и, следовательно, марксизма»³.

По мнению историков, первые годы советской власти государственная церковная политика исходила из скорейшего отмирания Церкви и религии. Воспитание и «революционное воздействие» должны были способствовать быстрому преодолению «религиозных предрассудков»⁴. Период Гражданской войны был временем «кавалерийской атаки» на Церковь⁵. Активный удар был нанесен по материальной базе Церкви и просветительским возможностям. Правительственные декреты, главный из которых, декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» заложили «основы будущего бесправного положения Церкви...»⁶. Новая власть рассчитывала на

¹ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь... С. 16.

² Ленин В.И. Социализм и религия / Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1968. Т. 12. С. 142.

³ Ленин В.И. Об отношении рабочей партии к религии / Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1968. Т. 17. С. 416, 418.

⁴ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь... С. 85.

⁵ Там же. С. 92, 93.

⁶ Там же. С. 75.

естественное отмирание Церкви, отход от нее большинства населения. Однако результата подобная политика не принесла.

Переход к НЭП изменил и отношение к Церкви сконцентрировав усилия на пропагандистских методах. Разобравшись с открытой контрреволюцией, советская власть стала бороться с «контрреволюцией в умах» идеологически наступая на инакомыслящих¹. Отдельное внимание было уделено Церкви, «образовался, – вспоминал Н.А. Бердяев, – антирелигиозный фронт»². В 1922 г. Ленин в журнале «Под знаменем марксизма» выступил с программной статьей «О значении воинствующего материализма», где ставил задачу ведения непримиримой атеистической борьбы и пропаганды. Особо он отмечал важность демонстрации связи «классовых интересов и классовых организаций современной буржуазии с организациями религиозных учреждений и религиозной пропаганды»³.

Церковь, как социальный институт, в глазах большевиков была важнейшей опорой царизма⁴, то есть одним из классовых врагов новой власти, а после ее утверждения – одной из главных контрреволюционных сил, сохранившихся к началу 1920-х гг.: «Контр-революция, сокрушенная железной рабоче-крестьянской рукой на фронтах, затаилась в уцелевшем тесном подвале царско-дворянского жилого дома – в церковной организации. Эта организация перешла к нам по наследству неизменной»⁵. Следовательно, борьба с Церковью была практической необходимостью советской власти. Зарубежная Церковь же представляла отдельную опасность, т.к. была связана с Белым движением и с эмиграцией, настроенной антисоветски. Революция была источником и сущностью новой власти, поэтому любое сопротивление ей рассматривались как зло. Таким побежденным злом была старая власть и Белое движение. Поэтому связь с ними, уже сама по себе, наделяла Церковь контрреволюционной сущностью. Поэтому подход к Церкви и отдельным ее

¹ Там же. С. 93; *Общественная мысль русского зарубежья*. С. 157.

² Бердяев Н.А. *Самопознание*. С. 217.

³ Ленин В.И. *О значении воинствующего материализма* / Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 23, 25.

⁴ Бонч-Бруевич В.Д. *Указ. соч.* С. 82-92; Красиков П.А. *На церковном фронте (1918-1923)*. М., 1923.

⁵ К ответу! С. 1.

представителям был шаблонным. Естественными чертами образа любого церковного деятеля для советских идеологов были монархизм, антинародная деятельность – помощь царизму в угнетении рабочего класса, контрреволюционная деятельность. Этот шаблон накладывался на любого церковного человека. Поэтому образ митрополита Антония в работах советских авторов укладывался в эту схему. Особенностью, усиливавшей интерес к Антонию и жесткость формулировок по отношению к нему, была его эмигрантская деятельность. Определения митрополита Антония как монархиста, черносотенца, контрреволюционера, мракобеса, становятся практически единственными его характеристиками в советской историографии. Основными источниками работ, посвященных проблемам Зарубежной Церкви на этом этапе, были труды партийных идеологов, декреты советской власти, материалы следственного дела Патриарха Тихона, отдельные официальные церковные документы, материалы советской и эмигрантской периодической печати. Говоря о дореволюционной деятельности митрополита Антония, использовали его официальные речи, частную переписку. Письма Антония деятелю монархического движения Б. В. Никольскому времен революции 1905 – 1907 гг. были популярны и использовались все советское время как иллюстрация его крайне правых взглядов.

Спецификой отношения к Церкви было то, что если на иные исторические темы до конца 1920-х гг. идейного однообразия еще не было¹, то Церковь именно в это время становится целью идеологической атаки.

Реакция на образование церковной организации за границей в Советской России проявилась в контексте попытки «обновленческого раскола» РПЦ. Л. Троцкий – главный идеолог раскола Церкви в записке в Политбюро писал, что в Церкви есть два основных течения: «...открыто контрреволюционное с черносотенно-монархической идеологией и – «советское». Идеология «советского» духовенства, по-видимому, вроде сменовеховская, т.е.

¹ Горбунова Ю.Ф. Указ. соч. С. 207; Гордон А.В. Указ. соч. С. 76.

буржуазно-соглашательская»¹. Именно на эту часть духовенства делалась ставка для борьбы с церковным руководством. На основе таких теоретических построений проходила газетная «кампания» 1922 г. При этом Троцкий в инструкции для печати в конце марта критиковал уже вышедшие на церковную тему статьи. Они, по его мнению, должны были быть направлены не «против духовенства вообще», а конкретно против руководства Церкви. Главной задачей «момента» он называл раскол в среде духовенства – «поддержать... низы против верхов, дать им понять и почувствовать, что государство не позволит верхам терроризировать их...»². Общим фоном для газетной кампании служила кампания по изъятию церковных ценностей.

Деятельность Зарубежной Церкви и митрополита Антония для советской пропаганды была еще одним поводом обвинить Церковь в контрреволюционности и политичности. В целом, религиозный фактор, имевший большое значение в деятельности эмиграции, в восприятии ее советскими руководителями также играл немалую роль. Так П.А. Красиков, называя эмиграцию «сплошной духовной семинарией», писал: «религия для них старое, испытанное орудие порабощения и контрреволюционного развращения народа... Все эти графы Палены, посланники Палеологи, Валяй-Марковы, митрополиты Антонии, трегубовцы, толстовцы, врангелевцы, деникинцы, и т.п., и т.п., готовы все соединиться единым религиозным фронтом, дабы вновь обратить русского крестьянина к религии, все равно к какой»³.

Главная цель государственной пропаганды в тот момент – церковное руководство во главе с Патриархом. Атака шла по двум основным направлениям. С идейных позиций Церковь представлялась институтом реакционным. Была опорой царского режима в прошлом, контрреволюционна в настоящем, ее интересы противоречат интересам народа. Эта антинародная

¹ Архивы кремля. Политбюро и Церковь. 1922-1925 гг. М., Новосибирск, 1995. Кн. 1. С. 163.

² Там же. С. 252.

³ Красиков П. А. И мытьем, и катанием / Красиков П.А. Избранные атеистические произведения. М., 1970. С. 204-208.

сущность Церкви ярко проявлялась реакцией на голод в стране и кампанию по изъятию церковных ценностей. В обоих аспектах находила себя тема зарубежного духовенства и непосредственно митрополита Антония: идейное единство Антония (Храповицкого) и Патриарха Тихона, и непосредственная связь церковной эмиграции с руководством Церкви. На страницах советской печати церковное руководство представлялось церковной аристократией, «князьями церкви». Ему противопоставлялись «престецы» – большая часть рядового священства, которая во многом разделяет позиции «прогрессивного духовенства» и не идет за Патриархом Тихоном¹. Церковь, оставаясь прежней, не может быть единой с народом. А руководство Церкви, оставаясь прежним, становится вне Церкви. И митрополит Антоний здесь фигурирует как один из главных примеров подобной ситуации. «Политика верхов Церкви приводит всегда к нежелательным результатам и ставит их вне церкви, как это было с митрополитом Антонием, ныне находящимся за границей, и как это имеет место теперь с другими...»². То есть Антоний – яркий, состоявшийся пример антинародного церковника.

Представление о идейном единстве – важнейшая часть пропаганды. Сначала именно как идейное единство, представлялась на страницах печати связь Патриарха и зарубежного духовенства: в России «князья церкви» не высказываются открыто, «но там, где они могут, они не скрывают своих истинных желаний, как, например, на заграничном съезде в Карловицах»³. Но уже вскоре она стала представляться как согласованные действия для свержения с помощью голода советской власти⁴, печать сообщала о «контрреволюции под церковным флагом». Если в начале 1922 года П.А. Красиков на страницах журнала «Революция и Церковь» писал, скорее, о едином антисоветском настрое духовенства в России и за рубежом⁵, то в майском номере Известий он уже сообщал о «каннибальских директивах

¹ Князья и престецы. С. 1; Токарь. Указ. соч. С. 2.

² Токарь. Указ. соч. С. 2.

³ Князья и престецы. С. 1.

⁴ Красиков П.А. Спасение церкви. С. 2; Л.Н. Подвиги христианские. С. 3; Пути церковной реформации. С. 1.

⁵ Красиков П.А. Голод и христианство / Красиков П.А. Избранные атеистические произведения. С. 153-155.

Валяй-Маркова и пресловутого Антония» данных Патриарху Тихону¹. «Тихоновская» Церковь, таким образом, была представлена политической организацией самого крайнего характера: «окрашена в определенный политический цвет, а именно в черный». Главными представителями «контрреволюционной церковности» называли Антония Храповицкого, Патриарха Тихона и Маркова второго². Таким образом, сложилась следующая логическая цепочка: так как белоэмигрантское духовенство контрреволюционно, значит поддерживаемый им Патриарх Тихон тоже контрреволюционер. И вывод – «тихоновщина» есть контрреволюция. Понятие «тихоновщина» включало контрреволюционные элементы в Церкви, – и в России, и в эмиграции. Другой термин – «тихоновцы», в свете обновленческого раскола, означал последователей Патриарха Тихона, «староцерковников», не обновленцев. Зарубежное духовенство 1920-х гг. в советской терминологии – это тоже «тихоновцы». Таким образом, на начальном этапе советской историографии обращение к митрополиту Антонию происходило в контексте реализации обновленческого раскола. Обновленцы стали одним из важных факторов антицерковной кампании. Они вели активную пропаганду, на их работы ссылались в печати. Главной чертой историографии было противопоставление монархической антиреволюционной части Церкви – главным образом епископата и «свободной» ее части, принявшей революцию. Для одного из идеологов обновленчества – А.И. Введенского, Антоний (Храповицкий) – воплощение ненавистной дореволюционной Церкви. Он критиковал его и по церковным мотивам, обвиняя в неверии, называя удушителем «церковного просвещения», стяжавшим «ненависть всех чистых сердец». Введенский также говорил о влиянии Карловацкого Собора на Церковь в России, подчеркивал монархизм и черносотенство последней³. Подчеркивая связь зарубежного духовенства с церковным руководством, советские авторы часто преувеличивали административные полномочия митрополита Антония. Его

¹ Красиков П.А. Спасение церкви. С. 2.

² Пути церковной реформации. С. 1.

³ Введенский А.И. Указ. соч. С. 106-107.

называли «наместником» Патриарха¹, назначенным Патриархом «м[итрополитом] всех правосл[авных] заграничн[ых] церквей»². Здесь, очевидно, они использовали в свою пользу действия самого зарубежного духовенства, пытавшегося наделить митрополита Антония подобными полномочиями.

Оценки российского и зарубежного духовенства были зафиксированы и в документах следственного дела над Патриархом Тихоном, начавшегося в мае 1922 г. Готовившийся судебный процесс, должен был показать антисоветскую, контрреволюционную сущность Церкви в целом и Патриарха, как главы «контрреволюционного заговора»³. Одним из пунктов обвинения, предъявленных Патриарху, была его связь с зарубежным духовенством и одобрение их антисоветских заявлений⁴. Зарубежное духовенство характеризовалась как наиболее реакционная часть Русской Церкви, состоящая, преимущественно, из черносотенцев-монархистов»⁵. Состоявшийся Карловацкий Собор, согласно материалам следственного дела, «подвел итог тому движению контр-революционной воды, которая всколыхнулась перед лицом русского голода новыми попытками удушить Советскую Россию»⁶. Доказательствами признания Патриархом зарубежного церковного управления, обвинение называло его указ от 8 апреля 1921 г., который подтверждал указ заграничного ВЦУ о подчинении всех русских православных приходов в Западной Европе, канонической юрисдикции архиепископа Евлогия, а также грамоту патриарха Тихона сербскому патриарху Димитрию с благодарностью «за оказанный в Сербии приют русским изгнанникам – епископам, священникам и мирянам»⁷. Митрополит Антоний (Храповицкий) в документах следственного дела представлял главой

¹ Л.Н. Подвиги христианские. С. 3.

² Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства. Л., 1927. Т. VII. С. 302.

³ Следственное дело патриарха Тихона. С. 28.

⁴ Там же. С. 168-169.

⁵ Там же. С. 169.

⁶ Там же. С. 300.

⁷ Там же. С. 291.

реакционного духовенства, через которого Патриарху Тихону шли нити контрреволюционной организации. Истоки Карловацкой организации в следственном деле велись с 1919 г., когда в Ставрополе был организован Церковный Собор и создано Временное Высшее Церковное Управление юго-востока России, почетным председателем которого был избран митрополит Антоний.

Советские авторы в 1920-е гг. воспринимали митрополита Антония как действительно значительную фигуру в Русской Церкви, а его личный авторитет ставили даже выше авторитета Патриарха. Так, Красилов, повторяя рассуждения обновленцев, писал: «...вернись Антоний с помощью румынского, французского и польского штыка, и церковь ваша покорно склонит перед этим помещиком в рясе свою шею»¹. Известность и слава Антония как консерватора, черносотенца известного на всю Россию, позволяла представить яркий образ врага советской власти, тогда как дореволюционная деятельность будущего Патриарха была гораздо менее публичной. Вот как в 1922 г. один из авторов в центральной печати сравнивал двух претендентов на патриарший престол: «Тихон Белавин и Антоний Храповицкий. Не отмеченный ни трудами, ни особенными дарованиями ученик и его «прославленный» учитель по академии. Рядовой ставленник высшего духовенства и «творец» патриаршей идеи в наши дни. Тихона было решено выдвинуть «на счастье» против опасного честолюбца»².

В то время действительно ещё свежа была память об Антонии (Храповицком) – епископе Волынском, ярком публицисте, богослове, деятеле Союза русского народа, известном далеко за пределами церковных кругов.

Черносотенство – важнейший признак, определяющий в советской историографии Антония (Храповицкого). Подавляющее большинство упоминаний митрополита Антония в 1920-е – 1930-е гг. содержали эту характеристику. Общая классификация большей части церковного

¹ Красилов П.А. Спасение церкви.... С. 2.

² В.И. Белавин (патриарх Тихон)...

руководства как черносотенно-монархического естественным образом выводила фигуру Антония на передний план. Корни подобного восприятия имели несколько аспектов. Во-первых, черносотенцы были прямыми врагами революционного движения, это «партия помещиков, партия царя»¹. Ленин в 1909 г. называет Антония владыкой «черносотенных изуверов»². Во-вторых, общее отношение большевиков к конфессиональному вопросу, трактовало первенствующую роль Православной Церкви как религиозное угнетение представителей иных конфессий. Сюда же добавлялся национальный вопрос. Национальную политику царской России большевики считали угнетением национальностей через русификацию. Роль Церкви в этом вопросе трактовалась как насилие над совестью путем вовлечения в православие³. Антоний Храповицкий в Большой советской энциклопедии был охарактеризован как «самый тупой руссификатор»⁴. Его имя появлялось в ряде работ, посвященных вопросу антисемитизма в царской России⁵.

Данный в пропагандистских работах 1920-х гг. и в документах следственного дела взгляд на проблему зарубежного духовенства, когда оно рассматривалось как организационное целое с Церковью в России, стал на долгое время основным подходом в работах советских авторов.

Другой комплекс источников, в которых фигурировало имя митрополита Антония – реакция на антисоветские выступления зарубежного духовенства: обращение митрополита Антония к русским воинам, подготовка к Всезарубежному съезду⁶. В этих работах кратко сообщалось об истории образования Зарубежной Церкви, ее «белогвардейском» характере. Публикации имели в основном сатирический характер, содержали карикатуры, стихи. Они были рассчитаны на простого, не искушенного в

¹ Межов А. Указ. соч. С. 1.

² Ленин В.И. Поездка царя в Европу и некоторых депутатов черносотенной Думы в Англию / Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1968. Т. 19. С. 55.

³ Мегружан Ф., Коган Ю. Указ. соч. С. 22, 23.

⁴ Большая советская энциклопедия. С. 92.

⁵ Тагер А.С. Царская Россия и дело Бейлиса. М., 1934. Дмитриев А. Кровавый навет и христианская Церковь. М., 1932. С. 64.

⁶ В стане белых эмигрантов. С. 26; Усагин А. Указ. соч. С. 4-5; Филатов Р. Указ. соч. С. 3-5.

церковных вопросах читателя, подчеркивали антинародную сущность деятелей Церкви заинтересованных «в угнетении трудового народа»¹.

Обращение к имени митрополита Антония в историческом аспекте началось со второй половины 1920-х гг. В историографии этого периода, основными темами церковной истории конца XIX – начала XX вв., оставались контрреволюционность Церкви и ее содействие царскому режиму. Историческими периодами, аккумулирующими основное внимание, поэтому, были 1905 – 1907 и 1917 гг. Любые выступления церковных людей, выходявшие за рамки большевистского понимания исторического блага, рассматривались как зло. В дореволюционной истории Церковь фигурировала как помощница царизма. Так трактовалось, например, выступление архиепископа Антония на Поместном Соборе с призывом прекратить грабежи и захват земель². Обращение с патриотической речью к воинам рассматривалась как потакание «империалистической войне»³, участие в выборах в Государственную Думу, как содействие царизму⁴. Коренные изменения в стране, начавшиеся в конце 1920-х гг., серьезно затронули жизнь Церкви и значительно повлияли на историографическую ситуацию. Количество изданий, посвященных церковной истории, резко возросло. Методы классовой борьбы с этого времени распространяются и на историческое знание в целом, и на религию⁵. Построение нового общества в части мировоззрения, требовало максимального снижения влияния Церкви. Если атака на Церковь начала 1920-х гг. была в первую очередь ударом по церковному руководству, попыткой церковного раскола, то с конца 1920-х гг. происходил удар по всей Церкви и религиозному сознанию в целом.

Особенно важно это было в деревенской среде, с сильными традициями и влиянием Церкви. Роль Церкви в деревне советские руководители прекрасно

¹ Усагин А. Указ. соч. С. 4.

² Кандидов Б. Контрреволюционная деятельность церкви в дни Октябрьской социалистической революции. С. 26-27.

³ Кандидов Б. Роль религии в империалистической войне. С. 5; Лабунский В. Указ. соч. С. 36.

⁴ Грекулов Е. Как церковники помогали царизму при выборах в Думу. С. 27.

⁵ Гордон А.В. Указ. соч. С. 76; Фирсов С.Л. Была ли безбожная пятилетка? С. 7.

осознавали. Уже в середине 1930-х гг. говоря об успехах антирелигиозной деятельности, Е. Ярославский отмечал в качестве важнейшего критерия культурных преобразований в деревне, образование слоя новой интеллигенции. «Эти изменения, – писал Ярославский, – имеют прямое отношение к антирелигиозной пропаганде»¹.

Церковь рассматривалась как сподвижник кулачества в контрреволюционных действиях «под флагом религии»². Был выделен особый «поповско-кулацкий» слой. Тема Зарубежной Церкви продолжала оставаться вспомогательной для подтверждения общей контрреволюционности Церкви³. Это было одним из факторов обращения к имени митрополита Антония.

Прежняя схема недавней истории Церкви претерпела некоторые изменения. Обновленцы теперь рассматривались как церковные приспособленцы, надевавшие маску лояльности советской власти, чтобы выжить в новых социально-политических условиях. Но епископат рассматривался в прежних «черносотенных» рамках⁴.

Другой фактор заключался в пересмотре исторической концепции М.Н. Покровского. Одним из звеньев критики Покровского была «большевистская разработка» истории гражданской войны, которая подчеркивала важнейшую роль интервенции⁵. «Религиозная контрреволюция» стала рассматриваться как важное звено интервенции в период Гражданской войны и ее попыток в последующие годы. Митрополит Антоний фигурировал как один из организаторов антисоветского фронта⁶, а решения Карловацкого Собора подавались как «влияние капиталистического окружения»⁷.

¹ Ярославский Е. О наших задачах. Вступительное слово на Всесоюзном совещании по антирелигиозной пропаганде 9/VI-1935 // Антирелигиозник. 1935. № 4. С. 9.

² Великие итоги. С. 5.

³ Амосов Н. Указ. соч. С. 46-49; Кандидов Б. Контрреволюционная деятельность церкви в дни Октябрьской социалистической революции. С. 26-27; Он же. Религиозная контрреволюция и антирелигиозное движение в 1905-07 гг. С. 8.

⁴ Амосов Н. Указ. соч. С. 50; Кандидов Б. Религиозные организации и антирелигиозное движение в эпоху Великой пролетарской революции. С. 13-24.

⁵ За большевистскую разработку истории гражданской войны // Борьба классов. 1932. № 6. С. 2-3.

⁶ Кандидов Б. Религиозная контрреволюция 1918-1920 гг. и интервенция (очерки и материалы). С. 143; Он же. Церковь и шпионаж. М., 1940. С. 58; Шестакова М. Указ. соч. С. 7.

⁷ Материалы в помощь изучающим историю ВКП (б). С. 10.

Одной из составляющих этого фактора была внешнеполитическая проблема. Реакция на выступление зарубежного духовенства в начале 1930-х гг. происходила на фоне так называемого «крестового похода» против СССР. (Папа Римский Пий XI в начале 1930 г. объявил о «молитвенном крестовом походе» против гонений на верующих в Советском Союзе¹). Выступление митрополита Антония с очередным антисоветским призывом в 1931 г., в СССР было отмечено отповедью М. Горького². Государственная церковная политика сочетала репрессивные меры с тактическими уступками, которые должны были продемонстрировать возможность улучшения отношения к Церкви. Так, с 1931 по 1935 гг. выходил Журнал Московской Патриархии. Именно в это время произошло запрещение зарубежных епископов в служении.

Таким образом, советская историография РПЦЗ 1920-х – 1930-х гг. носила пропагандистский характер и была чрезвычайно упрощенной. Это было время работы «Союза воинствующих безбожников» и именно с воинствующих позиций смотрели на Церковь, как на институт, подлежащий ликвидации. Поэтому, собственно церковным проблемам деятельности РПЦЗ, авторы никакого внимания не уделяли, критикуя ее исключительно через призму «антисоветской» деятельности всей Русской Церкви – т.н. «тихоновщины». Никак не повлиял на этот подход и факт осуждения сначала Патриархом Тихоном, а затем митрополитом Сергием (Страгородским) деятельности Зарубежной Церкви и запрещения в служении ее иерархов. Характеристика митрополита Антония как «контрреволюционера, монархиста и черносотенца» в советской историографии стала, по сути, единственной оценкой его личности.

¹ Венгер А. Указ. соч.

² Горький М. Указ. соч.

3.2. Русская Зарубежная Церковь и митрополит Антоний (Храповицкий) в советской историографии 1960 – 1980-х гг.

Изменение отношения власти к Церкви произошло в период войны. В новых обстоятельствах государство стало рассматривать Церковь «как институт государственной внешней политики»¹. Как следствие, можно говорить о возрождении церковной жизни в стране: открытие храмов и монастырей, духовных учебных заведений, возобновление церковных изданий, роспуск Союза воинствующих безбожников и ликвидация обновленческих организаций. Все это знаменовало прекращение прежних воинствующих методов борьбы с религией. Особенностью историографии этого периода была передача инициативы идеологической полемики с Зарубежной Церковью в руки церковных публицистов².

После 1948 г. интерес к внешнеполитическим церковным каналам сократился и Церкви стали отводить менее значительную роль в «движении за мир»³. Как следствие, интерес к теме Зарубежной Церкви после всплеска середины 1940-х гг., резко сократился.

Конец 1950-х – начало 1960-х гг. – период новых гонений на Церковь. Власть попыталась последний раз «решить религиозную проблему» – устранить влияние Церкви, как общественного института, на жизнь страны. Это время историки сравнивают с периодом 1920 – 1930-х гг. Советские идеологи верили, что, отрешившись от сталинизма, реально построить коммунистическое общество. Отличие от первых советских десятилетий было в том, что Церковь уже не считали классовым врагом, но воспринимали ее как идеологически чуждый институт. Был нанесен удар по материальной базе Церкви, резко сократилось количество приходов, закрыт ряд учебных заведений. Тем не менее, основными методами борьбы с Церковью была

¹ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь... С. 6.

² См.: гл. 3.3.

³ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь... С. 5.

пропагандистская, атеистическая работа¹.

В историографии по отношению к РПЦЗ и митрополиту Антонию, как и по отношению ко всей Церкви, продолжили старый шаблон 1920-х – 1930-х гг. Пореволюционную Церковь продолжали считать классовым врагом, при этом основной удар наносился по Церкви в России, а церковная эмиграция использовалась как средство обвинения Патриарха Тихона и всего церковного руководства. В ряде работ начала – середины 1960-х гг. деятельность РПЦЗ изображалась предельно фрагментарно лишь с упоминанием заявлений Карловацкого собора². Подчеркивая единство церковного руководства и зарубежных епископов, авторы, как и в 1920-е – 1930-е гг., нередко преувеличивали статус митрополита Антония в церковной организации, например, называя его заместителем Патриарха³.

Смена власти в стране в 1964 г. повлияла на изменение государственной политики по отношению к Церкви, в сторону ее смягчения. В области историографии также произошли изменения не столь заметные на первый взгляд. Предельно краткий шаблон описания Зарубежной Церкви и митрополита Антония был расширен. С конца 1960-х гг. возросло количество публикаций на эту тему, и, при сохранении доминирующей линии, произошло расширение проблематики вопроса. Происходит процесс принятия государственной историографией элементов церковной методологии отношения к Зарубежной Церкви (официальных актов церковной власти в отношении зарубежных иерархов). Речь именно о методологии – определениях, оперирующих в рамках церковного канонического поля и церковного сознания.

Итак, в череду критических аргументов, помимо чисто советских – «контрреволюционных», были включены и церковные аспекты критики: нарушение церковных функций, политическая деятельность и неподчинение церковной власти. Подобная оценка деятельности РПЦЗ представляла собой

¹ Там же. С. 6, 359.

² Ладоренко В.Е. указ. соч. С. 116-120; Чемериский Н.А. Указ. соч. С. 192; Шейнман М.М. Указ. соч. С. 42.

³ Ладоренко В.Е. Указ. соч. С. 119.

официальную позицию Московской Патриархии, зафиксированную в официальных документах еще в 1920 – 1930-е гг., а за рубежом она все время была предметом бурной полемики. Сохраняя тезис о «тихоновщине», советские авторы (Н.С. Гордиенко, Р.Ю. Плаксин, А. Чертков¹) стали опираться на принцип лояльного отношения Церкви к государству, выработанный при митрополите Сергии, соответственно, проводя раздел между Церковью тихоновской «антисоветской» и сергиевской «лояльной». К первой относили Зарубежную Церковь, а действия ее трактовали как политические, противоречащие смыслу и функциям собственно церковной деятельности, подчеркивая несоответствие между заявлениями об аполитичности и реальными делами.

Расширился и круг рассматриваемых вопросов: помимо вопроса об антисоветских заявлениях, стали уделять внимание и последующим сюжетам истории Зарубежной Церкви (реакции на указ об упразднении ВЦУ, на послание Патриарха от 1 июля 1923 г. с осуждением действий церковных эмигрантов и на «Декларацию» митрополита Сергия). Закрытие ВЦУ трактовалась как мера незначительная, воспринятая эмигрантами как «одобрение главой церкви их действий»². Они «правильно поняли патриарха» и «продолжили вредить нашей стране» формально упразднив Церковное Управление и сменив его на Архиерейский Синод³. Последующее неподчинение зарубежного духовенства церковной власти в России, объяснялось отказом последней от антисоветской деятельности, что никак не устраивало «белогвардейцев в рясах»⁴. Разрыв отношений с Церковью в России привел к «деградации» и расколам внутри РПЦЗ, выразившей волю «жалкой кучки беглецов из России»⁵.

Обращение советских авторов к основным положениям критики

¹ Гордиенко Н.С. Современное православие. М., 1968. С. 12-17; Плаксин Р.Ю. Крах церковной контрреволюции 1917-1923 гг. С. 137-142; Он же. Тихоновщина и ее крах. С. 160-167; Чертков А. Указ. соч. С. 94-154.

² Гордиенко Н.С. Современное православие. С. 16.

³ Чертков А. Указ. соч. С. 97.

⁴ Там же. С. 132-133.

⁵ Там же. С. 153.

Зарубежной Церкви проявилось на данном этапе в упрощенном виде, т.к. деятельность РПЦЗ продолжала оставаться средством доказательства антисоветской политики Церкви. Поэтому, кратко перечислив деяния эмигрантов, авторы переходили к главному вопросу – как же отнесся к этому Патриарх Тихон, от имени которого они действовали?

Гораздо подробнее деятельность зарубежного духовенства была описана в работе А.А. Шишкина, посвященной анализу «обновленческого раскола»¹. Его работа существенно расширила объем конкретно-исторических фактов по истории РПЦЗ 1920-х – начала 1930-х гг. Подробно останавливаясь на расколе в Зарубежной Церкви, причину его он видел во влиянии раскола «староцерковников» в России – сторонников и противников политики митрополита Сергия². Он выделял три внутрицерковных течения за границей, лидер, одного из которых, митрополит Антоний, был изначально идейным вдохновителем Зарубежной Церкви, а после стремился подчинить власти Карловацкого Синода всю церковную эмиграцию. В работе А.А. Шишкина РПЦЗ впервые показана многосложным организмом, центральной частью которого, был митрополит Антоний и его окружение.

В конце 1960-х гг. происходит существенный сдвиг в советской историографии Зарубежной Церкви. Эта тема возникает в виде самостоятельной проблемы. Причиной произошедшего сдвига стала активизация деятельности самой Зарубежной Церкви с ее традиционной антисоветской позицией. В СССР деятельность РПЦЗ воспринималась как одно из звеньев «клерикального антикоммунизма» – критики коммунистического режима, шедшей от различных религиозных организаций за границей. Новым главой Зарубежной Церкви в 1965 г. стал митрополит Филарет (Вознесенский), который, по словам советских идеологов, «попытался гальванизировать чувства верующих» в эмиграции и «подстрекал

¹ Шишкин А.А. Сущность и критическая оценка «обновленческого раскола» русской православной церкви. Казань, 1970. С. 314-337.

² Там же. С. 324.

к сопротивлению Советской власти» православных в Советском Союзе¹. В статье, посвященной «карловацкому расколу» в Атеистическом словаре, сообщалось о широкой пропагандистской и издательской деятельности этой реакционной религиозно-политической группировки². Состоявшийся в 1974 г. III Всезарубежный Собор РПЦЗ в советской литературе охарактеризован как «подлинный шабаш воинствующих антисоветчиков»³. Особую остроту идеологическое противостояние с РПЦЗ приобрело в свете предстоящего в 1988 г. празднования 1000-летия Крещения Руси, для подготовки к которому еще в 1977 г. по решению Архиерейского Синода РПЦЗ была образована специальная комиссия. РПЦЗ для советских идеологов – «классовый противник, который руководствуется в своей деятельности глубоко реакционными политическими и идеологическими целями»⁴.

В наиболее обстоятельных работах достаточно широко использовалась эмигрантская периодика и работы критиков Зарубежной Церкви. Тенденция обращения к накопленному за рубежом материалу по истории церковной эмиграции в более полном виде проявилась в тех работах, в которых тема РПЦЗ стала рассматриваться как самостоятельная проблема, вне контекста с деятельностью Церкви в первые годы Советской власти. Тема РПЦЗ стала рассматриваться как в работах, посвященных общей критике «клерикального антикоммунизма»⁵, так и в специальных исследованиях в виде самостоятельной проблемы⁶. Рассмотрим основные черты данной группы литературы.

Во-первых, авторы опирались на аргументы зарубежных критиков РПЦЗ, главным образом И.А. Стратонова и С.В. Троицкого⁷. При этом,

¹ Васильев А.В., Комаров П.М. Указ. соч. С. 30.

² Карловацкий раскол // Атеистический словарь. М., 1985. С. 195.

³ Васильев А.В., Комаров П.М. Указ. соч. С. 31.

⁴ Гордиенко Н.С. Тоскуя по царю и гетману. С. 53.

⁵ Белов А.В. Клерикальный антикоммунизм. С. 152-153; Воронцов Г.В. Указ. соч. С. 374; Бессонов М.Н. Буржуазно-клерикальные измышления... С. 22-25; Великович Л.Н. Указ. соч. С. 39; Клерикальный антисоветизм. С. 108-110; Коник В. Указ. соч. С. 138.

⁶ Белов А., Шилкин А. Духовные мертвецы...; Они же. Карловацкий раскол...; Бессонов М.Н. Раскольники из Джорданвилля; Гордиенко Н.С., Комаров П.М. Указ. соч.; Гордиенко Н.С., Комаров П.М., Курочкин П.К. Указ. соч.

⁷ Троицкий С. В. О неправде Карловацкого раскола; Стратонов И.А. Указ. соч.

естественно, факты подавались выборочно, а самих первоисточников советский читатель не видел.

Во-вторых, проблему образования и дальнейшей деятельности РПЦЗ стали рассматривать с церковных позиций. По отношению к ней стал употребляться термин «Карловацкий раскол». Авторы подчеркивали незаконность действий представителей РПЦЗ с точки зрения церковной традиции, на различных этапах ее деятельности. Причем начало раскольнической деятельности стали видеть уже в создании ВЦУ на юго-востоке России, говоря о неправомерности этого учреждения при наличии высшей церковной власти. Дальнейшие действия за границей также объявлялись незаконными, т.к. они осуществлялись без согласия Патриарха и Синода. Усилить представления о неканоничности Зарубежной Церкви должны были сведения о постановлении Патриарха Тихона от 20 ноября 1920 г. № 362, которое декларировало в случае невозможности отношений с Высшим Церковным управлением, необходимость организации епархиями самостоятельной церковной власти. В-третьих, связь Карловацкого Синода и Патриарха Тихона уже не представлялась как однозначная. Роль Патриарха показывалась, скорее, как пассивная, он «знал и не противился спекуляции его именем в Западной Европе»¹. Его критиковали за отсутствие ярко выраженной антикарловацкой политики. Начиная же с 1988 г., – года резкого изменения официального государственного отношения к Церкви, в историографии Патриарх предстает изначальным оппонентом РПЦЗ. Этот период – последний этап советской историографии, в котором происходит пересмотр отношения к Церкви, а в рамках интересующей нас темы налицо было противопоставление фигур Патриарха Тихона и митрополита Антония². Показательно изменение отношения к этому вопросу автора двух крупных работ, посвященных РПЦЗ, – Н.С. Гордиенко. В первой своей работе, вышедшей в 1975 г., указ Патриарха от 8 апреля 1921 г. о санкционировании

¹ Гордиенко Н.С., Комаров П.М. Указ. соч. С. 12.

² Одинцов М. Указ. соч. С. 39.

назначения заграничным ВЦУ архиепископа Евлогия на должность Управляющего приходами Русской Православной Церкви в Западной Европе, и грамоту сербскому Патриарху Димитрию с благодарностью за предоставление приюта русским изгнанникам – епископам, священникам и мирянам, автор называл косвенными доказательствами признания патриархом заграничного ВЦУ своим временным зарубежным органом. Разногласия между зарубежным духовенством и церковной иерархией в России, по его мнению, начались после того, как Патриарх убедился в бесперспективности борьбы с советской властью и пересмотрел свои позиции¹. Во второй же работе, опубликованной в 1988 г., эти же «доказательства» Гордиенко называл недостаточными для признания одобрения Патриархом действий карловацкого духовенства².

Пересмотр исторической роли Церкви в дореволюционный период приводил к тому, что обвинения в черносотенстве и консерватизме в советской историографии, снимались с большей части Церкви и переносились на меньшее по численности церковное крыло, одним из лидеров которого был Антоний (Храповицкий)³. Митрополит Антоний в работах этого периода показан как идеолог и лидер РПЦЗ, все силы положивший на борьбу с советской властью, стремившийся вовлечь в нее всю эмиграцию, часть которой вовсе и не думала о политике⁴. Однако биографические сведения в большинстве работ не отличались многообразием, авторы не выходили за рамки предельно упрощенной схемы о «реакционере, черносотенце и контрреволюционере» Антонии (Храповицком). Это касалось и работ, посвященных разным аспектам деятельности Церкви в дореволюционной России, которые в основном повторяли пропагандистские штампы 1920-х – 1930-х гг., доказывая реакционность Антония его приверженностью к монархии, антиреволюционными взглядами и деятельностью⁵. Анализ

¹ Гордиенко Н.С., Комаров П.М., Курочкин П.К. Указ. соч. С. 29-30.

² Гордиенко Н.С., Комаров П.М. Указ. соч. С. 23.

³ Русское православие: вехи истории. С. 413.

⁴ Под флагом РСХД. С. 121-125.

⁵ Емелья Л.И. Крестьяне и церковь накануне Октября. Л.: Наука, 1976. С. 13, 78; Она же. Атеизм и

социально-экономического положения дореволюционной России содержал достаточно трезвые оценки церковных проблем, естественно в рамках марксистского понимания социального прогресса: старое церковное сознание, видя обрушение патриархального уклада, не осознавало масштаба происходивших изменений, видя лишь временное «повреждение нравов». И митрополит Антоний здесь выступал одним из главных примеров церковного традиционализма, ухода от насущных проблем¹.

Советские авторы строго следовали заданным рамкам, и критиковали Антония по всему спектру его деятельности, не позволяя упоминать положительную роль митрополита и в сугубо богословских вопросах. Например, подвергли критике включение архиепископом Питиримом (Нечаевым) в число «выдающихся» богословов «определивших современное состояние богословской мысли русской православной церкви» митрополита Антония – «архиконсерватора в религиозных вопросах, монархиста по убеждениям и махрового антисоветчика по характеру своей деятельности»².

Спецификой советского периода была невозможность научной коммуникации для проблем, не одобренных административным аппаратом. В среде церковной, среди ученых, интересующихся религиозными вопросами, существовал интерес к Антонию (Храповицкому) как религиозному философу, но представить результаты работы научному сообществу, возможность появилась лишь на исходе советского периода и после него³. Таким образом, вне идеологического дискурса имени митрополита Антония не существовало. Показательно, что статьи о нем не было во втором и третьем изданиях Большой Советской Энциклопедии, в отличие от первого издания 1926 г.

антиклерикализм народных масс в 1917 г. // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1958. Т. 5. С. 66; Она же. Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М., 1965. С. 50; Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.). Критические очерки. М., 1967. С. 249-250.

¹ Зырянов П.Н. Указ. соч. С. 25-28.

² Гордиенко Н.С., Курочкин П.К. Особенности модернизма современного русского православия. М., 1978. С. 54.

³ Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М., 2009. С. 368-372; Мень А., прот. Библиологический словарь. М., 2002. С. 76.

Первая работа, посвященная непосредственно митрополиту Антонию, появилась в 1988 году, что, несомненно, говорило о возникшей необходимости дать оценку известному некогда церковному деятелю, в новых общественно-политических реалиях. А. Шамаро, отталкиваясь от известного «советского» образа Антония, в статье «Житие несостоявшегося патриарха»¹, попытался дать характеристику личным качествам митрополита. Называя его религиозным и набожным, добавлял, что эти черты «сочетались с холодной расчетливостью, непоколебимостью, целеустремленностью, трезвостью политического борца», что всегда позволяло ему сохранять за собой «своеобразное первенство, не изменяя при этом самому себе. Был главным реакционером и черносотенцем среди православного епископата в дореволюционное время, стал главным церковным контрреволюционером в 1917 году и в годы гражданской войны, и, наконец, – главным вдохновителем белоэмигрантов в их ненависти и в их борьбе против Советского государства»². Весь спектр оценок митрополита Антония в советской историографии, по сути, заключался в этих строках. Чрезвычайно упрощенная схема изложения понятна с идеологических позиций. Большого авторам для реализации их целей было не нужно. Попыток объективно разобраться в происходивших событиях не было, правда, и задачи такой не стояло. Большинство советских авторов, писавших о Церкви, обращались к явлениям совершенно для них чуждым. Это, вкупе с идеологической заданностью, приводило к повторению определенного набора штампов, фактических ошибок и сознательных фальсификаций. Так было и с митрополитом Антонием. Его нередко путали с другими известными Антониями начала века – в основном с митрополитом Антонием (Вадковским), но также, очевидно, и с лидером движения имяславцев Антонием (Булатовичем). Поэтому он оказывался то бывшим кавалеристом, то митрополитом Санкт-Петербургским – гонителем Льва Толстого³. Путаницу в именах двух иерархов можно

¹ Шамаро А. Указ. соч. С. 35-37.

² Там же. С. 36-37.

³ Грекулов Е.Ф. Церковь, самодержавие, народ (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 1969. С. 73; 175

объяснить, но как показатель понимания советскими авторами предмета описания можно привести следующий пример. В 1968 г. вышла книга с дневниковыми записями В.О. Ключевского, в которых историк назвал Антония (Храповицкого) епископом «волынским и искаротским»¹. Последний эпитет предполагал причастность его к составлению письма лидера Союза русского народа А.И. Дубровина с критикой митрополита Антония (Вадковского) – учителя Антония (Храповицкого). Авторы примечания к данной записи соединили двух Антониев в одно лицо, которое оказалось одновременно петербургским митрополитом и епископом «волынским и искаротским»²! Очевидно, что недобрая характеристика Ключевского была принята за чистую монету и в Русской Церкви начала XX века появился епископ «искаротский».

В 1991 г. вышла книга В.А. Алексеева «Иллюзии и догмы». Ее можно рассматривать как переходную работу от советской к новой российской историографии. Автор ставил под сомнение весь пласт советской историографии, утверждавшей контрреволюционную сущность Церкви в первые годы советской власти. Цель автора – обеление Патриарха Тихона и всей тогдашней Церкви в России от клейма контрреволюционности. Истории Зарубежной Церкви и фигуре митрополита Антония в этой работе было уделено значительное внимание. Однако в содержательной части, работа Алексеева оставалась в рамках предшествующей историографической традиции. Алексеев характеризовал митрополита Антония, во-первых, на основе работ советских авторов, главным образом Б. Кандидова, во-вторых, обращался к некоторым аспектам критики Зарубежной Церкви со стороны ее противников в эмиграции – митрополитов Евлогия (Георгиевского) и Вениамина (Федченкова). Причину разрыва с церковной властью помимо контрреволюционного настроения эмигрантского духовенства, автор видел во властных амбициях митрополита Антония. По его словам, Патриарх Тихон с

Позойский С. К истории отлучения Льва Толстого от церкви. М., 1979. С. 78-79.

¹ Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 302.

² Там же. С. 502.

самого начала был уверен, что за границей духовенство пойдет на разрыв с Патриархией: «...другого вряд ли можно было ожидать в той ситуации от руководителя съезда митрополита Антония, снедаемого гордыней и ненавистью к Советской России...»¹.

Таким образом, общий характер советской историографии, посвященной проблеме Зарубежной Церкви и личности митрополита Антония, определялся двумя факторами. Во-первых, отношение к Церкви и религии у представителей государственной атеистической идеологии изначально было негативным, во-вторых, обстоятельства возникновения Зарубежной Церкви, ее антисоветская направленность, дореволюционное прошлое ее основателей также делали ее непримиримым идеологическим врагом советской власти. Позиция советских историков по отношению к РПЦЗ, обусловленная обстоятельствами появления и характером риторики самой Зарубежной Церкви, хотя и была всегда однозначной негативной, но подходы к ней менялись. О советском классовом подходе в историографии Зарубежной Церкви, как и Русской Церкви в целом, в чистом виде можно говорить применительно к 1920 – 1930-м годам, когда государство работало на максимальное устранение церковного влияния на жизнь общества. На этом этапе отношение к Антонию (Храповицкому) формировалось в контексте антирелигиозной политики государства. Митрополита Антония позиционировали как часть единого с иерархами в России церковного руководства, ведущего антиреволюционную деятельность. В это время сформировались основные подходы к оценкам митрополита Антония, в дальнейшем практически не менявшиеся. В истории Русской Церкви он занял место активного помощника самодержавия и черносотенца.

Проблема непосредственной деятельности Зарубежной Церкви как самостоятельная проблема возникла после войны и сначала решалась с помощью авторов, представлявших официальную церковную позицию.

¹ Алексеев В.А. Указ. соч. М., 1991. С. 172.

Активизация антисоветских выступлений Зарубежной Церкви в 1960-е гг. заставила уже советских идеологов разрабатывать официальную позицию отношения к РПЦЗ, обращаясь, в том числе и к ее истории. Это заставило советских авторов обратиться к фактологическому материалу и воспринять выгодные им критические подходы оппонентов Зарубежной Церкви. Однако научная значимость советской церковной историографии с ее идеологической заданностью и узостью источниковой базы, современными историками справедливо оценивается как крайне низкая¹. В предложенном советскими авторами образе митрополита Антония было мало исторического, т.к. личность подгонялась под конкретный, очень ограниченный шаблон. В итоге получался своеобразный научный обман. Факты подавались фрагментарно, оценивались односторонне и не позволяли воссоздать объективную картину существования РПЦЗ и руководства ее митрополитом Антонием.

¹ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь и Патриарх Тихон (1920-1925 гг.). Автореф. дис... С. 5; Фирсов С.Л. Владыка Антоний (Храповицкий)... С. 333-334.

3.3. Церковная историография советского периода о митрополите Антонии (Храповицком)

Церковную историографию советского периода, с одной стороны, следует рассматривать как часть официальной государственной историографии. В условиях жесткого идеологического давления церковный взгляд на исторические вопросы не был возможен вне контроля государства. Поэтому как аксиома нами рассматривается факт невозможности в церковной историографии выражения взглядов, идущих вразрез с официальной государственной позицией. В то же время, давление государства на Церковь предполагало и обратное движение. Государство вступает в диалог с Церковью и существование Церкви в СССР, было результатом компромисса государства и Церкви. Это же можно сказать о церковной историографии как продукте церковной культуры. По словам современного историка М.В. Шкаровского, у государства в первой половине 1930-х гг. вырабатывается «план сотрудничества с Православной Церковью в сфере внешней политики»¹. Поэтому церковная историография – явление, допущенное властью, имело в себе две составляющие – официальную государственную и церковную.

Церковная историография появляется как культурный феномен в период, когда основной период сопротивления Церкви государственному давлению был уже пройден. (Выход в 1931 г. Журнала Московской Патриархии рассматривается как некоторая уступка со стороны государства в период гонений на Церковь²). Поэтому различия в трактовке некоторых аспектов церковной истории были возможны в государственной и церковной историографии. Если официальная историография позиционировала Церковь начала 1920-х гг. как контрреволюционную, то церковная позиция состояла в следовании «заветам» Патриарха Тихона в устройении Церкви в новых социально-политических условиях. Это основное различие государственной и

¹ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь... С. 123.

² Там же. С. 119.

церковной историографии интересующего нас исторического периода. Отношение к деятельности митрополита Антония в качестве руководителя Зарубежной Церкви всегда было предметом критики церковных авторов, но можно говорить о существовании некоторых нюансов отношения к этой проблеме.

Церковную историографию советского периода, упоминавшую митрополита Антония, можно разделить на несколько этапов. Первый – 1920-е – 1930-е гг., – когда отношение к деятельности Антония (Храповицкого) было представлено в официальных церковных документах¹ подконтрольных и главным образом инициированных советскими властными органами².

Во время Великой Отечественной войны начинается второй этап – на основе принятых актов формируется комплекс работ. В период войны у руководства страны появилась идея образования «системы государственного церковного единства», проводником которой с церковной стороны должна была стать Московская Патриархия. В отношении Зарубежной Церкви речь шла о возвращении ее в юрисдикцию Московской Патриархии³. Избранный в 1945 г. Патриарх Алексий I обратился к «архипастырям и клиру... карловацкой ориентации» с призывом к покаянию и возвращению «в ограду Церкви»⁴.

Основной объем работ пришелся на вторую половину 1940-х гг. (на период с 1945 по 1948 г.). В возрожденном Журнале Московской Патриархии вышло большое количество работ, посвященных проблеме Зарубежной Церкви. Главным объектом критики было тогдашнее руководство РПЦЗ, поэтому фигура митрополита Антония была по отношению к нему вторичной.

Спецификой антикарловацкой церковной публицистики было привлечение научной мысли со стороны: эмигрантов – участников событий

¹ Послание Заместителя Патриаршего Местоблюстителя... С. 157-164; Постановление Заместителя Патриаршего Местоблюстителя... С. 227-229.

² Анализ документов, показывающий реальное отношение церковной власти к Антонию (Храповицкому) представлен в работах современных авторов – см.: гл. IV.

³ Васильева О.Ю. Указ. соч. С. 32-33.

⁴ Обращение Патриарха Московского и Всея Руси Алексия... С. 12.

(С.В. Троицкий, А. Л. Казем-Бек) и недавно вошедших в лоно Православной Церкви бывших обновленцев (епископ Сергей (Ларин), А. Шишкин). Это было следствием выхолащивания в предыдущие десятилетия научной, публицистической сторон церковной жизни и очевидно сказывалось на характере работ.

В период с 1922 по 1934 гг. вышел ряд указов, направленных на ограничение деятельности Зарубежной Церкви, вплоть до запрещения зарубежных епископов в служении. Цель советской власти – нивелирование, а в идеале – прекращение, враждебной для нее деятельности представителей Зарубежной Церкви. Наибольшего успеха в этом вопросе советские органы добились при митрополите Сергии (Страгородском), сначала потребовав от зарубежных епископов подписки о лояльности, а в итоге запретив их в служении.

Показательно, что ни Патриарх Тихон, ни патриарший местоблюститель митрополит Петр (Полянский) не назначали епископов на киевскую кафедру. При этом Патриарх не был против личного отказа митрополита Антония от киевской кафедры. В письме Экзарху Украины митрополиту Михаилу (Ермакову) он писал, что «м[итрополиту] Антонию, пожалуй, лучше бы отказаться от Киева»¹. Схожие со своими предшественниками представления о зарубежных епископах и конкретно о митрополите Антонии, высказывал сначала и митрополит Сергей. В своем проекте послания к верующим в июне 1926 г. он говорил о невозможности наложения церковных наказаний зарубежному духовенству «за его неверность Советскому Союзу». «Это, – по словам митрополита, – дало бы лишний повод говорить о принуждении нас к тому советской властью»².

Первоочередная задача митрополита Сергия – избавиться от ответственности за антисоветские выступления зарубежного духовенства.

¹ Сухоруков А.Н. Малоизвестные страницы церковного служения Экзарха Украины митрополита Михаила (Ермакова) в 1922-1923 годах (по материалам следственного дела) // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. II:1 (30). С. 83.

² ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 21.

Поэтому выход здесь он видел в признании «гражданских обязательств перед Советским Союзом» или же уходом в другую церковную юрисдикцию. Подобная же мысль – о подчинении «местной православной власти», содержалась в его письме зарубежным архиереям в сентябре 1926 г.¹. Интересны здесь оценки митрополитом Сергием создавшегося положения. Он говорит о необходимости создания центрального органа управления, «...или же, если такого органа, общепризнанного всей эмиграцией создать, по-видимому, нельзя... и поэтому всем Вам пришло время встать на почву канонов и подчиниться (допустим, временно) местной православной власти...»². Т.е. митрополит Сергей вполне допускал иную – не каноническую возможность обустройства Русской Церкви в эмиграции. Это еще раз подчеркивает уникальность ситуации существования церковной эмиграции и схожести отношения к ней (в том числе и по отношению к каноническим вопросам, возможности отступления от буквы закона, которое не рассматривалось как церковное нарушение) и зарубежных иерархов, и их собратьев в России.

В документах 1930-х гг. митрополит Сергей представлял фигуры зарубежных иерархов вторичными – они управлялись политиками и из политических соображений стремились к независимости от Москвы³. Всего в оценках митрополита Сергия можно выделить три уровня отношения к проблеме Зарубежной Церкви. Упомянутую политическую, каноническую – неподчинение законной власти и стремление к автокефалии, и догматическую – он отмечал, что для представителей Зарубежной Церкви разногласия в отношении к Советской власти приобретают «почти догматическое значение»: «напр[имер] М[итрополит] Антоний в печати так и величает меня буквально «богоотступником»⁴. Акцент при этом делался на проблему каноническую.

В вышедшей в разгар войны книге «Правда о религии в России»,

¹ Письмо митрополита Сергия (Страгородского) зарубежным иерархам о заграничной смуте. Цит. по: Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1925-1938 гг. С. 501.

² Там же. С. 501.

³ Послание Заместителя Патриаршего Местоблюстителя Блаженнейшему Патриарху Сербскому. С. 158.

⁴ Цит. по: Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1925-1938 гг. С. 542.

провозглашалось единство Церкви, государства и народа. Поэтому акцент делался на важности существования Церкви в новых политических условиях – т.е. легализации Церкви в СССР, о необходимости которой, как было заявлено, мечтал Патриарх Тихон, и которая была осуществлена митрополитом Сергием. В этой работе в отношении Зарубежной Церкви, по сути, произошло возвращение к изложенным в «завещании» Патриарха позициям, с акцентом на антисоветскую деятельность иерархов. Поэтому путь, избранный митрополитом Антонием, признавался губительным для существования Церкви в новых условиях. Его фигура противопоставлялась фигуре Патриарха. При этом авторы признавали авторитет митрополита в церковной среде и говорили о нем как о возможно лучшем, с точки зрения человеческих понятий, иерархе. Однако, по их мнению, Высшая воля указала на Тихона, нахождение которого на патриаршем престоле стало благом для Церкви¹. Апелляция к авторитету Патриарха Тихона понятна. Патриарх был последним главой единой Церкви и обращение к его «заветам», как основе собственного авторитета, было общей чертой церковных руководителей и в эмиграции, и в Советском Союзе. Уже в постсоветское время исследователи отмечали, что «прещения митрополита Сергия (Страгородского) и его Синода никем всерьез не воспринимались...», поэтому «...Патриарх Алексей I не усумнился совершить панихиду на могиле митрополита Антония (Храповицкого) запрещенного митрополитом Сергием...»².

В книге «Правда о религии в России» основным лейтмотивом характеристики зарубежных иерархов было противопоставление их стране и народу, констатация контрреволюционной деятельности зарубежного духовенства, т.е., по сути, это была позиция, представленная ранее в государственной историографии. В позднейших работах вопрос отношения митрополита Антония к советской власти становится вторичным, либо же его

¹ Правда о религии в России. М., 1942. С. 44-48, 54-56.

² Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917-1943: Сб. в 2 ч. / Сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 810.

вообще не затрагивали. На первый план ставился вопрос единства Церкви и Антония (Храповицкого) рассматривали как нарушителя этого единства. Непослушание зарубежных епископов церковной власти называлось главной причиной раскола¹.

Говоря об эмигрантской деятельности митрополита Антония, авторы акцентировали внимание на двух моментах. Во-первых, причину образования Зарубежной Церкви видели в настроениях духовенства, не мыслившего Церкви вне государства. Степень подобной зависимости представляли по-разному. Одни приписывали митрополиту Антонию желание опеки государства над Церковью, другие писали об «абсолютной зависимости церкви от гражданской власти». Подобную фанатичность приписывал Антонию (Храповицкому) епископ Сергей (Ларин)². В этой оценке, имевшей место и до революции, и в эмиграции, видится воспроизведение автором основного мотива обновленческой критики Церкви. Второй и, пожалуй, главный вопрос церковной историографии того времени, касающейся митрополита Антония – его властолюбивые устремления. С.В. Троицкий, рассуждая о непринятии Антонием «декларации» митрополита Сергия, утверждал, что он принял бы ее, как он принял «завещание» патриарха, «если бы митрополит Сергей не встал на сторону митрополита Евлогия, и не потребовал решительно закрытия Карловацкого Синода»³. Т.е. Троицкий фактически церковные разногласия сводил к внутриэмигрантской борьбе за власть, и именно в оппонентах в эмиграции, в первую очередь митрополита Евлогия, по мысли автора, видел опасность митрополит Антоний. Неприятие действий митрополита Сергия, из-за его взаимодействия с советской властью, бывшее в восприятии современников главной причиной разрыва Зарубежной Церкви с Патриархией, в подобном изложении Троицкого, отходит на второй план.

¹ Ведерников А. За оградой Матери-Церкви. Указ. соч. С. 32-39; Сергей (Ларин), еп. Указ. соч. С. 26-31; Троицкий С.В. Идеология карловацкого раскола; Шишкин А. Путь духовной гибели. С. 46-51.

² Сергей (Ларин). Указ. соч. С. 28.

³ Троицкий С.В. Идеология карловацкого раскола. С. 46.

Таким образом, во второй половине 1940-х гг. вырабатывается линия церковной историографии отношения к митрополиту Антонию, просуществовавшая весь советский период. В последующие десятилетия проблема Зарубежной Церкви, в церковной историографии поднималась считанное число раз. В 1960 г. была издана книга С.В. Троицкого «О неправде карловацкого раскола», должна удовлетворить интерес церковного читателя.

Однако и в этой линии встречались исключения. Так как фигура Антония (Храповицкого) была вторичной к современным для авторов того времени зарубежным церковным деятелям, ее использовали и как авторитет против последователей митрополита Евлогия, подкрепляющий правоту церковной власти в Советской России. Некоторые нюансы деятельности митрополита Антония содержала вышедшая в 1969 г. и посвященная «парижскому расколу» статья А. Л. Казем-Бека, вернувшегося на родину эмигранта, бывшего лидера Союза младороссов. Казем-Бек словами митрополита Антония аргументировал необходимость аполитичности Церкви, когда тот разъяснял в положительном ключе «Покаянное заявление» Патриарха Тихона 1923 г. В его устах митрополит Антоний был фактически союзником Патриарха в этом деле, но под дурным влиянием позже отошел от верного пути. «Как выражался Патриарх Тихон, «злоумные люди» сильно влияли на митрополита Антония – когда-то властного архиепископа Волынского, но к старости обмякшего как-то и даже постоянно заливавшегося слезами под конец жизни». По словам Казем-Бека, митрополит Антоний при личной встрече говорил ему: «Ну, Владыка Евлогий может залгаться... Но Преосвященный Сергей, тот никогда не залжется». И как итог, подтверждающий верный курс руководства Церкви, приводит следующие слова Антония: «Я мог бы погубить нашу Церковь»¹.

В 1970-е – 1980-е гг. упоминание митрополита Антония в советской церковной историографии фрагментарно встречалось в контексте истории

¹ Казем-Бек А. Прошлое и настоящее парижского раскола // Журнал Московской Патриархии. 1969. № 4. С. 18.

богословия¹. Основная роль в борьбе с РПЦЗ была возложена на советских идеологов.

Таким образом, церковная историография советского периода, посвященная характеристикам РПЦЗ и митрополита Антония, хотя и была частью официальной государственной историографии, тем не менее, содержала типично церковные подходы к проблеме: акцент на канонические нарушения, и характеристика зарубежных иерархов как нарушителей единства Церкви. Основную составляющую идеологии Зарубежной Церкви видели в стремлении вернуть старую политическую систему, выгодную для ряда церковных деятелей. Роль митрополита Антония представлялась в реализации им своих властных амбиций. Основной период обращения церковных авторов к проблеме пришелся на середину – вторую половину 1940-х гг., когда государство рассматривало Церковь как важный инструмент внешней политики. Большая часть церковной историографии по отношению к митрополиту Антонию представляла собой вынужденное умолчание.

¹ Кирилл (Гундяев), архиеп. Богословское образование в Петербурге — Петрограде — Ленинграде: традиция и поиск // Богословские труды. Юбилейный сборник, посвященный 175-летию Ленинградской духовной академии. М., 1986. С. 19; Пителим (Нечаев), архиеп. «Церковь и свершение творения» (Доклад, прочитанный на конференции «Церковные дни-74» в Упсале, Швеция, 30 авг.-3 сент. 1974 г.). Журнал Московской Патриархии. 1975. № 1. С. 67.

Глава IV. Митрополит Антоний (Храповицкий) в отечественной историографии 1990 – 2000-х гг.

4.1. Отечественная историография 1990-х гг.: оценки митрополита Антония (Храповицкого) в условиях социально-политической трансформации страны

Социально-политическая трансформация страны серьезным образом касалась религиозной политики государства. Произошел отказ от официальной атеистической идеологии. Церковь становится активным участником общественной жизни. Интерес к истории Церкви, переосмысление ее роли в жизни страны, получили сильнейший импульс. История Русской Православной Церкви становится важным компонентом исторического и религиоведческого образования. История русской эмиграции, бывшая в предшествующей научной традиции предметом идеологически заданного ориентира, также оказывается объектом пристального интереса. В русской культуре эмиграции видят носителя практически неизвестного на родине сознания с совершенно иным уровнем патриотизма¹.

В новую фазу переходят отношения между РПЦЗ и Московской Патриархией. Еще на Поместном Соборе 1988 г. было принято «Обращение к чадам, не имеющим канонического общения с Матерью-Церковью» с призывом вести диалог для прекращения разделения. «... в основе существующих разделений лежат не вопросы веры, но внешние исторические обстоятельства», – было сказано в обращении². Уже в 1990 г. РПЦЗ получила возможность открывать свои приходы на территории СССР, продолжая считать духовенство Московской Патриархии отступившим «от чистоты Православия»³. Этот факт проводит своеобразную грань восприятия

¹ Сила нашей Церкви в единстве. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/guest/4672.htm> (дата обращения: 01.10.2019).

² Цит. по: Цыпин В. Указ. соч. С. 469.

³ Положение о приходах Свободной Российской Православной Церкви (Принятое Архиерейским Собором Русской Православной Церкви Заграницей 2/15 мая 1990 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

Зарубежной Церкви – до этого она была расколом историческим, некогда совершенным, теперь же стала расколом действительным¹. Официальным ответом на эти действия Зарубежной Церкви стал призыв Архиерейского Собора Русской Православной Церкви в октябре 1990 г. к зарубежным иерархам не чинить разделений. «... мы вновь протягиваем им руку, призывая к открытому и честному диалогу по всем вопросам, вызывающим разногласия между нами»². Через год, в октябре 1991 г. Патриарх Алексий II в письме участникам Конгресса соотечественников говорил: «Внешние оковы агрессивного безбожия, долгие годы связывавшие нас, пали. Мы свободны, и это создает предпосылки для диалога, ибо именно свобода нашей Церкви от гнета тоталитаризма была тем условием встречи с заграничными братьями и сестрами, о котором неоднократно говорило Священноначалие Русской Зарубежной Церкви. Сегодня нужно преодолеть горечь, раздражение, личную неприязнь... Со всей искренностью говорю: мы готовы к диалогу. Как только Священноначалие Русской Зарубежной Церкви выразит такую же готовность, мы незамедлительно встретимся с его представителями для обсуждения того, что волнует их и нас»³.

Таким образом, к началу 1990-х гг. священноначалием РПЦ было признано несвободное положение Церкви в годы советской власти и свободное ее состояние теперь, а, следовательно, и возможность диалога с Русской Зарубежной Церковью, т.е. принимались условия, сформулированные в Зарубежной Церкви еще в 1920-е гг.

Все это служило стимулом обращения к истории РПЦЗ и сказывалось на характере ее интерпретации. Московская Патриархия оказывается в условиях публичного противостояния с Зарубежной Церковью. Ранее практически полностью закрытый пласт эмигрантской историографии стал известен отечественным исследователям, многие из этих работ были переизданы в

<https://sinod.ruschurchabroad.org/Arh%20Sobor%201990%20Polojenie%20o%20prihodah.htm> (дата обращения: 01.10.2019).

¹ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь. С. 20.

² Русская Православная Церковь Заграницей.

³ Там же.

России. Начинается новый историографический этап. Идеологическая составляющая – необходимость дать ответ на претензии представителей Зарубежной Церкви, становится важной частью научного процесса.

Отечественные исследователи осознавали недостаточность исторических знаний необходимых, в том числе, и для защиты советского церковного прошлого: действий Патриарха Тихона и особенно митрополита Сергия в 1920-1930-е гг. от нападок представителей РПЦЗ, критику которых трактовали как недобросовестную¹. Отечественные авторы, как представители Церкви, так и светские авторы, ей сочувствующие, встают перед необходимостью анализа и интерпретации истории РПЦЗ: обстоятельств ее появления, отношений с Церковью в России, механизмов внутреннего развития и т.п.

Имя митрополита Антония на этом этапе было представлено в специальных работах, посвященных истории РПЦЗ², истории русской эмиграции³, работах по истории Русской Церкви, отдельные место в которых было посвящено митрополиту Антонию⁴.

В своей содержательной части работы отечественных авторов в этот период были написаны в контексте апологии деятельности церковного руководства в 1920-е – 1930-е гг. Факт давления советской власти на Церковь в целом признавался, но конкретные его обстоятельства еще не были известны, поэтому в этих трудах невыполнение руководством Зарубежной Церкви указов из России, представлялось как незаконное неподчинение⁵.

Естественно, взгляды митрополита Антония в самом широком их спектре становились объектом внимания исследователей, что не могло не привести к попыткам вывести фигуру архиерея из рамок сложившегося ранее

¹ Соловьев И. Из истории Христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1995. С. 6.

² Косик В.И. Указ. соч; Митрофанов Г. Указ. соч.

³ Политическая история русской эмиграции: 1920-1940 гг. М., 1999.

⁴ Бычков С.С. Указ. соч; История Русской Православной Церкви. От восстановления Патриаршества...; Цыпин В. Указ. соч.

⁵ История Русской Православной Церкви. От восстановления Патриаршества... С. 629.

тенденциозного образа.

Ряд авторов, опираясь на труды эмигрантских критиков РПЦЗ, передавал их взгляд на проблему. Описание велось с позиций изначального противостояния карловчан и Патриархии. Иногда с большими фактическими ошибками создавался образ Русской Церкви, разделенной на сторонников митрополита Антония и Патриарха Тихона¹. В целом, на новом историографическом этапе признавался факт беспрецедентности условий, в которых оказалась Русская Церковь и в которых должны были действовать митрополиты Сергей, Антоний и Евлогий, «исходя из различного, порой, понимания пользы церковной»². Поэтому рассматривая роль митрополита Антония в деятельности Зарубежной Церкви, исследователи разделяли ее церковный и патриотический аспекты. Авторы делали акцент на канонических нарушениях, но политические выступления митрополита Антония рассматривались как вынужденные и порой даже необходимые. Так, авторы «Истории Русской Православной Церкви», даже видели недостаток митрополита Евлогия, в его стремлении освободить Церковь «от политических страстей», т.к. это было выгодно больше советским противникам Церкви³. Из эмигрантской традиции был воспринят тезис о наивности митрополита Антония – веры в реальность возвращения к старой, дореволюционной жизни⁴.

Одним из первых отечественных авторов, обратившихся к истории становления Зарубежной Церкви, был протоиерей Г. Митрофанов. Он признавал неопределенность положения оказавшегося в эмиграции духовенства, которое было вынужденно на первом этапе для нормализации церковной жизни идти на канонические нарушения. Позднейшая ссылка их на постановление № 362 и наделение митрополита Антония полномочиями главы церковного управления, также, по его мнению, неканонична. В то же время он

¹ Раев М.И. Указ. соч. М., 1994. С. 157.

² История Русской Православной Церкви. С. 641.

³ Там же. С. 629.

⁴ Там же. С. 591.

называл нравственно и исторически оправданной деятельность епископов, желавших упорядочивания церковной жизни¹. Также понятным исторически Митрофанов называл и неисполнение указа о роспуске ВЦУ. Он объяснял это комплексом причин. Во-первых, опасением за положение Церкви в России в связи с арестом Патриарха и активной деятельностью обновленцев, во-вторых, разногласиями в среде Зарубежной Церкви между крайне правыми кругами, поддерживающими митрополита Антония и митрополитом Евлогием, в-третьих, неоспоримым авторитетом Антония, который для значительной части церковной эмиграции являлся важным условием «церковного единства» за рубежом. Но если исторически это решение было объяснимо, то с церковных позиций оно было, по мнению автора, неприемлемо².

В рамках патриотической позиции Митрофанов рассматривал и политическую деятельность митрополита Антония. Он признавал существование на Карловацком Соборе коалиции между Антонием и монархистами, результатом чего стало соборное решение о восстановлении династии Романовых и обращение к Генуэзской конференции. Однако цели владыки и членов Высшего Монархического Совета, автор разделял. Антоний, по его мнению, был исполнен «искреннего, хотя и далекого от реального понимания российских событий стремления выступить на защиту гонимых православных христиан России», монархисты же стремились провести «установки» Монархического Совета в качестве официальных документов русской эмиграции³. Митрофанов, анализируя церковную обстановку в России и эмиграции, обращает внимание на такой фактор как духовное единство двух частей русского духовенства. И здесь важнейшим показателем была позиция митрополита Антония. Его отношение к указам церковной власти, по мнению Митрофанова, являлась важным показателем, фиксирующим степень духовного единства представителей двух частей

¹ Митрофанов Г. Указ. соч. С. 14-18

² Там же. С. 31-32.

³ Там же. С. 20-22.

Русской Церкви, на фоне начавшегося между ними разномыслия во взглядах на церковные задачи. Так, он подчеркивал важность объяснения митрополитом Антонием заявления патриарха 1923 г., в котором тот говорил о решительном отмежевании «как от зарубежной, так и от внутренней монархистско-белогвардейской контрреволюции»¹. Статья митрополита «Не надо смущаться», показывала силу «духовного понимания» между ним и Патриархом, когда он, верно, распознал и объяснил причину действий последнего. Митрофанов отметил именно личное духовное единство и понимание двух иерархов, тогда как статья Антония не стала официальной позицией Архиерейского Синода². Т.е. Митрофанов признавал неоднородность позиции руководства Зарубежной Церкви, говоря, что мнение митрополита Антония не обязательно было представлено в качестве официального. Тем не менее, его твердая позиция сдерживала чересчур ригористичные выступления критиков действий патриарха. Опять же, именно негативная реакция митрополита Антония на «Завещание» патриарха стала показателем «глубокого разномыслия в понимании исторических задач, стоявших перед Русской Православной Церковью»³. Позиция Антония, таким образом, по мысли Митрофанова, не была главной в практическом плане решений Синода, но была важной в плане идейном.

В более поздней своей работе Митрофанов продолжил анализировать понимание духовенством в России и эмиграции духовных задач. Признавая несвободный характер указов патриарха Тихона и митрополита Сергия относительно зарубежного духовенства, он в то же время, говорил и об объективных причинах различий взглядов церковных деятелей в России и в эмиграции. 1923 г. Митрофанов называл переломным в вопросе отношения

¹ Там же. С. 34.

² Там же. С. 34.

³ Там же. С. 50. Следует добавить, что в период опубликования работы Г. Митрофанова еще не было известно об обстоятельствах давления на патриарха со стороны властей в процессе составления «Завещания», в частности, что опубликованный после смерти святителя вариант документа не был полностью составлен им. Таким образом, тезис о подложности «Завещания» высказанный митрополитом Антонием, и за который Митрофанов критикует владыку, что он способствовал «распространению в русской православной эмиграции сомнений относительно подлинности этого важного церковного документа» и бросал «тень на руководство Русской Церкви», был верен.

патриарха Тихона к большевикам, когда со стороны Церкви прекращается критика властей. Митрофанов отмечает, что даже в период острого противостояния митрополита Сергия с оппозицией в России в лице митрополитов Кирилла (Смирнова) и Иосифа (Петровых), вопросы борьбы с большевиками не возникали, а полемика велась с канонической и эклезиологической позиций. «Как для митрополита Сергия, так и для его оппонентов было очевидно, что никакого массового, организованного сопротивления большевизму в России не существовало»¹. В этом автор видит принципиальную причину расхождений, т.к. эмиграция продолжала все это время нести флаг антибольшевизма. «Нравственный пафос» декларируемой в эмиграции борьбы с большевизмом, обусловленный неверием в отказ русского народа от этой борьбы, имел место и в сознании церковных иерархов, и лично Антония (Храповицкого), считавшего необходимым продолжение вооруженной борьбы. Одним из показателей такого отношения, Митрофанов называет обращения митрополита Антония «не склонного... особенно апеллировать к западному христианству, и к Папе Римскому, и даже к не христианским религиям в связи с тем, что они выступали против гонений, воздвигаемых большевиками на Церковь»².

Протоиерей В. Цыпин также причину политизации Зарубежной Церкви видел в активной роли монархистов, которая началась с монархического съезда в Бад-Рейхенгале. Видя неудобную им умеренную политическую позицию митрополита Евлогия, они препятствовали его деятельности в подготовке церковного собрания. И если инициатором Карловацкого Собора был епископ Вениамин (Федченков), то практическую его подготовку вели митрополит Антоний, Е.И. Махараблидзе, Н. Тальберг и П. Граббе³. Главную проблему митрополита Антония и РПЦЗ в целом Цыпин видел в непонимании серьезности собственных действий, в своеобразном церковном и

¹ Митрофанов Г., прот. Пастыри и пасомые [Электронный ресурс] // Гражданинъ. 2003, №5. – Режим доступа: <http://www.grazhdanin.com/> (дата обращения: 01.10.2019).

² Там же.

³ Цыпин. В. Указ. соч. С. 556.

патриотическом эгоизме. Так, антониевское «Обращение к народам мира» – очередной призыв помочь уничтожаемому русскому народу, автор назвал искренними, исполненными действительной болью, но в то же время опасными, поскольку они наносили большой вред церкви в России, давая властям дополнительный повод для антицерковных действий¹.

Общий настрой представителей Зарубежной Церкви, Цыпин считал изначально направленным на разрыв с центральной властью. Одним из обстоятельств, доказывающих это, по мнению автора, было изменение позиции Синода по вопросу польской автокефалии. «Несмотря на весь российский патриотизм, уязвимость статуса Карловацкого Синода, его стремление к административной независимости от Московской Патриархии, ставшее вполне откровенным после кончины Патриарха Тихона, подтолкнули митрополита Антония и его сторонников к изменению ранее определившейся линии непризнания польской автокефалии»².

Цыпин обращает внимание на письмо митрополита Антония митрополиту Сергию 1933 г., как аргумент, доказывающий признание Антонием единства позиции патриарха Тихона и митрополита Сергия по отношению к Зарубежной Церкви, в котором митрополит Антоний назвал указ 1922 г. о роспуске ВЦУ незаконным. Тем самым Цыпин опровергал утверждения апологетов РПЦЗ о том, что митрополит Антоний четко противопоставлял действия Патриарха Тихона и митрополита Сергия из чего, соответственно, исходило законное неподчинение последнему зарубежного духовенства³.

Следует, однако, отметить, что мнение о незаконности указа, выраженное в письме, представляло собой официальную позицию защитников Зарубежной Церкви, оформившуюся к началу 1930-х гг., тогда как источники 1920-х гг. показывают, что у митрополита Антония тогда не было однозначного мнения об этом указе и в это время происходило формирование

¹ Там же. С. 567.

² Там же. С. 230.

³ Там же. С. 579.

его позиции, естественно в процессе влияния окружения. Следует помнить и его оправдание, и объяснение заявления Патриарха 1923 г. Поэтому этот аргумент можно считать показателем взглядов митрополита Антония в конкретный период, но не рассматривать как однозначное доказательство неизменного отношения митрополита к руководству Русской Церкви, на протяжении всего периода эмиграции, учитывая к тому же особенности характера митрополита, о чем упоминал и сам автор: «Письмо это характерно для митрополита Антония, человека прямого, искреннего, но увлекающегося, нетерпимого к другим и весьма легко пренебрегающего соображениями канонической скрупулезности»¹.

Большое значение имела работа В.И. Косика, посвященная церковной эмиграции в Сербии, в которой автор, опираясь на широкий спектр мнений современников событий, воссоздавал атмосферу церковной эмиграции. Косик говоря о гражданской позиции митрополита Антония, попытался разобраться в особенностях понимания владыкой монархии. В частности, он дал свою оценку тезису архиепископа Иоанна (Шаховского), который видел во взглядах митрополита Антония пример опоры Церкви в историческом плане на кесаря. По мысли Косика, здесь необходимо учитывать конкретные исторические условия – «время, «разъедавшее» православие». То есть архипастырь выступает здесь не просто как православный монархист, думающий о величии Церкви при Царе, а как государственный призванный «заботиться о сохранении, укреплении православия в России, в русском народе»². Однако, именно в том, что государственные идеи первенствовали над идеями церковными и заключался, по мнению автора, основной минус деятельности митрополита Антония для Русской Церкви. Поддержка организаций, которые строили свою политику на антибольшевистской платформе, содействовала, по словам Косика, «крайне бедственному положению Православной Церкви в России»³. Пример опасности антикоммунистической деятельности эмиграции,

¹ Там же. С. 579.

² Косик В.И. Указ. соч. С. 31.

³ Там же. С. 124.

автор подкреплял словами современника. Е.В. Саблин в 1934 г. писал о Братстве Русской Правды: «Я очень опасаясь, что многие из нас, которые так любят кричать об активизме и непримиримости, находясь сами в безопасности и не имея даже никаких связей с Россией, подражают, быть может вполне благонамеренно, деятельности «Братства русской правды» и не отдают себе отчета в том, какое оружие они дают в руки большевикам для истребления неугодных им элементов в нашем отечестве... Единственное, что я считал бы нужным и полезным, это обратить внимание нашей эмиграции на бесполезность и даже вредность всякого публичного выражения одобрения террористическим актам в России и на желательность строгого воздержания наших эмигрантов от публичного выражения каких-либо мнений, могущих поставить в опасное положение лиц, ведущих в России активную борьбу... среди эмиграции имеется еще много элементов, которые готовы с легким сердцем подвергать смертельной опасности русских в России, выносить на своих собраниях бравурные резолюции и подвергать этим смертельной опасности бойцов в самой России, если они имеются»¹. Признавая большое влияние митрополита Антония на идеологию Зарубежной Церкви, Косик, в то же время, основываясь на воспоминаниях современников (В. Маевского, епископа Василия (Родзянко), разделял эмигрантов-ригористов и Антония (Храповицкого). Так, по воспоминаниям епископа Василия, после состоявшегося в 1933 г. примирения митрополитов Евлогия и Антония, «граф Граббе, Петр Сергеевич Лопухин и целый ряд «очень праведных людей», воспрепятствовали совместному служению иерархов, заявляя, что примирение – их личное дело, «а здесь – вопрос принципа»². П.С. Лопухина и подобных им, оппоненты, по словам епископа Василия, «называли нашими новыми староверами», «старообрядцами» заграничного происхождения... П.С. Лопухин, Н.П. Рклицкий, Г.П. Граббе «мыслили в стиле и духе Св. Синода петербургского периода, забыв, что надо иначе. Синодалы утверждали: «Мы

¹ Там же. С. 123-124.

² Там же. С. 46.

центр, все должны нас слушать»¹. Говоря по сути, – делает вывод В.И. Косик, – они стремились осуществлять своеобразный партийный надзор и контроль в Сремских Карловцах. И масла в огонь внутрицерковной борьбы подливали именно «синодалы», стремившиеся быть «правее» своих владык»².

Выйдя за рамки канонических споров, В.И. Косик попытался создать психологический портрет митрополита Антония с его сильными и слабыми сторонами. Таким образом, описываемый спектр эмигрантской деятельности митрополита Антония расширялся. Открывая нового Антония, авторы упоминали и однозначно положительные стороны деятельности митрополита Антония для русской эмиграции: его протест признания Константинопольским Патриархом обновленческого «синода» в России, руководство братством Святой Руси имени Св. Владимира³. Митрополит Антоний представал собирателем эмиграции на православной основе.

Расширение образа митрополита Антония приводило к введению в научный оборот сведений, совершенно не вяжущихся с прежними представлениями о нем. Так, И.В. Соловьев отмечал, что Антоний имел «более сдержанную позицию в отношении оценки действий митр. Сергия», чем его последователи. Он приводит свидетельство современника: «В последние годы митр. Антоний постоянно носил панагию, подаренную ему митр. Сергием (на ее оборотной стороне было выгравировано: «Дадите нам от елея вашего, ибо светильники наши угасают») и говорил, что он не мог бы поступить иначе в России, чем поступает там митр. Сергей, но и митр. Сергей, будто бы, не смог бы вести себя иначе, чем вел себя в эмиграции митр. Антоний. Это свидетельство, а равно и ряд др. фактов позволяют предполагать, что позиция митр. Антония по отношению к Декларации 1927 г. была навязана ему его злоумным окружением»⁴.

На основе открывающихся источников, в этот период у исследователей

¹ Там же. С. 116.

² Там же. С. 116.

³ Там же. С. 482.

⁴ Феодосий (Алмазов), архим. Мои воспоминания (Записки соловецкого узника). М., 1997. С. 219-220.

происходят попытки иного, более детального взгляда на историю Зарубежной Церкви. Процессы, происходящие внутри нее, уже не представлялись столь однозначными. Роль митрополита Антония, также пересматривалась. Некоторая корректировка в отношении к митрополиту Антонию происходила и у апологетов РПЦЗ. Так, М.В. Назаров, в целом продолжая линию сторонников Зарубежной Церкви, называл провиденциальным выборы Патриарха на Поместном Соборе – жребий, павший на Тихона и назначение митрополита Антония его заместителем. России в тех условиях нужен был «смиранный Тихон, защищавший Церковь ценою личных (но не церковных) ... уступок», а эмиграции «необходим авторитетный и бескомпромиссный Антоний», способный выполнить объединяющую роль¹. Однако говоря о проблеме восприятия монархии, Назаров признавал некоторые ошибки руководства Зарубежной Церкви и митрополита Антония лично, хотя прямо об этом не писал. Он говорил о наличии двух уровней воплощения монархической идеи в эмиграции: реставраторско-политического, заключающегося в практических мерах, и нравственного, суть которого состояла в осознании всенародного греха за революцию². Именно нравственный принцип, по мнению автора, и стремились закрепить на Карловацком Соборе, говоря о большевистской власти как незаконной. Однако ошибкой Собора было то, что при провозглашении призыва к восстановлению Дома Романовых, не был подчеркнут духовный смысл (мысль о народном покаянии), а не политический аспект этого призыва³.

Очевидно, признавая за митрополитом Антонием следование нравственному принципу, Назаров, в то же время его поддержку князя Кирилла Владимировича называл «потребностью в государственном полюсе для объединения эмиграции»⁴. То есть косвенно признавал включение митрополита Антония в орбиту политического принципа, усугубившего

¹ Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. С. 195.

² Там же. С. 197-200.

³ Там же. С. 200.

⁴ Назаров М.В. Указ. соч. С. 197.

духовную атмосферу эмиграции. Здесь следует напомнить, что митрополит Антоний на Карловацком Соборе и после него солидаризировался с мнением представителей именно реставраторского течения, беря на вооружение их аргументы¹. Таким образом, в конструкции Назарова Антоний (Храповицкий) получается одновременно носителем двух принципов – политического и нравственного. Здесь мы видим признание непоследовательности, двойственности монархических взглядов митрополита Антония. Другой представитель РПЦЗ – иерей Николай (Артемов) также говорил об особой линии митрополита Антония в вопросе династии, называя ее «нравственно правильной»².

¹ См.: гл. 1. 3.

² Георгий (Ореханов), иерей, Ефремова О.Н. Указ. соч. С. 587.

4.2. Митрополит Антоний (Храповицкий) в отечественной историографии 2000-х гг.

Новый историографический этап начался на рубеже веков, на фоне сближения РПЦЗ и РПЦ. Процессы сближения двух частей Русской Церкви, породили прорыв в обращении к истории. Снижение напряжения, уход от взаимных обвинений, полемического характера работ, позволял обратиться к проблеме личности митрополита Антония без былого пристрастия.

Происходил процесс выявления всего спектра спорных, болезненных вопросов. Важным этапом стала прошедшая в 2001 г. в Венгрии конференция «История Русской Православной Церкви в XX веке (1917–1933 гг.)» с совместным участием светских и церковных зарубежных и отечественных исследователей¹. Имя митрополита Антония на новом этапе упоминалось в следующих комплексах историографических источников: исследованиях внутренних процессов РПЦЗ², работах, описывающих деятельность митрополита Антония в рамках истории дореволюционной Церкви³. Появились работы, анализирующие мировоззрение митрополита Антония⁴, его исторические взгляды⁵. В энциклопедических изданиях имя митрополита Антония рассматривается в самом широком спектре его деятельности⁶.

Следует отметить, что специальных работ, посвященных непосредственно личности митрополита Антония, было не много относительно общей массы работ, посвященных истории РПЦЗ и истории

¹ История Русской Православной Церкви в XX веке (1917-1933).

² Кострюков А.А., Тягунова Н.Ф. Новые документы по истории взаимоотношений между патриархом Тихоном и Карловацким Синодом // Вестник ПСТГУ. II. 2008. Вып. II:3 (28). С. 119-125; Мазырин А. Патриарший местоблюститель... С. 241-250.

³ Лавров В.М., Лобанов В.В., Лобанова И.В., Мазырин А.В. Иерархия русской Православной Церкви, Патриаршество и государство в революционную эпоху. М, 2008; Фирсов С.Л. Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002.

⁴ Гаврюшин Н.К. Указ. соч; Фирсов С.Л. Владыка Антоний (Храповицкий)...

⁵ Бондарева Е.А. Историческая судьба России в трудах иерархов Русской Православной Церкви за рубежом: Митрополит Антоний (Храповицкий), митрополит Анастасий (Грибановский), митрополит Серафим (Соболев) // Бялата эмиграция в България. София, 2001.

⁶ Общественная мысль русского зарубежья. С. 180-182; Православная энциклопедия. С. 646-657; Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. С. 41-43; Философы России XIX-XX столетий. С. 858.

дореволюционной Церкви.

Начавшееся в 2000-е гг. движение к воссоединению с Московским Патриархатом было принято не всеми представителями РПЦЗ. Часть из них пошла на раскол. В историографическом плане это выразилось в сохранении линии продолжавшей традиции крайнего течения Г. Граббе, рассматривавшей Московский Патриархат как внецерковное сообщество¹. Одним из наиболее крупных авторов данного направления является В. Мосс. По его мнению, Митрополит Антоний рассматривал «Декларацию» митрополита Сергия как «отступничество в период гонений»². Автор представляет их противостояние в идейном плане еще с начала века: Антоний – консерватор и патриот, и симпатизирующий «западным течениям мысли» Сергий,³. Очевидно, принадлежность автора к определенному церковному направлению, вызывает стремление разделить двух иерархов по принципу верности их религиозных взглядов святоотеческой традиции.

Одним из ранее почти не изученных вопросов, получивших в последнее время широкое освещение, стал вопрос отношения церковного руководства к Зарубежной Церкви⁴. Обращение к новым источникам позволило по-новому взглянуть на характер действий Патриархии по отношению к иерархам Зарубежной Церкви. Они показали в принципе несвободный характер документов и подложность некоторых из них. Соответственно, они показывали объективное отношение церковного руководства к РПЦЗ, а также степень заинтересованности советских органов к ослаблению активности

¹ Вениамин (Жуков), прот. Указ. соч.; Мосс В. Указ. соч.

² Мосс В. Указ. соч.

³ Там же.

⁴ Дамаскин (Орловский), иером. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 1996. Кн. 2, С. 478-490; Мазырин А., иерей. Вопрос о замещении... Вып. 2(23); 3(24); Он же. Патриарший местоблюститель...; Петров С.Г. Освобождение патриарха Тихона из-под ареста: источниковедческое изучение «покаянных документов» // История Русской Православной Церкви в XX веке (1917 – 1933). Мюнхен, 2002; Архивы Кремля. Политбюро и Церковь; Применить к попам высшую меру наказания // Источник. 1995. № 3(16). С. 114-131; Сафонов Д.В. К вопросу подлинности «Завещательного послания» св. Патриарха Тихона // Богословский вестник. 2004. Т. 4. № 4. С. 265-311; Он же. Патриарх Тихон и Советская власть: проблема государственно-церковных отношений в 1922-1925 гг. Дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 2004; Следственное дело Патриарха Тихона.

Зарубежной Церкви под руководством митрополита Антония.

Исследование отношения Патриарха Тихона, митрополита Петра и других иерархов к зарубежным архиереям и лично к митрополиту Антонию, показало, что они подходили к Зарубежной Церкви с канонических позиций и сопротивлялись давлению властей, требовавших скорейшей расправы над иерархами эмиграции. Это давление происходило как напрямую, так и через представителей Церкви, сотрудничавших с властями.

Так, выступление против «главы карловчан» митрополита Антония было одним из условий освобождения Патриарха из-под стражи летом 1923 г, следствием чего стали «покаянные» заявления первосвященника. С.Г. Петров исследуя эти документы, наглядно показал, что Патриарх выполнял условия, изложенные Е. Ярославским¹.

Примером косвенного давления инициированного ГПУ, по мнению современных авторов, является письмо двух архиереев – Серафима (Александрова) и Тихона (Оболенского) Патриарху, в котором они высказывали недовольство действиями митрополита Антония говорящего по их словам «как бы от имени и всего Русского народа и от имени всей пр[авославной] Рус[ской] церкви...»².

Д.В. Сафонов, исследовавший историю происхождения «Завещания» Патриарха Тихона, отмечал, что отказавшийся дать осуждение деятельности митрополита Антония еще во время допросов 1922 – 1923 гг., Патриарх, и в тексте «Завещания» также настаивал на законном и более мягком отношении к зарубежному духовенству. Согласно формулировке Патриарха, суд над ними мог быть осуществлен «законным Собором»³. Также в редакции Патриарха не было слов об «изменнической, антицерковной и контрреволюционной» деятельности представителей Зарубежной Церкви, которые вышли в опубликованной после смерти патриарха редакции послания. Протоиерей А.

¹ Петров С.Г. Указ. соч. С. 214.

² Кострюков А.А., Тягунова Т.Ф. Указ. соч. С. 121, 122.

³ Сафонов Д.В. К вопросу подлинности... С. 273-274.

Мазырин обратил внимание на невключение в окончательный вариант документа имени митрополита Евлогия. Это, по его мнению, было сделано сотрудниками ОГПУ специально, чтобы посеять раздор между иерархами. Митрополит Евлогий же, расценил это как оценку собственной легитимности в глазах церковной власти¹.

А. Мазырин в своих работах продолжил исследование проблемы отношения церковной власти к зарубежным архиереям в 1920-е гг. и, в частности, вопрос замещения киевской кафедры, которую формально продолжал занимать митрополит Антоний. Помимо отношения к зарубежному духовенству Патриарха Тихона, митрополита Петра и других иерархов, а также авторитетных церковных деятелей, исследования Мазырина показывали также степень заинтересованности советских органов к решению эмигрантского церковного вопроса. Несмотря на острую необходимость наличия в Киеве архиерея, ни Патриарх, ни местоблюститель не освобождали митрополита Антония с этой кафедры, т.к. кандидатура на это место должна была быть выбрана на Всеукраинском Соборе и только после этого утверждена Патриархом. Поэтому решение украинского Синода 1922 г. об освобождении владыки Антония от Киевской митрополии, было аннулировано Патриархом как незаконное².

Митрополит Петр, несмотря на давление советских органов, также продолжал считать Антония действующим киевским митрополитом. На вопрос «Известий» о реализации изложенных в «завещании» Патриарха санкций в отношении зарубежных епископов, митрополит Петр ответил, что не имеет полномочий, решать эти вопросы самостоятельно, т.е., по мнению Мазырина, «будучи не в состоянии отвергнуть открыто политическую программу «Завещания», митрополит Петр использовал тактику оттягивания ее проведения в жизнь под благовидным предлогом недостатка своих

¹ Мазырин А. Патриарший местоблюститель... С. 242-243.

² Мазырин А. Вопрос о замещении... Вып. 2(23). С. 59-62.

полномочий»¹. Обвинения митрополита Петра строились по той же схеме сотрудничества с эмигрантами монархистами, что и обвинения Патриарха. Согласно обвинительному заключению перед митрополитом Петром было два пути: идти по линии, провозглашенной в «завещании» Патриарха, и получить оппозицию в лице эмигрантов-монархистов или же присоединиться к ним. «Петр выбрал второе. Начав с замалчивания и игнорирования завещания Тихона и постепенного осуществления некоторых церковных взглядов черносотенцев, он вскоре положил конец всякой травле с их стороны и даже начал пользоваться серьезной поддержкой еще более усилившейся, когда он, начиная с осени 1925, перешел к проведению линии черносотенцев в области политической. Первым его шагом в этой области было оставление Киевской митрополии под главой эмигрантского русского духовенства, черносотенцем Антонием Храповицким, уже потерявшего всякие права быть таковым, что признано большинством видных церковных деятелей»². На первом допросе митрополит Петр заявил, что не может увольнять Антония Храповицкого лично, и что он не видит за ним церковных нарушений³. Мнение о законности оставления титула митрополита Киевского за митрополитом Антонием разделял и авторитетный в церковной среде бывший обер-прокурор В.К. Саблер⁴.

Отказ от санкций в отношении иерархов-эмигрантов стал, таким образом, главным поводом преследования митрополита Петра, причем отказ его от смещения митрополита Антония с киевской кафедры, стал основным аргументом обвинения. Исследования Мазырина, таким образом, показывало проведение последовательной канонической линии глав Русской Церкви – Патриарха Тихона и местоблюстителя патриаршего престола митрополита Петра в отношении представителей Зарубежной церкви и лично митрополита Антония. Работа Мазырина также дает некоторые сведения относительно

¹ Мазырин А. Патриарший местоблюститель... С. 243-244.

² Мазырин А. Вопрос о замещении... Вып. 3 (24). С. 130.

³ Мазырин А. Патриарший местоблюститель... С. 248-249.

⁴ Мазырин А. Вопрос о замещении... Вып. 3 (24). С. 125-126.

мнения митрополита Петра на действия зарубежных иерархов. Митрополит Петр фактически уклонился от какого-либо решения в отношении Зарубежной Церкви, предоставляя ее иерархам самостоятельно решать свои проблемы. «Живи как живешь», – такой ответ дал митрополит Петр митрополиту Евлогию¹.

Одним из важных вопросов привлекающих внимание исследователей, стал вопрос появления в Зарубежной Церкви тенденции к автономии. В рамках этой проблемы стоял вопрос о деятельности духовенства на юге России².

Ряд авторов рассматривали ВВЦУ как источник будущей обособленческой деятельности Зарубежной Церкви. Для Д.В. Поспеловского противостояние карловчан во главе с митрополитом Антонием с церковной властью было предопределено, во-первых, тем, что многие представители белого движения были настроены против Патриарха Тихона, т.к. он провозгласил курс на аполитичность, во-вторых, изначально симпатиями правых к митрополиту Антонию. А.В. Попов видел в действиях ВВЦУ зачатки «вольного отношения к канонам и церковной дисциплине»³. Возникнув как необходимость в период хаоса Гражданской войны, Церковное Управление стало самостоятельно действующим, альтернативным от власти Патриарха органом, продолжившим этот курс в эмиграции⁴. Н.Т. Энеева видела большое влияние митрополита Антония в становлении этого курса. Она отметила, во-первых, активную деятельность Антония в должности почетного председателя ВВЦУ: «митрополит Антоний сразу стал фактическим главой ВВЦУ юго-востока России: осенью 1919 года по всем основным вопросам, прошениям, адресованным ВВЦУ, основные резолюции выносил митрополит Антоний»; во-вторых, говорила о политическом характере церковной деятельности на

¹ Мазырин А. Патриарший местоблюститель... С. 246.

² См.: Кашеваров А.Н. Временные церковные управления на территориях, занятых белыми // История Русской Православной Церкви в XX веке (1917 – 1933). Мюнхен, 2002; Кострюков А.А. Временное высшее церковное управление... ; Попов А.В. История русских зарубежных церковных разделений в XX в. // Макарьевские чтения: материалы четвертой международной конференции. Горно-Алтайск., 2005; Энеева Н.Т. Судьбы Русской Православной Церкви в годы Гражданской войны (1918-1920-е гг. и истоки юридического раскола) // «Русский исход». Сборник статей / Серия «Русское зарубежье». Источники и исследования. СПб., 2004.

³ Попов А.В. Указ. соч. С. 241.

⁴ Там же. С. 241.

юге России, воплощенной затем в карловацкой юрисдикции во главе с митрополитом Антонием¹. Автор также стремилась подчеркнуть разницу восприятия Белого движения двумя иерархами – митрополитом Антонием и архиепископом Евлогием. Если митрополит Антоний становится фактическим главой церковной организации, которая осуществляла «политический курс», то архиепископ Евлогий отстраненно воспринимал политическую сторону Белого движения². Автор пыталась на этом примере показать разницу отношения иерархов к активной деятельности, в том числе политической, в административных структурах. Антоний предстает деятельным и властным, Евлогий – аполитичным. В дальнейшем Энеева говорит о складывании в Крыму незадолго до эвакуации, прочной духовной организации «которая не позволила русскому духовенству в изгнании просто разъехаться по разным странам... Это духовное единение было цементировано любовью к Родине, за которую шла борьба всего Белого движения... Поэтому в дальнейшем, в эмиграции, реставраторская, консервативная, охранительная функция стала неотъемлемым качеством деятельности Русской Православной Церкви за границей (Карловацкой юрисдикции). Эта деятельность, которая позднее неоднократно осуждалась с разных сторон как недопустимая к церкви политика, самой РПЦЗ воспринималась как выстраданная ею в кровавой борьбе духовная истина»³.

Таким образом, авторы выделяли два аспекта деятельности церковной организации на юго-востоке России, повлиявшие в будущем на характер Зарубежной Церкви: легкомысленное отношение ее представителей к канонам и политический курс церковной деятельности. Митрополит Антоний при этом рассматривался как лидер этого курса.

Однако более детальные исследования характеризуют политическую позицию духовенства как сдержанную. Священникам разрешено было затрагивать вопросы политики лишь «под свою личную ответственность и

¹ Энеева Н.Т. Указ. соч. С. 300.

² Там же. 300-301.

³ Там же. С. 304.

преимущественно вне храма»¹. В связи с этим вряд ли можно говорить о преемственности курса от церковного управления юго-востока России к Зарубежной Церкви. Если и можно говорить о существовании определенного курса, то одним из проводников его был епископ Вениамин (Федченков). Он вел этот курс до Карловацкого Собора, где стал главным противником иного, «монархического» курса митрополита Антония. Роль Антония (Храповицкого) также не представляется столь значительной. Так, по воспоминаниям протопресвитера Г. Шавельского ни курс, ни характер деятельности ВВЦУ не изменился в связи с приездом митрополита Антония². Поэтому в оценке Н.Т. Энеевой можно согласиться с отмеченным различием психологических типов двух иерархов – изначально более активной позиции митрополита Антония и готовности вести политическую деятельность, но не с его реальной ролью в тех событиях.

По этой же причине вряд ли можно выделять именно последний период нахождения Белой армии в Крыму, как определяющий фактор будущего консерватизма РПЦЗ. Все-таки консервативные, правые, монархические настроения – одна из тенденций русской эмиграции в целом, независимая исключительно от общественного настроения, сложившегося на юге России.

Углубленное изучение деятельности РПЦЗ привело отечественных исследователей к восприятию точки зрения апологетов РПЦЗ, согласно которой причиной отделения от Патриархии было неприятие политики митрополита Сергия, а не властные устремления ее иерархов. Поэтому действия Зарубежной Церкви до «Декларации» рассматриваются, как стремление помочь Церкви в России. Так, например, один из авторов, попытки наделения митрополита Антония функциями главы Церкви не только за границей, но и в России после смерти Патриарха Тихона, называет «декларацией» имевшей целью «напугать» советскую власть» предупреждая антицерковную политику последней³. В качестве важнейшего фактора

¹ Кострюков А.А. Временное высшее церковное управление... С. 56.

² Шавельский Г.И. Указ. соч. С. 384.

³ Урядова А.В. Русская православная церковь в Советской России в первой половине 1920-х гг. глазами

обособления Зарубежной Церкви исследователи, вслед за Г. Митрофановым, называют духовное разномыслие духовенства в России и за рубежом, обусловленное общественно-политическим фактором.

А.А. Кострюков как базовую отмечает проблему самосознания русского духовенства в эмиграции. Представители Зарубежной Церкви продолжали осознавать себя полноправными членами Русской Церкви. «Проблема Русской Зарубежной Церкви, – пишет Кострюков, – во многом была связана с представлением о себе, как о представительнице Всероссийской Церкви в эмиграции. И если Церковь, по православному учению, не может ошибаться, то такая безгрешность, по мнению руководства РПЦЗ, должна быть присуща и ей самой»¹.

Однако осознавая себя в качестве клириков Русской Церкви, в ментальном плане представители Зарубежной Церкви все дальше отдалялись от духовенства в России, следствием чего становилось взаимное непонимание. В частности, автор отмечает, что ответ митрополита Антония митрополиту Сергию в 1933 г. содержал основательные аргументы, защищающие РПЦЗ, однако в плане обвинения Патриархии и лично митрополита Сергия был далек от реальности: «Слова председателя Архиерейского Синода РПЦЗ о необходимости мученичества звучали красиво, но к чему привело бы Церковь в Отечестве следование этим словам? Главной проблемой, – заключает Кострюков, – было то, что пути, предполагаемые митрополитами Сергием и Антонием друг для друга, были для них невыполнимы»².

В контексте видения РПЦЗ в качестве свободной части, находящейся в тяжелейших условиях Русской Церкви, происходили и попытки наделения митрополита Антония полномочиями наместника и заместителя Патриарха, и титулом «Блаженнейший» данном ему в 1931 г. Попытки возвышения митрополита Антония Кострюков называет малоубедительными с

эмигрантов // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Выпуск 2. Сборник докладов и материалов международных, общероссийских научно-практических семинаров и конференций 2004 – 2005 гг. М., 2005. С. 297.

¹ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь: создание, взаимоотношения... С. 440.

² Там же. С. 320-323.

канонических позиций. В то же время он объясняет это беспокойством за судьбу Церкви, опасностью ее полного уничтожения на Родине и необходимостью в этих условиях сохранения ее части за рубежом и придания ей большего авторитета¹.

Говоря о наличии среди членов Зарубежной Церкви существования разных точек зрения на ее развитие, Кострюков отмечал, что в вопросе отношения с Патриархией существовало консолидированное мнение, как иерархов, так и эмигрантской паствы. Для зарубежных архиереев существовала определенная линия отношения к церковной власти, которую четко выразил в письме 1925 г. архиепископ Анастасий (Грибановский): невозможность требования к церковной эмиграции признать Советскую власть и подчиниться ей². Перед РПЦЗ было два пути – сохранить единство с Москвой и возможно отказаться от защиты Церкви или сохранить свободу от советской власти, но разорвать связь с Церковью на Родине. В итоге в 1927 г. реализовался второй вариант и, как видно, митрополит Антоний не был двигателем этого процесса, но стоял в одном ряду с большинством архипастырей, оказавшихся в эмиграции. Вот как это описывает Кострюков: «Очень важным представляется факт, что на путь разделения с Московской церковной властью встали практически все русские иерархи, оказавшиеся вне досягаемости советской власти. Почти все архиереи не согласились прямо и безропотно последовать тем призывам, которые прозвучали в посланиях Патриарха Тихона. Абсолютно все архиереи, оказавшиеся за границей, в той или иной степени заняли активную антибольшевистскую позицию, вызванную гонениями на Церковь в России. Представляется правильным полагать, что это объясняется не случайным подбором архиереев, попавших за границу. По-видимому, любой из русских архипастырей, оказавшихся в эмиграции, то есть вне досягаемости большевиков, присоединился бы в тот момент к Высшему

¹ Кострюков. А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1925-1938 гг. С. 28; Он же. Русская Зарубежная Церковь: с оздание, взаимоотношения... С. 308.

² Письма митр. Анастасия к Г.Н. Трубецкому. С. 151.

Церковному Управлению и его преемнику – Архиерейскому Синоду»¹. То есть разрыв Зарубежной Церкви с Патриархией в сложившихся условиях представляется неизбежным независимо от личности ее главы. Принять политику, проводимую митрополитом Сергием ни для кого из иерархов, не представлялось возможным. И если митрополит Антоний пошел на разрыв в 1927, то митрополит Евлогий в 1931 г. Именно неприятие политики митрополита Сергия являлась главной причиной разрыва отношений с Патриархией. Будучи настроенным резко антибольшевистски, митрополит Антоний в то же время не порывал отношений с Патриархом Тихоном и митрополитом Петром, несмотря на то что они не поддерживали его действия. «В том курсе, который начал проводить митрополит Сергий с 1927 г., его оппоненты увидели готовность уже не просто подчиняться власти, но и служить ей»².

На современном этапе историографии в оценках Зарубежной Церкви и митрополита Антония большую значимость приобрел аспект сохранения «русскости», русской культуры. Всегда бывший у апологетов Зарубежной Церкви и воспринятый отечественными исследователями в 1990-е гг., патриотический аспект существования Зарубежной Церкви получил дальнейшее развитие.

При этом при рассмотрении канонических вопросов в работах ряда исследователей – налицо тенденция отношения к канонам с точки зрения духа, а не буквы. Протоиерей Зарубежной Церкви Николай Артемов в своей работе, посвященной историческому и каноническому значению постановления № 362 1920 г., объясняет, что издавая постановление, священноначалие в Москве не могло «предусмотреть» всех обстоятельств в которых окажется Церковь и даже открыто всего сказать в тогдашних условиях. Поэтому реализация

¹ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь и Патриарх Тихон... С. 291.

² Мазырин А., прот. Причины неприятия митрополита Сергия (Страгородского) в церковных кругах (по материалам полемических произведений конца 1920-х – 1930-х гг.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://www.bogoslov.ru/text/1578803.html> (дата обращения: 01.10.2019).

постановления в эмиграции для сохранения «церковного единства» и налаживания пастырского окормления огромного числа православных русских людей как решения «по духу Постановления», была жизненно необходимой. «... сама церковная реальность» того времени была именно такой, что «во всем православном мире епископы-изгнанники принимались как представители своей паствы»¹. А.К. Погасий говоря об обстоятельствах применения постановления № 362 видит суть его в «прекращении деятельности» церковного руководства «вне зависимости от причин». То есть тоже говорит о его применении «по духу». «Постановление № 362, вне сомнения, было принято вовремя, отвечало требованиям жизни и помогло, в конечном счете сохранить Церковь»². Далее Погасий делает важный вывод: «Авторами были предусмотрены все возможные варианты распада церковной администрации и предписаны соответствующие им меры по предупреждению хаоса. Не могли они предусмотреть только одного – человека, с его характером, относительностью мышления, разностью взглядов, пристрастиями, слабостями»³. То есть историческая реальность, в котором оказалась Русская Церковь после революции, оказалась несравнимо более сложной, чем это мыслилось авторами постановления, казавшиеся временными условия, просуществовали гораздо дольше жизни участников тогдашних событий.

Инокния Васса (Ларина) рассуждает о причинах подчеркнутой «русскости» Зарубежной Церкви, принадлежности к Русской Церкви как о феномене определившим «ее исторический путь». Суть этого феномена, по ее мнению, в пастырском строительстве, – оно было «основной задачей и исходным пунктом канонической позиции заграничных иерархов Русской Церкви»⁴. Церковно-созидательная деятельность была воспринята

¹ Артемов Н., протоиерей. Постановление № 362 от 7/20 ноября 1920 г. И закрытие зарубежного ВВЦУ в мае 1922 г. Историческое и каноническое значение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.anti-raskol.ru/pages/2514> (дата обращения: 01.10.2019).

² Погасий А.К. Церковные расколы в российской православии XIV – начала XX веков. Казань, 2009. С. 145.

³ Там же. С. 145.

⁴ Инокния Васса (Ларина). Указ. соч. С. 21.

«Зарубежной Русской Церковью как осознанная пастырская обязанность». Основными ее составляющими были: окормление русской паствы в эмиграции и помощь гонимой на Родине Церкви. На реализацию этих задач и были направлены основные силы Зарубежной Церкви¹.

В этом патриотическом аспекте РПЦЗ, ее «русскости» заключаются и некоторые сложности отношений Русской Православной Церкви и Русской Зарубежной Церкви уже сейчас, после восстановления канонического общения.

Современный историк А.Н. Кашеваров рассуждает о патриотической деятельности Зарубежной Церкви, ее усилиям, направленным на сохранение русской культуры, языка, традиционного уклада России, в контексте восстановления единства «русского мира». Он цитирует епископа Григория (Граббе) писавшего о миссии РПЦЗ «быть связкой русского мира»². Церковное зарубежье, по словам А.Н. Кашеварова, это и духовная основа, и неотъемлемая часть «русского мира»³.

Однако вопрос в наполнении этого понятия, в отношении к разным событиям в истории нашей страны. Одной из таких проблемных точек является отношение к власовскому движению, имевшему место во время Великой Отечественной войны. Как и во время войны, так и сейчас священноначалие Зарубежной Церкви положительно относится к этому явлению⁴. Во время войны руководство Зарубежной Церкви, надеясь на крах большевизма, поддерживало генерала Власова, направляло священников для окормления военнослужащих Русской освободительной армии⁵. Эта идеологическая составляющая Русской Зарубежной Церкви все еще оставляет актуальной проблему «восстановления и сохранения единства русского

¹ Там же. С. 21-23.

² Кашеваров А.Н. Русское церковное зарубежье в контексте проблемы восстановления единства русского мира // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 1. С. 28.

³ Там же. С. 29.

⁴ Там же. С. 31.

⁵ Там же. С. 32.

православия как одной из основных опор и духовных скреп «русского мира»¹, – заключает А.Н. Кашеваров.

Митрополит Антоний (Харповицкий) скончавшийся в 1936 г. не имел прямого отношения к событиям Второй мировой войны. Но идеология Зарубежной Церкви, изначально неприемлемое для ее архиереев признание власти большевиков, уже во время войны выводило борцов с советской властью как положительных героев. В этом аспекте идеологии Зарубежной Церкви кроется один из проблемных точек и отношения к митрополиту Антонию, которая может проявиться в разности трактовки его взглядов и перерасти в новую идеологическую борьбу, как это уже много раз бывало с его именем.

В постсоветской историографии продолжал оставаться важным вопрос коалиции митрополита Антония с монархической группой, которая в предшествующей традиции критиков РПЦЗ, рассматривалась главной силой крайнего течения РПЦЗ. В рамках этого вопроса, в частности, происходило рассмотрение взглядов митрополита Антония на состав церковных соборов. Д. Поспеловский еще в 1990 г. отмечал противоречие между убеждениями митрополита Антония и их воплощением на практике. Митрополит Антоний был до революции последовательным противником участия мирян в соборах, однако потворствовал участию их в Карловацком Соборе, чем обрек его на путь «политизации»². Автор объяснял это политиканством владыки и его монархическими приоритетами. Уже в начале нового историографического этапа дискуссия по этому вопросу развернулась в комментариях к публикации письма митрополита Антония Патриарху Тихону. Публикаторы, отталкиваясь от слов митрополита Антония в письме, что он был «лишь исполнитель постановления Собора и не считал себя вправе не исполнять его решений», называли это заявление митрополита странным, «т.к. до 1917 года он был последовательным противником церковных соборов, состоящих из мирян», и

¹ Там же. С. 33.

² Поспеловский Д.В. Митрополит Сергей и расколы справа. С. 77-78.

сделали вывод об изменении его взглядов¹. Им оппонировал представитель РПЦЗ протоиерей Николай Артемов, который считал, что митрополит Антоний исходил из существующей практики, которая могла и не совпадать с его личным мнением².

Пример этой дискуссии показывает разность подходов представителей РПЦЗ и отечественных исследователей. Для первых важным был соборный характер Зарубежной Церкви, а, следовательно, – церковный, правильный. У представителей же российской стороны, до определенного времени, сохранялась тенденция представлять точку зрения митрополита Антония выражением мнения всей Зарубежной Церкви.

Анализируя вопрос состава Карловацкого Собора А.А. Кострюков, говорит о преемственности его структуры от Поместного Собора 1917 – 1918 гг., поэтому миряне на Карловацком Соборе воспринимались вполне естественно. В то же время автор разделяет церковные представления духовенства и мирян. Предоставляя право голоса мирянам «иерархи не предполагали, что отдали решение важнейших церковных вопросов десяткам людей пусть искренних и глубоко патриотичных, но совершенно незнакомых с реалиями церковно-государственных отношений, людей, лишенных опыта и рассудительности, присущих архиереям»³. Осознание иерархами негативной роли эмигрантов-мирян, приводит к лишению последних возможности прямого влияния на решения Зарубежной Церкви уже в 1922 г. Автор приходит к выводу, что обвинения зарубежных архиереев во властных амбициях безосновательны, т.к. потворствуя желаниям эмиграции, они как раз могли бы их реализовать. В частности, когда в Сербию шли многочисленные обращения от эмигрантов не распускать ВЦУ и даже взять на себя функции высшей церковной власти.

Интересно, в связи с этим проанализировать поведение митрополита

¹ Георгий (Ореханов), иерей, Ефремова О.Н. Указ. соч. С. 563.

² Там же. С. 564.

³ Кострюков А.А. Борьба зарубежных иерархов... С. 124.

Антония на Карловацком Соборе. Первоначально структура Собора предполагала наличие пресвитерского Совета и епископского Совещания. Последнее должно было отдельно рассматривать все соборные решения. Однако, в ходе начавшейся работы, этот вопрос пересмотрели, и было решено проводить единое голосование. Вот какие доводы в пользу этого решения приводил митрополит Антоний: «...Председатель заявляет, что епископы не находят нужным настаивать на своем праве отдельного от прочих членов Собрания голосования, усматривая в отношениях мирян к клиру и духовной власти за последнее время резкий поворот в смысле усиления уважения к ней и признание ее авторитета»¹. Характерно еще одно замечание: «Председатель... указав в своем заключительном слове, что на Московском Всероссийском Соборе именно благочестивые миряне настояли на Патриаршестве и на сохранении Епископского авторитета»². Таким образом, митрополит Антоний не противился предоставлению мирянам равного с клириками права голоса, а наоборот находил аргументы в пользу этого. Его аргументация основывалась на видимой им церковной пользе – миряне на Соборе не те, что были ранее, столь часто им критикуемые выразители либеральных взглядов. В 1935 г. митрополит Антоний в докладе Архиерейскому Синоду высказывался за созыв нового Всезарубежного Собора с участием мирян, мотивировав это особенностью положения Церкви в эмиграции: без поддержки государства, она существует «в очень значительной мере благодаря работе благочестивых прихожан». Он вновь отметил пользу их участия на Поместном и Всеаглическом Соборах³. Поэтому обвинения в том, что митрополит Антоний способствовал предоставлению мирянам-монархистам права голоса, имеет под собой основания. Вопрос заключается в трактовке нюансов. По мнению критиков, это действие носило самовольный характер⁴, апологеты же считают, что

¹ Деяния Русского Всеаглического Церковного Собора. С. 35.

² Там же. С. 36.

³ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов. С. 65.

⁴ Поспеловский Д.В. Митрополит Сергей и расколы справа. С. 77-78.

Антоний действовал соответственно с практикой церковных собраний. А.А. Кострюков видя в действиях архиереев в 1922 – 1923 гг. вытеснение в целом линии мирян и в частности линии монархистов из сферы влияния на Зарубежную Церковь¹, в то же время роль митрополита Антония в коалиции с мирянами-монархистами определял как весомую. На Карловацком Соборе мнение Антония стало решающим в вопросе принятия обращения о восстановлении династии². Его коалиция с монархистами основывалась на схожести идеологической позиции. Другой гранью этой коалиции стал факт большого влияния некоторых мирян на мнение митрополита. Так, изначально выступавший за исполнение указа о роспуске ВЦУ митрополит Антоний, вскоре меняет мнение на противоположное, используя аргументы противников исполнения указа: «Митрополит осознавал давление, которое оказывалось на него, страдал от этого, но сделать ничего не мог»³. Ситуация с обсуждением указа вообще показывает, что митрополит Антоний не был лидером в плане организационном. Сначала он соглашается с доводами противников исполнения указа и на заседании ВЦУ принимается соответствующее постановление. Но на следующий день, после приезда и выступления архиепископа Анастасия, встает на его точку зрения – в итоге ВЦУ упраздняется и создается Архиерейский Синод.

Таким образом, позиция митрополита Антония в монархической коалиции определялась следующим образом: он был членом коалиции, но не ее лидером. В то же время само влияние этой коалиции на позицию Зарубежной Церкви не было абсолютным, подвергаясь противодействию со стороны более умеренной ее части. Не будучи сильным администратором, митрополит Антоний, несомненно, был лидером в плане духовном. В целом А.А. Кострюков считает, что Зарубежная Церковь исходя из объективных обстоятельств, не могла заниматься исключительно церковными вопросами. В глазах эмигрантов Церковь была «знаменем борьбы с большевизмом.

¹ Кострюков А.А. Борьба зарубежных иерархов... С. 123-129.

² Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов. С. 83.

³ Там же. С. 114-115.

Популярнейший архипастырь-монархист Антоний (Храповицкий) был в тот момент вождем большинства эмигрантов... Патриотизм и монархические взгляды архипастыря, известные еще с дореволюционного времени, не могли не сделать его знаменем для эмигрантов. Имя митрополита Антония становилось символом Зарубежной Церкви – Церкви русских изгнанников»¹. Однако оборотной стороной этой популярности была зависимость от паствы. Патриотический и антибольшевистский настрой большинства паствы, вынуждал иерархов следовать за ней, становясь ее «заложниками»².

Степень значимости личности митрополита Антония, как и фактор влияния окружения, по мнению исследователя, особенно сказывался во внутриэмигрантской борьбе за духовную власть. Ставшие во главе двух направлений: консервативного – митрополит Антоний и либерального – митрополит Евлогий были крайне непоследовательны и подвержены влиянию своего окружения. «Окажись во главе Русской Церкви за границей сильная, самостоятельная личность – история могла развиваться в другом направлении», – считает Кострюков³.

Говоря о влиянии Ю.П. Граббе, Н.С. Лопухина и других на митрополита Антония, Кострюков отмечает не абсолютный его характер, приводя в качестве примера историю восстановления отношений Синода с митрополитами Евлогием и Платоном⁴. Кроме того, воздействие на отдельного иерарха, пусть даже главу Архиерейского Синода, не обязательно приводило к приобретению влияния на всю Зарубежную Церковь. «Рычагов давления на архиереев, разделенных государственными границами и огромными расстояниями, не было ни у одной из партий»⁵. Решения руководства Зарубежной Церкви носили соборный характер, и мнение митрополита Антония не играло определяющей роли. Влияние окружения на него – это частные проявления настроения и влияния эмигрантской паствы на

¹ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь и Патриарх Тихон... С.166, 189.

² Там же. С. 256.

³ Там же. С. 293.

⁴ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь: создание, взаимоотношения... С. 393.

⁵ Там же. С. 394.

Зарубежную Церковь. С осени 1922 г., когда миряне были вытеснены из руководства Зарубежной Церкви, они могли оказывать лишь внешнее влияние, осуществляемое благодаря расположению иерархов, в основном митрополита Антония. Автор показывает, что по вопросу отношений с церковной властью Архиерейский Синод занимал в основном более умеренную позицию, чем представители крайнего мнения среди мирян и части иерархов. Так в полемике об указе № 348(349) Синод занял среднюю позицию – между сторонниками полного подчинения Патриархии и выразителями мнения о Зарубежной Церкви как о единственной носительнице чистоты Православия¹.

А.А. Кострюков останавливается также на вопросе об автокефалии Польской Церкви. Он, во-первых, опровергает тезис В. Цыпина об изменении отношения Карловацкого Синода к автокефалии в контексте собственных устремлений к независимости от Патриархии, во-вторых, находит отличие в позиции Синода в целом и митрополита Антония. Так, Архиерейский Собор 1924 г. в этом вопросе стоял на позиции Патриарха Тихона и не признавал автокефалии. В то же время митрополит Антоний, по словам автора «отнесся к польской автокефалии спокойнее, чем Зарубежная Церковь в целом» и в ноябре 1925 г. совершил совместную литургию с митрополитом Варшавским Дионисием (Валединским), объяснив это тем, что ждал от митрополита Дионисия покаяния на имя митрополита Петра (Полянского)². Архиепископ Феофан (Быстров) и митрополит Серафим (Соболев) резко критиковали подобное поведение, говоря о позиции Патриарха и о решении зарубежного Синода запретить служение с митрополитом Дионисием. А.А. Кострюков делает вывод, что в 1925 г. Архиерейский Синод не вынес запрещения о сослужении с польскими иерархами по той причине, что подобное определение, по мнению зарубежных иерархов, должно было исходить от московской церковной власти. Уже в мае 1926 г. иерархи Зарубежной Церкви

¹ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь и Патриарх Тихон... С. 293.

² Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь и автокефалия Польской Церкви // Вестник ПСТГУ. Вып. 4 (37). 2010. С. 21-22.

имели возможность признать автокефалию Польской Церкви, т.к. в то время появилось послание митрополита Сергия (Страгородского) называвшего Дионисия митрополитом Варшавским и Польским, но признания не произошло, что доказывает неверность тезиса о подобном их устремлении. Наоборот, «Действия митрополита Антония направленные в сторону признания польской автокефалии, не встретили поддержки со стороны Зарубежной Церкви»¹. Только в 1927 г. после появления Декларации митрополита Сергия у зарубежных иерархов «отпало последнее моральное препятствие к общению с польским епископатом»². То есть нельзя говорить об изменении отношения к автокефалии Польской Церкви Зарубежной Церкви в целом, но очевидно наличие собственного мнения митрополита Антония, не поддержанного, однако, остальными иерархами. Переписка современников позволяет детальнее понять особенности отношения митрополита Антония к польскому вопросу. Архиепископ Елевферий (Богоявленский) еще в начале 1923 г. писал, что Дионисий стремится предупредить вероятность «морального воздействия на себя заграничного епископата и прежде всего митрополита Антония, который всегда его ценил и которого тот всегда обманывал, надевая в письмах маску канонического держателя...»³. В августе 1922 г. архимандрит Виталий (Максименко) в письме, по тону резко негативном в отношении автокефалии, говорил о братском «увещании» митрополита Антония в Варшаву⁴. В то же время эта проблема рассматривалась им в контексте отстаивания интересов Русской Церкви, сохранения ее влияния. В феврале 1923 г. он высказывал опасения, что инициатива в отношениях с Польской Церковью будет перехвачена Константинопольским Патриархом, который разрешит польскую автокефалию «А мы опять останемся при разбитом корыте»⁵.

Личное отношение к канонам митрополита Антония Кострюков

¹ Там же. С. 26.

² Там же. С. 25.

³ Русский мир и Латвия. Т. 1.

⁴ Русский мир и Латвия. Т. 3. С. 26.

⁵ Там же. С. 17.

называет «своеобразным», приводя воспоминание современника об отзыве митрополита о канонах, когда он перефразировал известную поговорку: «каноны – что дышло...»¹. В то же время считает, что это отношение не оказывало решающего значения на определяющие позицию Зарубежной Церкви вопросы.

Следует напомнить, что абсолютная каноническая корректность не могла быть осуществлена в силу сложных политических и общественных обстоятельств, в которых оказалась русская эмиграция. А. Маковецкий в своей работе как важный аргумент, показывающий умонастроение митрополита Антония, приводит ситуацию с отношением его к проблеме Болгарской Церкви, бывшую в конфликте с Константинопольским Патриархатом за самовольное объявление автономии. Митрополит Антоний, таким образом, оказался в двойственном положении, т.к., с одной стороны, должен был считаться с положением Болгарской Церкви в православном мире, с другой, в Болгарии оказалось 30 тысяч русских беженцев, пастырское попечение о которых было невозможно без сослужения с болгарским духовенством. В итоге Собор вынужден был разрешить совместное служение русского и болгарского духовенства за исключением епископов². В подобных обстоятельствах компромисса – формального нарушения канонической нормы, но оправдания его важнейшей пастырской необходимостью, вынужден был зачастую действовать митрополит Антоний.

Говоря об особенностях руководства РПЦЗ митрополитом Антонием, Кострюков отмечает слабость его административной и дипломатической деятельности, и на примерах показывает, чем отличалось руководство РПЦЗ митрополитом Анастасием от антониевского: «Руководство РПЦЗ, и прежде всего митрополит Анастасий, симпатизируя монархии, тем не менее, смотрело на эмигрантские политические течения прагматически, стараясь получить от них пользу... Если при прямолинейном митрополите Антонии РПЦЗ осуждала

¹ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1925-1938 гг. С. 28.

² Там же. С. 30.

ИМКА и РСХД, как «масонские» организации, то при дипломатичном митрополите Анастасии РПЦЗ вступила с ними в сотрудничество»¹. Для РПЦЗ периода митрополита Антония характерны резкие шаги, нежелание идти на уступки. Этим в том числе, по мнению Кострюкова, был обусловлен раскол Церкви в эмиграции. В этом автор также видел негативное влияние окружения архиерея. Не понимая серьезности положения, митрополит Антоний, идя, вероятно, на поводу у своих советников, стал настаивать на решениях Архиерейского Собора 1926 г. о выделении Германской епархии, чем усугубил конфликт².

В целом, А.А. Кострюков склонен оправдывать руководство РПЦЗ времен митрополита Антония, в том числе и резкие его шаги, которые автор объяснял патриотическими настроениями и ожиданием скорейшего возвращения на Родину. Ценность работ А.А. Кострюкова – во всестороннем анализе процессов деятельности Зарубежной Церкви. Он показывает механизм принятия решений руководством РПЦЗ, восстанавливает атмосферу жизни церковной эмиграции, уделяя большое внимание психологическим установкам, в соответствии с которыми действовали участники событий. Рассматривая роль и место в деятельности РПЦЗ митрополита Антония, автор разбирает особенности его административной деятельности, его роли в плане идеологическом и духовном, анализирует степень и роль влияния на него со стороны окружения.

Вопрос о монархии представляется важным для понимания особенностей идеологических воззрений митрополита Антония и отличия их от взглядов других представителей монархического движения. Он также демонстрирует особенности психологического портрета владыки, свойственную ему непоследовательность.

Изначально митрополит Антоний был настроен против великого князя Кирилла Владимировича. В 1921 г. на монархическом съезде в Бад-

¹ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь: создание, взаимоотношения... С. 395.

² Там же. С. 426.

Рейхенгалле он выразил преданность великому князю Николаю Николаевичу, провозглашенному там вождем. В сентябре 1924 г. в письме М.В. Зызыкину митрополит Антоний, выражая благодарность автору за работу о самодержавной власти, негативно отозвался о «кирилловщине»: «Вы должны непременно послать свою книгу Великому Князю Николаю Николаевичу. Я даже допускаю мысль, что кирилловщина по выходе Вашей книги совершенно прекратиться»¹. То, что книга М.В. Зызыкина имела большое влияние на митрополита, видно из переписки князя Андрея Владимировича с Ю.П. Граббе. В январе 1925 г. князь писал: «...яд брошенный Зызыкиным, засел глубоко, видно из писем митрополита Антония ко мне. Его доводы в греховности... Императоров... до того чудовищны, что из простого уважения к его сану должен воздержаться их приводить в этом письме целиком... Но в этих странных по меньшей мере мыслях митр. Антония сквозит старый дух критики светской власти»². Антоний (Храповицкий), как видно, был верен своим воззрениям на роль императорской власти в истории России. Этот пример также показателен в плане демонстрации различия взглядов на монархию митрополита Антония и монархистов-легитимистов. В то же время, в упомянутом письме митрополит рассуждает о возможности рассмотрения М.В. Зызыкиным условий, по которым претендовать на престол мог бы великий князь Дмитрий Павлович³. Очевидно, что владыка желал более четкого решения династического вопроса, т.к. Николай Николаевич не собирался объявлять себя императором, считая, что решение этого вопроса может быть осуществлено только русским народом в России. И уже в январе 1925 г. владыка поручил студенту богословского факультета Белградского университета Михаилу Максимовичу (будущему архиепископу Иоанну) составить доклад о происхождении закона о престолонаследии.

В июне 1926 г. Архиерейский Собор Зарубежной Церкви постановил

¹ Зызыкин М.В. Царская власть и закон о престолонаследии в России [Электронный ресурс]. София, 1924. – Режим доступа: http://yakov.works/library/08_z/iz/ykin.htm#mihtm (дата обращения: 01.10.2019).

² Инокния Васса (Ларина). Указ. соч. С. 24.

³ Зызыкин М.В. Указ. соч.

«разрешить в нарочитые дни и по особым случаям, по просьбе признающих великого князя Кирилла Владимировича императором Всероссийским, поминовение его и его семьи, как Благоверного государя и Великого князя»¹. В письме Ю.П. Граббе в июле 1926 г. владыка сообщает, что ошибался раньше, считая «брак с двоюродной сестрой» нарушением канонов Вселенских Соборов»². Здесь он имел в виду Кирилла Владимировича, одной из претензий к императорским притязаниям которого, была его женитьба на двоюродной сестре. Это подтверждается дневниковой записью Ю.П. Граббе: «...Митрополит сказал мне: «Вот, слава Богу, что Вениамин прислал мне эту книгу. Если б не она, я не узнал бы, что брак двоюродных не запрещается 54 пр[авилом] VI Вселенского Собора, и никогда не признал бы Кирилла Владимировича Императором, считая его брак незаконным»»³. В сентябре 1927 г. Антоний уже прямо называет себя «сторонником Кирилла Владимировича»⁴. Однако в этом же году в письме Н.М. Котляревскому митрополит обозначает свои симпатии князю Роману Петровичу: «Моей мечте о Кн[язе] Роман Петровиче, видно суждено разлететься, как дым, ибо одни устремляются к Кириллу Влад[имировичу], другие полагаются на Дмитрия Павловича, а о нашем излюбленном перестают и говорить»⁵. Официально митрополит Антоний признал Великого князя Кирилла Владимировича императором после смерти князя Николая Николаевича в 1929 г. Изменение позиции митрополита Антония объясняется, очевидно, его желанием иметь реальную фигуру вокруг которой может произойти сплочение русских людей в эмиграции и на Родине. Приближение к признанию Кирилла Владимировича происходило в контексте отдаления Зарубежной Церкви от Московской Патриархии во взглядах на судьбу России. Уменьшающаяся надежда на спасение страны от большевиков заставляла прибегать к новым, ранее не

¹ Цит. по: Кострюков А.А. Ради исторической справедливости. Русская Зарубежная Церковь и кирилловская ветвь Дома Романовых [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/radi_istoricheskoi_spravedlivosti_610.htm (дата обращения: 01.10.2019).

² Антоний (Храповицкий), митр. Жизнеописание. С. 166-167.

³ Маковецкий А. Белая Церковь... С. 259.

⁴ Антоний (Храповицкий), митр. Жизнеописание. С. 202.

⁵ Там же. С. 203.

приемлемым шагам. Известно, что у митрополита Антония была мысль выдвинуть на Российский престол сербского короля Александра, что также говорит о его желании реальной фигуры на этом посту¹.

Такая трансформация монархических симпатий владыки происходила под очевидным влиянием группы легитимистов и конкретно Ю.П. Граббе. Исследователь монархических воззрений последнего С. Суворов пишет об этом, основываясь на дневниковых записях графа и его переписке. Анализ переписки показывает, что Граббе был приверженцем практической реализации идеи монархии: «Но не только соображения верности присяге Дому Романовых двигали Юрием Павловичем в начале 20-х. У него были и дополнительные мотивы. Прежде всего – твердая вера в то, что монархия может быть восстановлена. При деятельном характере графа он, конечно, не мыслил ее реставрации без тяжелой борьбы. Но для борьбы необходим вождь. Юрий Павлович так и пишет в письме Князю Николаю Романовичу: «Монархический принцип нуждается в возглавлении для того, чтобы быть живым, а не отвлеченным». Таким возглавителем ему виделся только Кирилл Владимирович. Тем более что это был единственный человек, прямо и внятно заявивший о готовности бороться за восстановление монархии»². «Таким образом сбылось то, что я всегда утверждал в письмах к вел. Кн. Андрею Владимировичу в Кобург, что с концом николаитства владыка будет с ними»³, – писал Граббе в 1929 г. после официального признания митрополитом Антонием Кирилла Владимировича.

Большой интерес представляет обращение современных исследователей к особенностям церковного мировоззрения митрополита Антония. Подобный анализ сделал в своем очерке с характерной преамбулой в названии – «Идеал любви и трагедия власти», Н.К. Гаврюшин. В формировании общественных взглядов митрополита Антония он выдвигает на первый план фактор внешний

¹ Григориевич Б. Русская Православная Церковь между двумя войнами // Русская эмиграция в Югославии М., 1996. С. 115.

² Маковецкий А. Белая Церковь... С. 257.

³ Там же. С. 259

– отрыв от академии и епископское служение, приведшие к трагическому столкновению «идеала любви и искушения властью». Он расширил популярный в историографии тезис, согласно которому отдаление митрополита Антония от педагогической работы имело трагические для него последствия. Сторонами этих властных устремлений стало увлечение политикой и «теократическое фрондерство, своего рода никоновский папизм». Здесь и желание нового положения Церкви, и личные притязания митрополита на власть. Все эти факторы в итоге сказались в эмиграции. «Именно политический радикализм, теократизм и донатистские настроения проявились в нем со всей силой после Октябрьской революции, в эмиграции, когда он возглавил Русскую Зарубежную Церковь и призывал своего прежнего друга архиепископа Сергия (Страгородского) «пойти на мученичество»¹. Оценивая антониевский «Догмат Церкви» в контексте церковного раскола, автор видит несоответствие взглядов иерарха и их практического применения. Его нежелание найти в себе «со-чувствия, со-переживания» действиям митрополита Сергия, находящегося в тяжелейшей ситуации. Не так трудно понять, – заключает Гаврюшин, – что папистические амбиции и донатическое фрондерство – одной природы...»².

Таким образом, по характеристике данной Гаврюшиным, церковный путь митрополита Антония, в условиях полученных властных полномочий, приобрел определенные черты, в полной мере проявившиеся в период эмиграции, когда его власть фактически не была контролируема высшей инстанцией. Нежелание подчинения церковной власти вызваны сомнением митрополита, его восприятием себя источником этой власти, не нуждающегося в иной, корректирующей силе. Гаврюшин, следовательно, видит ядро радикализма Зарубежной Церкви в особенностях мировоззрения митрополита Антония, его желании играть большую роль в церковном управлении, наделении себя исключительным правом определять степень

¹ Гаврюшин Н.К. Указ. соч. С.86.

² Там же. С. 116.

церковности духовенства.

Помимо отмеченного Гаврюшиным фактора обретения власти в виде епископства, следует подробнее остановиться на общественно-политических предпосылках развития воззрений митрополита Антония. Политические изменения в стране сопровождались изменениями в церковном руководстве – ослаблением синодальной системы, ярким проявлением которого стал уход от дел сильного и авторитарного обер-прокурора К.П. Победоносцева. Освобождаясь от жесткой опеки, иерархия освобождалась от сдерживающего ее пыл контроля. Таким образом, политические потрясения, приведшие к ослаблению церковного управления и ослаблению государственной власти, были факторами, формировавшими реакцию владыки Антония. Первое дало свободу действий митрополиту Антонию – теперь сам он являлся источником власти, второе заставило развиваться эту свободу в определенную сторону. И то и другое вызвало стремление к возмещению ослабленной власти собственными силами. Критикуя Победоносцева за примат государственности над Церковью, Антоний хвалил его за патриотизм и невольно сам, в определенной части идеологии и практики, становился на его место. Отсюда исходит столь частое представление о нем как о соратнике и последователе Победоносцева. С этого времени в деятельности Антония (Храповицкого) становится заметной тенденция в стремлении достичь блага Церкви посредством воздействия на светскую власть. Исследователи настроений иерархии в предреволюционный период отмечают, что после неудачи Предсоборного присутствия в 1906 г. архиепископ Антоний, разочаровавшись в епископате, стал действовать путем «влияния на обер-прокурора»¹. Вот как он описывает свое настроение в письме архиепископу Никону (Рождественскому) в 1908 г.: «...я считаю сравнительно безразличным, кто у нас будет первоприсутствующим, а все дело полагаю в том, чтобы явился строгоцерковный Обер-прокурор. Владимир Карлович – самое лучшее, но и князь Ширинский – очень хорошо. Тогда и при

¹ Лавров В. М., Лобанов В. В., Лобанова И. В., Мазырин А. В. Указ. соч. С. 83.

Пр[еосвященном] Антонии Санкт-Петербургском можно будет восстановить пошатнувшееся православие, а без Саблера или Ширинского нам все равно ничего не сделать»¹. В подобном же ключе представляли его монархические интересы в эмиграции, подобное было и в период нахождения на киевской кафедре. П.П. Скоропадский вспоминал, как митрополит Антоний предлагал ему в период гетманства «что-нибудь устроить вроде коронации», пытаясь при этом найти в лице Скоропадского опору против деятельности министерства исповеданий².

Тот же фактор – ослабление власти, формирует взгляды и поведение митрополита Антония в эмиграции. Зарубежное духовенство теряет связь с церковной властью и вынуждено организовывать собственное управление во главе с митрополитом Антонием. Происходит осознание себя единственной церковной властью и большая роль в этом, по Гаврюшину, в давних настроениях митрополита Антония. Рухнувшая государственная власть вызывает реставрационные устремления и политическую активность, когда митрополит становится монархистом бóльшим, чем был до революции. Не случайно, митрополит в эмиграции признал неготовность пореволюционной Церкви к самостоятельности, без монаршей опеки и признавался в своей изначально неверной оценке тогдашних возможностей Церкви³.

Большое значение на современном этапе изучения деятельности Антония (Храповицкого) исследователи уделяют развенчанию заблуждений о взглядах владыки, сложившихся еще в начале XX века. «Чиновник в рясе», «мракобес», «антисемит» – ярлыки сопровождавшие память митрополита Антония долгие десятилетия, скрывающие его истинную историческую роль⁴. Вместе с этим современные исследователи, признавая несомненные заслуги

¹ ОР РГБ. Ф. 765. К. 7. Ед. хр. 1. Л. 5-5 об.

² Scoropadsky P. Указ. соч. С. 196-200.

³ Никон (Рклицкий). Жизнеописание... Т. IX. С. 229-230.

⁴ Куницын Б. Великий пастырь православной Церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kds.eparhia.ru/bibliot/kaz_schule/vel_p/ (дата обращения: 01.10.2019); Он же. Ректор трех академий (Антоний Храповицкий) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2007_1/10/10_2/&searched=1 (дата обращения: 01.10.2019).

архиерея, отмечают поспешные, бесполезные для Церкви действия и слова. Вот как автор предисловия к собранию сочинений митрополита Антония описывал его взгляды начала века: «...его нетерпимость к инакомыслию, доходящую до агрессивности, его верность узкорационалистическому пониманию православного учения, его убежденность в необходимости слияния и взаимопомощи Церкви и государства. Он видел нараставший кризис в церковной жизни, но упрощенно понимал его как влияние врагов изнутри и извне, уповая на усиление поддержки со стороны государства»¹.

С.Л. Фирсов подчеркивает необходимость цельного подхода в анализе личности митрополита Антония – изучения общественных взглядов владыки в единой связи с его религиозными воззрениями. Цельность подхода в этом случае позволяет, по мнению Фирсова, сформулировать «политико-религиозное *средо*» архиерея – «Православие, Самодержавие, Народность»². Причем важно, что следование этому принципу состояло в мировоззрении Антоний Храповицкого не в верности политическим институтам как таковым, но в сохранении христианского содержания жизни общества. В большой степени не политические сдвиги волновали владыку, но «социально-психологические» их последствия³. Понимание этого помогает извлечь образ митрополита Антония (Храповицкого) из одиозных рамок историографии предшествующего периода. Так, говоря о черносотенстве архиерея, Фирсов обращает внимание на его специфическое проявление – оно не носило национального аспекта. Черносотенство митрополита Антония – «это прежде всего окрашенный в патриотические тона монархизм, без примеси какого-либо национального толка»⁴. Это же относится и к вопросу об антисемитизме митрополита, т.к. еврейский вопрос не носил у него религиозного или национального характера, а был вопросом общественным и политическим. Он осуждал ту часть еврейского народа, которая, забыв веру предков, стала

¹ Яковлев А.И. Указ. соч. С. XXXI-XXXII.

² Фирсов С.Л. Владыка Антоний (Храповицкий)... С. 343-344.

³ Там же. 344.

⁴ Там же. С. 346.

проводником разрушающих стану революционных идей¹. Также сквозь призму идеи о необходимости сохранения нравственных устоев, следует рассматривать и монархические взгляды владыки. «...связь Православия с самодержавной властью воспринималась как норма политического бытия России». Поэтому повреждение этой связи чревато тяжелыми последствиями². В своем анализе состояния Церкви конца XIX – начала XX вв. С.Л. Фирсов, указывая на неразрешимость проблемы церковно-государственных отношений, отмечает, что в вопросе «симфонии» властей сторонники и противники синодальной системы часто соединялись, каждый видя свои приоритеты во главе элементов «симфонии». При этом и те, и другие воспринимали государственную опеку Церкви как норму³.

Антоний (Храповицкий) как реформатор Церкви предстает трагической фигурой с точки зрения констатации неизбежности революции и угнетения Церкви, когда верными оказались предсказания Победоносцева, что пойдя на поводу у реформаторов Церковь попадет «под опеку любой власти»⁴. При масштабности государственного мышления Победоносцева Антоний (Храповицкий) предстает деятелем политически наивным и противоречивым. Он, желая в церковном вопросе снижения роли государства, видел в восстановлении патриаршества скорый путь к спасению России, но при этом не хотел ослабления государства в иных областях.

В настоящее время интернет-ресурсы, являющиеся важным средством массовой коммуникации, играют немалую роль в области коммуникации культурной, научной. В них помимо официальных академических направлений научной мысли, представлены общественные, культурные, религиозные направления, являющиеся или могущее стать важными, в части формирования позиций, установок в разных областях общественной жизни. Имя митрополита Антония достаточно широко представлено в этой области.

¹ Там же. С. 343.

² Там же. С. 349-350.

³ Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен. С. 49-52.

⁴ Там же. С. 48.

Одно из центральных не представленных, в официальной литературе направлений, или представленных не широко – монархическая идея. Она представлена отколовшимися от РПЦЗ, после восстановления в 2007 г. канонического общения, организациями. Митрополит Антоний выступает важной фигурой споров вокруг проблемы русской монархии. В этих работах утверждается концепция «февральского греха» – предательства монархии русским обществом, в том числе и Церковью. Согласно этой точке зрения «симфония» государства и Церкви (неслиянное и нераздельное единство церковно-государственного организма) существовала в Российской Империи до XX века. Понятие самодержавия при этом, трактуется как церковное вероучение, а не политическая доктрина. Однако в предреволюционное десятилетие понятие симфонии вытесняется «понятием публично-правового союза государства и Церкви». В итоге в 1917 г. Синод «вступил на революционный путь». Будучи «учреждением самодержавной власти», он не имел права подчиняться иной власти, обязан был осудить мятежников. Поэтому революционный Синод незаконен канонически и юридически¹. Общий подход к этому вопросу, близок к взглядам многих монархистов эмиграции (Г. Граббе, Н.Е. Маркова и др.). Далее, последователи РПЦЗ делят эмиграцию на две части: одна осознала, что отречение от Царя есть отречение от Православия и раскаялась в грехе предательства. Вторая, более многочисленная – нет. Первыми была создана Зарубежная Церковь и, соответственно, митрополит Антоний, рассматривается с позиций защитника православия и самодержавия².

Другое популярное направление монархической идеи развивает идеи о потворствовании Антонием революции, уже имевшие место в эмиграции³. При этом оно не снимает с РПЦЗ тяжести «февральского греха». Несмотря на «осуждение Февраля» Зарубежная Церковь продолжала признавать Поместный Собор и Патриарха – следствие Февраля, источником высшей

¹ Кузнецов А. Указ. соч.; Черкасов-Георгиевский В.Г. Указ. соч.;

² Черкасов-Георгиевский В.Г. Указ. соч.

³ Сысоев Н. С больной головы на здоровую // Владимирский вестник. 1966. № 108. С. 43.

церковной власти. Осудив революцию и свержение царя, зарубежные иерархи не раскаялись в собственных своих действиях. «Сам митр. Антоний, порвав с Февралем, публично не осудил своей личной причастности к нему, чем в значительной степени обесценил свое возвращение к церковному монархизму». В биографии митрополита Антония, написанной архиепископом Никоном (Рклицким), находят замалчивание личности царя и обстоятельств его отречения. В целом, это направление является апологией синодального периода – периода «наибольшего расцвета всех сторон церковной жизни»¹. И митрополит Антоний, при всех его достоинствах, изначально выбрал неверный путь, считая одной из главных причин церковных нестроений, систему церковно-государственных отношений.

Концепция противостояния духовной и светской власти, когда Церковь видела в монархии своего конкурента и стремилась от него избавиться, в официальной академической науке представлена в работах историка М.А. Бабкина², привлечших большое общественное внимание. По мнению критиков, в работе проявилось стремление к сенсации, «слому парадигмы», а в фактологическом плане она построена на искусственной, упрощенной схеме и множестве голословных утверждений³.

Некоторые почитатели императора Николая II, исходя из факта его канонизации, критикуют митрополита Антония, отрицая за ним право каких-либо критических замечаний в адрес императора и в целом российского самодержавия⁴. Налицо тенденция, когда шкала собственных политических, социальных, религиозных ценностей исследователя, становится во главе трактовок им взглядов и деятельности митрополита Антония. Подобная тенденция часто проявляется при изучении исторической личности⁵.

¹ Кузнецов А. Указ. соч; Близкая позиция была представлена в воспоминаниях бывшего товарища обер-прокурора Н.Д. Жевахова. – См.: Воспоминания товарища Обер-Прокурора... С. 726-727.

² Бабкин М.А. Духовенство Русской православной церкви...; Он же. Российское духовенство и свержение монархии...;

³ Гайда Ф. Русская Церковь и русская революция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/29621.htm> (дата обращения: 01.10.2019).

⁴ Фомин С. Анафема [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravaya.ru/look/5310#_edn2 (дата обращения: 01.10.2019).

⁵ Горбунова Ю.Ф. Указ. соч. С. 242.

Очевидно, что имя митрополита Антония, становясь популярным, вызывает стремление притянуть его на свою сторону в отстаивании своего взгляда на ту или иную общественную, культурную, научную проблему. Это заметно и при рассмотрении других работ, не анализирующих церковных проблем. Так, апология черносотенного движения включает митрополита Антония в число активных его участников¹.

Таким образом, в современной отечественной историографии истории Зарубежной Церкви основное внимание исследователей привлечено к проблеме единства Русской Церкви. Отмечая особенности воззрений митрополита Антония, влиявшие на церковные процессы в эмиграции, специалисты по истории РПЦЗ все же рассматривают произошедшее разделение Церкви как событие объективное. Обращение к полноте источников, касавшихся деятельности Зарубежной Церкви, приводило к пониманию, что разделение Русской Церкви было обусловлено общественно-политическими факторами, разницей восприятия происходивших событий церковных людей в России и в эмиграции. В целом, отделение Зарубежной Церкви на новом историографическом этапе перестает характеризоваться как раскол. Разрыв связи с Церковью в России представляется как естественное течение жизни. Эмиграция и церковное руководство в России, находясь в разных условиях, не могли понять друг друга. Поэтому действия, направленные на усиление Зарубежной Церкви, увеличение статуса митрополита Антония, диктовались не автокефалистскими устремлениями, а желанием укрепления свободной части Церкви в условиях гонений на Церковь в России.

Своя роль в этом разделении приходилась на митрополита Антония, но роль скорее не причинная, а показательная – определяющая степень духовной связи митрополита Антония с церковной иерархией в России. Таким же образом, рассматривается роль митрополита Антония в зарождении крайних

¹ Кожин В.В. Россия век XX (1901 – 1939). М., 2005 С. 98-99, 102; Степанов. А. Черная сотня: взгляд через столетие. СПб., 2000. С. 116.

взглядов в РПЦЗ, исследователи находят ее достаточно весомой – если бы не его позиция, то такие взгляды могли бы не развиваться. То есть, возможны были бы менее враждебные отношения в среде церковной эмиграции и более ранняя нормализация отношений с Московской Патриархией. При этом позиция непризнания правды за советской властью и пошедшей с ней на компромисс Церковью была характерной и для РПЦЗ, и для большей части их противников в эмиграции. Поэтому проблема Зарубежной Церкви – это проблема крайности мысли (религиозной, церковно-практической) и митрополита Антония как покровителя этой мысли.

В целом, анализируя систему взглядов Антония (Храповицкого), авторы обращаются преимущественно к его дореволюционной деятельности, именно в том времени находя истоки его зарубежных позиций. Важной методологической составляющей нового этапа историографии стала констатация необходимости оценки действий митрополита Антония исходя из контекста социально-политических условий, в которых находилась русская эмиграция, фактов о состоянии Церкви в России, которыми оперировали руководители Зарубежной Церкви, видимых ими перспектив развития ситуации. Обращение к ранее не известным источникам показывает, что многие события церковной истории 1920 – 1930-х гг. в Советской России, бывшие в свое время предметом бурных споров, представителями Зарубежной Церкви интерпретировались верно.

Вопрос монархического движения – один из актуальнейших контекстов обращения к имени митрополита Антония в эмиграции, ставший там целым направлением общественной мысли, в современной академической науке рассматривается с позиции определения степени влияния на митрополита Антония монархической группы, при этом монархизм не рассматривается как основное направление мысли Зарубежной Церкви. В то же время в сфере интернет-публицистики эта тема распространена.

Заключение

Этапы отечественной историографии, посвященной митрополиту Антонию (Храповицкому) в качестве главы Зарубежной Церкви, в основном совпадают с главнейшими периодами, которые пережила наша страна в XX веке – дореволюционное время, период советской власти и эмиграции, современное время. Смена этапов, таким образом, напрямую коррелировалась с политической ситуацией в России и выходящим из этого состоянием церковно-государственных отношений. Это прямым образом влияло и на теоретико-методологические подходы к проблеме. Еще одним фактором, влиявшим на историографическую ситуацию, были процессы, происходившие в структурах русской церковной эмиграции – внутри самой Зарубежной Церкви и в других церковных юрисдикциях. Чертой, объединяющей все этапы, вплоть до конца XX века, была насущность этой темы, важность с точки зрения политической, идеологической, церковной борьбы, которая определяла характер историографии. До революции и в эмиграции 1920-х – 1930-х гг., это была борьба с самим Антонием и тем направлением, которое он представлял. Позже в эмиграции – с идеологией РПЦЗ, крайними ее проявлениями. В советской историографии – сначала с Церковью в России и позже с РПЦЗ. В 1990-е гг. – с РПЦЗ в новых политических и культурных обстоятельствах. И только в новом веке ангажированность и пристрастность, как важнейшие составляющие отечественной историографии, исчезают.

Дореволюционный период заложил основы оценок митрополита Антония. Именно в дореволюционной публицистике, в период жарких споров о путях развития страны и Церкви, сложился образ Антония (Храповицкого) – церковного деятеля и политика консервативного толка.

Русская Церковь в конце XIX – начале XX вв. находилась в состоянии кризиса. Система церковно-государственных отношений ставила Церковь в прямую зависимость от проблем государства. Стремление к восстановлению канонического строя наталкивалось на сопротивление государства,

стремившегося законсервировать имеющееся положение, используя Церковь для сохранения ослабленного государственного устройства.

В начале XX в. религиозная-философская проблематика становится предметом интереса части интеллектуального общества. Обратившись к религии, интеллигенция со своей стороны пыталась участвовать в решении церковных вопросов.

Либеральные идеи проникают и внутрь духовного сословия. Усиливается стремление к расширению прав белого духовенства и мирян на участие в церковном управлении.

Центральная проблема этого периода – проблема взаимодействия Церкви и государства. Разные течения церковной мысли двигались в русле необходимости изменений в Церкви. Разница заключалась в сути и векторе этих изменений. На этом фоне появляются первые оценки деятельности и взглядов Антония (Храповицкого). И если в последнее десятилетие XIX в., в период его академической карьеры, архимандрит Антоний воспринимался как реформатор, ревнитель восстановления патриаршества, то революция 1905 г. резко изменила ситуацию. Политизация общества сильно влияла и на церковную повестку. Антоний (Храповицкий) сам выступает с политическими заявлениями и восприятие его по большей части происходит с политических позиций. Зачастую именно реалии политической борьбы сказывались на оценках, оттеняя или вовсе затмевая истинные смыслы.

Надежды на Антония, связанные с началом его общественно-церковной деятельности, в среде русских интеллектуальных кругов сменились разочарованием. Фактор возможной близости с религиозной интеллигенцией в виде общего стремления к изменениям, натолкнулся на осознание разности вектора этих изменений. Концепция развития новой Церкви, освобожденной от государственной опеки, столкнулась с антониевским стремлением к реализации церковно-государственных отношений в виде симфонии. Религиозная мысль, теснившаяся в старых церковных рамках, столкнулась с идеалом монашеского аскетизма. Антоний (Храповицкий) стал

восприниматься как представитель крайне консервативного церковного крыла, уповающий на сохранение существующего порядка силами политической власти. В оценках критиков в церковной структуре он – глава «монашеской» партии и резкий противник расширения прав белого духовенства и мирян, монархист, черносотенец, сторонник тесного союза Церкви и государства. При этом стремления Антония, направленные на восстановление церковного канонического строя для противников, отходят на второй план, он фактически объявляется союзником и последователем К.П. Победоносцева в деле сохранения имевшей место системы церковно-государственных отношений.

Дореволюционные работы Н.А. Бердяева, В.В. Розанова, Д.С. Мержковского, А.В. Карташева и др. стали ориентирами для многих исследователей, обращавшихся к личности митрополита Антония в последующие годы.

Дореволюционные идеи о необходимости изменений в Церкви, ее отношений с государством, стали основными получившими развитие в эмиграции. Для эмиграции было характерно принятие основных концептуальных положений о личности митрополита Антония сложившихся в дореволюционной традиции. Деятельность архиерея за границей только усилила прошлые выводы. Это связано с самой структурой эмигрантского общества, перенесением основных общественно-политических, научных, философских идей на новую почву.

Духовенство, оказавшись в эмиграции, стояло перед необходимостью организации церковной жизни при отсутствии нормальной связи с церковной властью в России. Это требовало от зарубежных иерархов принятия самостоятельных решений.

Корень проблем, стоящих перед церковной эмиграцией в идейном плане, заключался в восприятии произошедшей революции и отношении к советской власти. Это порождало проблему отношений с церковной властью в России. Уже в самом начале определились два течения церковной мысли

русской эмиграции. Правое течение эмиграции, выступающее с промонархических позиций, для которого митрополит Антоний (Храповицкий) был духовным лидером и либеральное – противники Зарубежной Церкви, представители которого группировались вокруг митрополита Евлогия (Георгиевского).

Характер эмигрантской публицистики 1920-х – 1930-х гг. был обусловлен симпатиями авторов к различным церковным группам. Духовная борьба за умы эмиграции на страницах изданий концентрировалась вокруг вопросов отношения к революции, монархии, проблем церковно-государственных отношений, подчинения священноначалию в России.

В среде критиков «монархический» аспект восприятия митрополита Антония становится одним из главных, выводя его из церковной сферы в политическую. Противники видели в митрополите воплощение ушедшего прошлого, деятеля, вовлекающего Церковь в политику, не принявшего и не понявшего произошедших изменений. Антония воспринимают как одну из главных фигур реставрационной тенденции русской эмиграции.

Выступая за восстановление монархии, тесный союз Церкви и государства сторонники «политику» Антония считали нормой церковной жизни.

Борьба идей нивелировала личные качества архиерея, упрощала его фигуру, сводила характер оценок к определенному набору, должному способствовать критике противоположного лагеря.

Основные тенденции полемики 1920-х – 1930-х гг. продолжились в эмиграционной историографии уже после кончины митрополита Антония. Основной спектр оценок митрополита Антония в эмиграционной послевоенной историографии крутился вокруг канонических обстоятельств организации и существования Зарубежной Церкви и идеологических вопросов.

Канонические споры в эмигрантской историографии велись вокруг проблемы национальной Церкви, т.е. сохранения Русской Церкви вне России.

Анализируя особенности личного отношения митрополита Антония к каноническим вопросам, исследователи находили, несмотря на безусловную каноническую грамотность, его непоследовательность в этих вопросах.

Для апологетов Зарубежной Церкви именно в этом главная заслуга митрополита Антония, он – хранитель Церкви, действующий согласно канонам.

Противники Зарубежной Церкви, говоря о нонсенсе экстерриториальной Церкви, источник этого явления видели в государственно-национальном сознании духовенства, которое стремилось для русской эмиграции создать отдельную Русскую Церковь. И большую роль в доминировании этого сознания отводили митрополиту Антонию.

Отсюда выходил самый важный вопрос идеологической полемики, суть которого была сосредоточена вокруг проблемы церковно-государственных отношений. Обвинения митрополита Антония в видении им необходимости тесной связи Церкви с государством продолжали дореволюционную традицию. Критики находили в этих взглядах продолжение одного из течений русской церковной мысли (иосифляне). В сохранении национальной Церкви в эмиграции они видели именно приоритет национальный, причем связанный с воплощением негативных черт недавнего исторического прошлого. Церковное направление митрополита Антония для них – исторический тупик.

В основе оценок митрополита Антония лежала проблема интерпретации прошлого и выходящая из этого перспектива развития России и Русской Церкви. Поэтому одни и те же факты рассматривались с противоположных позиций. Для одних авторов, митрополит Антоний был деятелем, у которого политические убеждения превалировали над церковными.

Для сторонников митрополита Антония в политике было естественное состояние церковной жизни, ее единство со страной, а митрополит Антоний представлял как воплощение национального церковного иерарха. Зарубежная Церковь для них – сохранение идеала в обрушившемся мире.

Важный аспект восприятия митрополита Антония – тождество его и представляемого им церковного направления. Историографический образ Антония впитывал разные аспекты критики этого направления (монархия, синодальный строй), развивавшегося в течение всего периода эмиграции. Таким образом, политическая борьба соединяла Антония с правым течением, растворяло его в нем. В итоге столь частое обращение к митрополиту Антонию сквозь политическую призму и вопрос монархии, актуальный для эмиграции и в практическом, и в идейном плане, значительно усиливал эту тенденцию.

В итоге получалось, что одно направление эмиграционной историографии убирало митрополита Антония из Русской Церкви, другое, привязывало его к обязательной монархии. Обращение к его имени, в подавляющем большинстве, было связано с характеристикой конкретного церковного направления, отсюда – ангажированность большинства исследований. И сторонники, и критики митрополита Антония в большинстве случаев создавали его цельный образ, но цельный именно в рамках представляемого ими течения. Характеристики архиерея, плюсы и минусы его личности повторялись из работы в работу. Были и редкие исключения. Отход от идеологической борьбы, взгляд со стороны, обращение к трудам митрополита позволяли восстановить образ многогранной личности, безусловной масштабной, сложной, оказавшейся в эмиграции в условиях, не соответствующих этому масштабу.

В советской государственной историографии выделяются два основных этапа. Первый – 1920-е – 1930-е гг. Это период воинственного отношения к Церкви, для которого характерна насущность, актуальность антицерковной борьбы. Обращение к Антонию (Храповицкому) происходило в рамках непосредственной борьбы с церковной властью, и митрополит Антоний рассматривался как часть этой власти.

Основная тема советской государственной историографии 1920-х гг. – защита революции. Все проблемы крутились вокруг революции, ее завоеваний. Церковь – это антагонист революции. Для советской

историографии 1920-х гг. было естественным принятие образа митрополита Антония как плоть от плоти антинародной Церкви – Церкви епископов, монархистов и черносотенцев. Его роль виделась в организации антиреволюционного фронта в период Гражданской войны, он – важное звено Белой армии, стоящий в одном ряду с ее генералами. При этом фигура Антония была вторичной по отношению к церковному руководству в России, его деятельность в качестве главы Зарубежного Синода использовалась для обвинения Церкви в контрреволюционности. Такой подход сохранялся почти весь советский период. Антоний (Храповицкий) становится частью статической конструкции: он часть структуры, которая находилась вне прогрессивного исторического развития. Это враждебный элемент. Церковь против народа – основной мотив довоенной советской историографии и деятельность митрополита Антония должна была служить ярким тому доказательством. Митрополит Антоний вместе со всей Русской Церковью оказывается вне сферы прогрессивного исторического развития – в области истории преодоленной, побежденной. И если на следующем этапе историографии большая часть Церкви выводится из этих рамок, то митрополит Антоний включается в ту ее часть, которая противопоставляется стране, обществу.

В 1930-е гг. реализуется установка на классовую сущность Церкви и в историографии дореволюционной Церкви Антоний возникает в качестве верного помощника царизма, а в эмиграции – организатора интервенции, действующего воедино с капиталистическими правительствами.

На втором этапе советской историографии в 1960-е – 1980-е гг. насущность революционной борьбы уже ушла, эта тема становится исторической, и реализуется путем постоянного повторения определенного набора фактов. Появляется другая насущная тема – необходимость идеологического ответа на антисоветскую активность РПЦЗ. Происходит заимствование методов церковной методологии отношения к Зарубежной Церкви и Антонию (Храповицкому). Отказ от воинствующих позиций по

отношению к РПЦ, принятие Церкви как института «лояльного» власти привело к тому, что советскими авторами были восприняты критические подходы оппонентов Зарубежной Церкви. Официальная идеология, оберегая культ революции, оставляла за собой право исторического суждения обо всей Церкви революционного периода, но приняла отдельные аспекты церковной методологии отношения к Зарубежной Церкви. Митрополита Антония стали классифицировать как главу неканонической организации. В череду критических аргументов, помимо чисто советских – «контрреволюционных», были включены и церковные аспекты критики: нарушение церковных функций, политическая деятельность и неподчинение церковной власти. Подобная оценка деятельности РПЦЗ представляла собой официальную позицию Московской Патриархии, зафиксированную в официальных документах еще в 1920-е – 30-е гг.

Единство образа «контрреволюционной» Церкви начала 1920-х гг. (в эмиграции и России) просуществовало практически до последних лет советской историографии. Начиная с 1988 г., на фоне происходящих в СССР изменений отношения к Церкви, в государственной историографии произошло обеление Патриарха Тихона от ярлыка контрреволюционера. В работах этого периода Антоний (Храповицкий) показан представителем небольшой по численности части Церкви, антинародная сущность которой до революции и в эмиграции обрекла ее на вырождение.

Советская церковная историография Зарубежной Церкви формировалась на основе официальных постановлений Московской Патриархии 1920-х – 1930-х гг. в итоге запретивших зарубежных епископов в служении. Массовые публикации в церковных изданиях, посвященные Зарубежной Церкви, были феноменом короткого исторического периода (середина 1940-х – середина 1950-х гг.). Это было результатом сложившихся условий существования Церкви в Советской России, поэтому период наибольшей заинтересованности государства в Церкви в области внешней политики стал периодом активного обращения церковных авторов к проблеме

зарубежных церковных юрисдикций. Характеристика Антония (Храповицкого) не была основной задачей исследователей, т.к. работы были направлены против действовавших на тот момент церковных иерархов за границей. Основной акцент в оценках зарубежных иерархов делался на их канонических нарушениях, обостренных властолюбивыми амбициями митрополита Антония, что привело к нарушению церковного единства.

С окончанием советской эпохи исчез государственный идеологический регулятор отношения к Церкви и с этой стороны возникли условия для объективного изучения истории русской церковной эмиграции. Однако в течение почти десяти лет сохранялся фактор церковного противостояния – РПЦЗ и Московская Патриархия не имели канонического общения, при этом Зарубежная Церковь в 1990 г. приняла решение открывать приходы на территории СССР.

Основной проблема отечественной историографии 1990-х гг. – единство Церкви и Зарубежную Церковь рассматривали нарушителем этого единства. Для первого постсоветского десятилетия в области оценок Зарубежной Церкви и митрополита Антония характерна некоторая двойственность как в области общих культурных интересов: необходимость противодействия Зарубежной Церкви и в то же время открытие и большой интерес к культуре эмиграции, так и в области конкретных фактов церковной истории: признание зависимости Церкви в советский период, но отстаивание ее правды в прошлом, ее интересов в настоящем. Эти же факторы влияли и на отношение к фигуре митрополита Антония. Возвращение Антония (Храповицкого) в историю Церкви стало происходить раньше, чем началось сближение с Зарубежной Церковью. В первую очередь, это было признанием его заслуг в области развития пастырского учения и большой работы в сфере восстановления канонического строя Русской Православной Церкви. В отношении истории Зарубежной Церкви тенденция была более примирительная, чем обвиняющая и это выразилось в более спокойном отношении к фигуре митрополита

Антония, очищении ее от крайней политизации, характерной для прошлой традиции.

Открытие новых источников на фоне сближения с Зарубежной Церковью с начала 2000-х гг. привело к признанию исключительности положения, в котором оказалась Русская Церковь на Родине и в эмиграции, когда первая была поставлена перед необходимостью компромисса с безбожной властью, а вторая, стремясь сохранить русское православие вне России, пошла на канонические нарушения. Важной составляющей современного этапа историографии в части методологии, стало понимание необходимости учета при оценках действий митрополита Антония и других зарубежных иерархов социально-политического контекста существования русской эмиграции, известных за рубежом сведений о состоянии Церкви в России, исходя из которых и действовали руководители Зарубежной Церкви. В основном произошло принятие церковной терминологии о преодолении раскола. Отмечая особенности воззрений митрополита Антония, влиявшие на церковные процессы в эмиграции, специалисты по истории РПЦЗ все же рассматривают произошедшее разделение Церкви как событие объективное. Превалирует точка зрения, что и иерархи Зарубежной Церкви, и церковные власти в СССР в своих действиях исходили из интересов паствы.

Для современной историографии характерна тенденция анализа системы ценностей митрополита Антония исходя из совокупности его религиозных и общественных взглядов. В целом, анализируя систему взглядов Антония (Храповицкого) авторы обращаются преимущественно к его дореволюционной деятельности, именно в том времени находя истоки его зарубежных позиций.

Над образом митрополита Антония витает ореол трагичности, замеченный уже в эмиграции. Несоответствие его пастырских, педагогических идеалов с административными и политическими реалиями, что особенно сильно сказалось в эмиграции. Фактор личности митрополита Антония определяется как не игравший решающего значения, но сказывавшийся на

эмоциональном фоне церковных отношений в условиях слома старых церковных, политических и общественных структур.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

МОНОГРАФИИ

1. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М.: Политиздат, 1991. – 398 с.
2. Андреев И.М. Краткий обзор истории Русской Церкви от революции до наших дней. Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь, типография преп. Иова Почаевского, 1952. – 182 с.
3. Антоненко Н.В. Идеология и прагматика русской монархической эмиграции. Мичуринск, 2008.
4. Бабкин М.А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. — конец 1917 г.). М.: Изд. Гос. публ. ист. б-ки России, 2007. – 532 с.
5. Бабкин М.А. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 г. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви). М.: Индрик, 2006. – 504 с.
6. Бабкин М.А. Священство и царство. (Россия, начало XX в. – 1918 г.): исследования и материалы. М.: Индрик, 2011. – 920 с.
7. Белов А., Шилкин А. Д. Карловацкий раскол – прошлое и настоящее. М.: Знание, 1975. – 64 с.
8. Белов А.В. Клерикальный антикоммунизм: идеология, политика, пропаганда. М.: Политиздат, 1987. – 254 с.
9. Бессонов М.Н. Буржуазно-клерикальные измышления по поводу 1000-летия «крещения Руси» и вопросы контрпропаганды. М.: Общество "Знание" РСФСР, 1986. – 35 с.
10. Бычков С.С. Русская Церковь и императорская власть (Очерк по истории Православной Российской Церкви 1900-1917 годов). М., 1998. – 320 с.
11. Введенский А.И. Церковь и Государство (Очерк взаимоотношений церкви и государства в России 1918-1922 г.). М.: Мосполиграф, 1923. – 252 с.
12. Великович Л.Н. Религия в современной идеологической борьбе. М.: Моск.

- рабочий, 1981. – 128 с.
13. Вениамин (Жуков), прот. Русская Православная Церковь на Родине и за рубежом. Обзор современной истории. Париж, 2005.
 14. Георгий (Граббе), протопресв. Правда о Русской Церкви на Родине и за рубежом (По поводу книги С. В. Троицкого «О неправде карловацкого раскола»). Джорданвилль, Нью-Йорк: Типография преп. Иова Почаевского, 1961. – 218 с.
 15. Гордиенко Н.С. Современное православие. М.: Мысль, 1968. — 143 с.
 16. Гордиенко Н.С., Комаров П.М. Обреченные: О русской эмигрантской псевдоцеркви. Л.: Лениздат, 1988. – 208 с.
 17. Гордиенко Н.С., Комаров П.М., Курочкин П.К. Политиканы от религии. Правда о «русской зарубежной церкви». М.: Мысль, 1975. – 191 с.
 18. Гордиенко Н.С., Курочкин П.К. Особенности модернизма современного русского православия. М.: Общество «Знание» РСФСР, 1978. — 64 с.
 19. Гордон А.В. Великая Французская революция в советской историографии. М.: Наука, 2009. – 377 с.
 20. Грекулов Е.Ф. Церковь, самодержавие, народ (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1969. – 184 с.
 21. Гуревич А. История историка. М.: Университетская книга, СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. – 285 с.
 22. Дамаскин (Орловский), иером. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Тверь: Булат, 1996. Кн. 2. – 526 с.
 23. Дмитриев А. Кровавый навет и христианская Церковь. М.: Гос. антирелигиозное изд-во, 1932. – 70 с.
 24. Д'Эрбиньи М. Церковная жизнь в Москве. Париж, 1926. – 115 с.
 25. Емелях Л.И. Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М., Л.: Наука, 1965. – 205 с.
 26. Емелях Л.И. Крестьяне и церковь накануне Октября. Л.: Наука, 1976. – 174 с.

27. Зеньковский В.В. История русской философии. Харьков: Фолио; М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс., 2001. – 896 с.
28. Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905-1907 гг. М.: Наука, 1984. – 226 с.
29. История Русской Православной Церкви. От восстановления Патриаршества до наших дней. Т. I. 1917-1970. СПб.: Воскресение, 1997. – 1020 с.
30. Источниковедение: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков и др.; отв. ред. М. Ф. Румянцева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 685, [3] с.
31. Кандидов Б. Религиозная контрреволюция 1918-1920 гг. и интервенция (очерки и материалы). М.: Безбожник, 1930. – 148 с.
32. Кандидов Б.П. Церковь и контрразведка. М.: Госиздат РСФСР: Московский рабочий, 1930. – 93 с.
33. Кандидов Б. Церковь и шпионаж. О некоторых фактах контрреволюционной и шпионской деятельности религиозных организаций. М.: Воениздат, 1940. – 144 с.
34. Каннингем Д. С надеждой на Собор. Русское религиозное пробуждение начала века. Лондон, 1990. – 354 с.
35. Каноническое положение Православной Русской Церкви за границей. Париж. Издание Епархиального управления Западно-Европейского митрополичьего округа, 1927. – 95 с.
36. Клерикальный антисоветизм: система идеологических диверсий. Политиздат Украины, 1984. — 303 с.
37. Колеров М.А. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от "Проблем идеализма" до "Вех". 1902-1909. СПб.: Алетейя, 1996. – 374 с.
38. Коник В. Свобода совести и ее лжезащитники. М.: Молодая гвардия, 1986. — 175 с.
39. Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20 – 40-е гг. XX века). М., 1999.
40. Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1925-1938 гг. гг. Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной

- властью. М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. – 624 с.
41. Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1939–1964 гг. Административное устройство и отношения с Церковью в Отечестве / А.А. Кострюков. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. – 488 с.
42. Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов. Организация церковного управления в эмиграции и его отношения с Московской Патриархией при жизни Патриарха Тихона. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. – 398 с.
43. Лавров В.М., Лобанов В.В., Лобанова И.В., Мазырин А.В. Иерархия русской Православной Церкви, Патриаршество и государство в революционную эпоху. М.: НП ИД «Русская панорама». 2008. – 376 с.
44. Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М.: Текст, 1994. – 431 с.
45. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Молодая гвардия, 2009. – 617 с.
46. Лосский. Н.О. История русской философии. М.: Советский писатель, 1991. – 480 с.
47. Маевский В.А. Русские в Югославии. Нью-Йорк: Издание исторического кружка, 1966. Т. 2. – 361 с.
48. Маковецкий А. Белая Церковь: Вдали от атеистического террора. СПб.: Питер, 2009. – 320 с.
49. Митрофанов Г., свящ. Православная Церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы. СПб.: Ноах, 1995. – 286 с.
50. Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь: Кавк. край, 1992. – 414 с.
51. Никон (Рклицкий), архиеп. Жизнеописание блаженнейшего Антония митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк: Издание Северо-Американской и Канадской епархии, 1962. Т. IX. – 352 с.
52. Никон (Рклицкий), архиеп. Жизнеописание блаженнейшего Антония митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк: Издание Северо-

- Американской и Канадской епархии, 1961. Т. VII. – 424 с.
53. Никон (Рклицкий), архиеп. Жизнеописание блаженнейшего Антония митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк: Издание Северо-Американской и Канадской епархии, 1960. Т. VI. – 319 с.
54. Никон (Рклицкий), архиеп. Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время. Нижний Новгород: Издание Братства во имя святого князя Александра Невского, 2004. Кн.1. – 716 с.
55. Флоренский П.А. Собрание сочинений. Философия культа (опыт православной антропологии). М.: Мысль, 2004. – 685 с.
56. Павлов Д.Б. Отечественная и зарубежная историография государственно-церковных отношений 1917 – 1922 гг.: исследование. М: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та, 2011. – 74 с.
57. Плаксин Р.Ю. Крах церковной контрреволюции 1917-1923 гг. М., 1968. -192 с.
58. Плаксин Р.Ю. Тихоновщина и ее крах: позиция православной церкви в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны Л., 1987. – 206 с.
59. Погасий А.К. Церковные расколы в российском православии XIV – начала XX веков. Казань.: Изд. дом МедДок, 2009. – 291 с.
60. Позойский С. К истории отлучения Льва Толстого от церкви. М.: Советская Россия, 1979. – 177 с.
61. Политическая история русской эмиграции: 1920-1940 гг.: Документы и материалы: Учебное пособие. М.: Владос, 1999. – 776 с.
62. Польский М., прот. Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей. Джорданвилль: Типография пр. Иова Почаевского в св. Троицком монастыре, 1948. – 196 с.
63. Попов А.В. Российское православное зарубежье: история и источники. С приложением систематической библиографии. М.: ИПВА, 2005. – 619 с.
64. Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. – 511 с.

65. Православная Русская Зарубежная Церковь. Монреаль, 196-? – 29 с.
66. Раев М.И. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919–1939. М.: Прогресс-Академия, 1994. – 296 с.
67. Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви, 1917 – 1945. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1996. – 632 с.
68. Русское православие: вехи истории. М.: Политиздат, 1989. – 719 с.
69. Смолич И. К. История Русской церкви. [Кн. 8], ч. 1: 1700-1917 / И. К. Смолич. – М.: Изд-во Спасо-Преображ. Валаам. монастыря, 1996. – 798 с.
70. Степанов. А. Черная сотня: взгляд через столетие. СПб.: Царское дело, 2000. – 136 с.
71. Стратонов И.А. Русская церковная смута. 1921 – 1931 гг. // Из истории Христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии: М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1995. – С. 29-172.
72. Тагер А.С. Царская Россия и дело Бейлиса. М.: Советское законодательство, 1934. – 324 с.
73. Тальберг Н.Д. Церковный раскол. Париж: Долой зло, 1927. – 47 с.
74. Тальберг Н.Д. К сорокалетию пагубного евлогиянского раскола. Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь, 1966. – 128 с.
75. Троицкий С.В. О неправде карловацкого раскола: Разбор книги прот. М. Польского «Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей». М., 1992. – 128 с.
76. Троицкий С.В. Размежевание или раскол. Париж: YMCA-Press, 1932. – 151 с.
77. Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М.: Культур. центр «Духов. б-ка», 2002. – 623 с.
78. Фирсов С.Л. Власть и огонь: Церковь и советское государство: 1918 – начало 1940-х гг.: очерки истории. М.: Свято-Тихоновский гуманитар. ун-т, 2014. – 474 с.
79. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 848 с.

80. Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.). Критические очерки. М.: Наука, 1967. – 336 с.
81. Цыпин В., прот. История Русской Церкви. 1917-1997. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – 831 с.
82. Чернавин И., прот. Русская Зарубежная Церковь и Московская Патриархия. Нью-Йорк: Изд. о-ва "Зарубеж. Русь, не приемлющая большевиц. патриархов", 1945. – 57 с.
83. Чертков А. Крах. М.: Молодая гвардия, 1968. – 176 с.
84. Шишкин А.А. Сущность и критическая оценка «обновленческого раскола» русской православной церкви. Казань: Издательство Казанского Университета, 1970. – 366 с.
85. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече: Лепта, 2010. – 478 с.
86. Curtiss J. Russian church and the Soviet state, 1917-1950. Boston, 1953.
87. Günther W. Die russisch-orthodoxe Kirche in der Bundesrepublik Deutschland. Memorandum. Sigmaringen, 1980.
88. Günther W. Zur Geschichte der russisch-orthodoxen Kirche in Deutschland in den Jahren 1920 bis 1950. Sigmaringen, 1982.
89. Seide G. Geschichte der Russischen Orthodoxen Kirche im Ausland von der Gründung bis in die Gegenwart. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1983.
90. Seide G. Verantwortung in der Diaspora. Die Russische Orthodoxe Kirche im Ausland. München : Kiril & Method Verlag, 1989.

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И ОЧЕРКИ

1. Амосов Н. Октябрьская революция и церковь (материалы для докладчиков и беседчиков) // Антиралигиозник. 1937. № 10. – С. 46-54.
2. Артемов Н., прот. О Православной Российской Церкви за рубежом и на родине. Мюнхен, 1991. – 16 с.
3. Белов А., Шилкин А. Духовные мертвецы из Джорданвилля // Наука и

- религия. 1969. № 11. – С. 42-45.
4. Бессонов М.Н. Раскольники из Джорданвилля // Аргументы. М., 1987. – С. 11-28.
 5. Бондарева Е.А. Историческая судьба России в трудах иерархов Русской Православной Церкви за рубежом: Митрополит Антоний (Храповицкий), митрополит Анастасий (Грибановский), митрополит Серафим (Соболев) // Бялата емиграция в България: Материали от научна конференция. София, 2001. – С. 328-353.
 6. Васильев А.В., Комаров П.М. Смена власти в Джорданвилле // Аргументы. М., 1987. – С. 29-41.
 7. Ведерников А. За оградой Матери-Церкви // Журнал Московской Патриархии. 1953. № 7. – С. 32-39.
 8. Великие итоги // Антирелигиозник. 1933. № 1. – С. 1-6.
 9. Вениамин (Федченков), митр. Раскол или единство? // Церковно-исторический вестник. 1999. № 4–5. – С. 4-139.
 10. Воронцов Г.В. Церковно-эмигрантская фальсификация религиозного вопроса в СССР // Вопросы научного атеизма. М., 1970. – С. 372-394.
 11. Гаврюшин Н.К. Идеал любви и трагедия власти: митрополит Антоний (Храповицкий) // Гаврюшин Н.К. Русское богословие. Очерки и портреты. Нижний Новгород: «Глагол», 2005. – С. 83-117.
 12. Георгий (Ореханов), иерей, Ефремова О.Н. Новые документы из фонда Архиерейского Синода РПЦЗ // История Русской Православной Церкви в XX веке (1917-1933). Мюнхен, 2002. – С. 563-587.
 13. Гордиенко Н.С. Тоскуя по царю и гетману // Наука и религия. 1982. № 1. – С. 52-55.
 14. Грекулов Е. Как церковники помогали царизму при выборах в Думу // Антирелигиозник. 1937. № 11. – С. 26-35.
 15. Григориевич Б. Русская Православная Церковь между двумя войнами // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. – С. 11-113.
 16. Григорий (Граббе), еп. Доклад Архиерейскому Синоду РПЦЗ / Григорий

- (Граббе) / Завет Святого Патриарха. М., 1996. С. 120-124.
17. Григорий (Граббе), еп. К истории русских церковных разделений за границей. Опровержение ошибок в сочинении Д. Поспеловского «The Russian Church Under the Soviet Regime 1917-1982» / Епископ Григорий (Граббе) / Завет Святого Патриарха. – С. 136-194.
18. Емелях Л.И. Атеизм и антиклерикализм народных масс в 1917 г. // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1958. Т. 5. – С. 50-63.
19. За большевистскую разработку истории гражданской войны // Борьба классов. 1932. № 6.
20. Завалишин Б. Антоний митрополит Киевский и Галицкий // Троицкий календарь с церковным уставом на 1946 год. Джорданвилль, 1946. – С. 1-24.
21. Зернов Н.М. Юрисдикционные споры в Русской Церкви эмиграции и I-й Всезарубежный Собор в Карловцах в 1921 году // Вестник РХД. 1974. № 114. – С. 119-146.
22. Инокья Васса (Ларина). «Русскость» Русской Зарубежной Церкви в контексте церковной икономии (1920-1945) // Благодатный огонь. 2004. №12. – С. 20-29.
23. История Русской Православной Церкви в XX веке (1917-1933). Мюнхен, 2002.
24. Казем-Бек А. Прошлое и настоящее парижского раскола // Журнал Московской Патриархии. 1969. № 4. – С. 10-23.
25. Кандидов Б. Контрреволюционная деятельность церкви в дни Октябрьской социалистической революции // Антирелигиозник. 1937. № 10. – С. 26-34.
26. Кандидов Б. Религиозная контрреволюция и антирелигиозное движение в 1905-07 гг. // Антирелигиозник. 1935. № 6. – С. 4-12.
27. Кандидов Б. Религиозные организации и антирелигиозное движение в эпоху Великой пролетарской революции // Антирелигиозник. 1937. № 9. – С. 13-24.
28. Кандидов Б. Роль религии в империалистической войне // Безбожник. 1926. № 4. – С. 4-5.

29. Каптерев Н.Ф. К вопросу о церковной реформе [Рец. на:] Преображенский И.В. Церковная реформа: Сборник статей. СПб., 1905 // Богословский вестник. 105. Т. 3. № 11. – С. 501-524.
30. Кашеваров А.Н. Временные церковные управления на территориях, занятых белыми // История Русской Православной Церкви в XX веке (1917 – 1933). Мюнхен, 2002.
31. Кашеваров А.Н. Русское церковное зарубежье в контексте проблемы восстановления единства русского мира // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 1. – С. 28-34.
32. Керенский В. Православные Духовные Академии в прошлом и в настоящем // Вера и разум: Богословско-философский журнал. 1911. № 23. – 571-595.
33. Кирилл (Гундяев), архиеп. Богословское образование в Петербурге — Петрограде — Ленинграде: традиция и поиск // Богословские труды. Юбилейный сборник, посвященный 175-летию Ленинградской духовной академии. М., 1986.
34. Кострюков А.А. Борьба зарубежных иерархов с демократическими тенденциями в церковном управлении в двадцатые годы XX века // XVI Ежегодная богословская конференция ПСТГУ: Материалы. 2006. Т. 1. – С. 123-129.
35. Кострюков А.А. Временное высшее церковное управление на юго-востоке России как начало зарубежной церковной власти // Вестник ПСТГУ. II. История Русской Православной Церкви, 2008. Вып. 3 (28). – С. 50-60.
36. Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь и автокефалия Польской Церкви // Вестник ПСТГУ. II. История Русской Православной Церкви. 2010. Вып. 4 (37). – С. 17-27.
37. Кострюков А.А., Тягунова Н.Ф. Новые документы по истории взаимоотношений между патриархом Тихоном и Карловацким Синодом // Вестник ПСТГУ. II. 2008. Вып. II:3 (28). – С. 119-125.
38. Лабунский В. «Религия и война» – выставка-передвижка //

- Антирелигиозник. 1932. № 2. – С. 35-37.
39. Ладоренко В.Е. К вопросу об изменении политической ориентации русской православной церкви (1917-1945) // Вопросы истории религии и атеизма. Вып. 12. М., 1964. – С. 106-123.
40. Мазырин А., иерей. Патриарший местоблюститель митрополит Петр и русское зарубежье. XVIII Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ: В 2 т. М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. Т. 1. – С. 241-250.
41. Мазырин А., прот. Вопрос о замещении киевской кафедры в 1920-е гг. // Вестник ПСТГУ. II. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 3 (24). – С. 118-131.
42. Мазырин А., прот. Вопрос о замещении киевской кафедры в 1920-е гг. // Вестник ПСТГУ. II. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 2 (23). – С. 58-67.
43. Материалы в помощь изучающим историю ВКП (б) // Антирелигиозник. 1940. № 2. – С. 5-22.
44. Мегружан Ф., Коган Ю. Ленин о свободе совести // Антирелигиозник. 1937. № 1. – С. 21-33.
45. Между двумя митрополитами. А.В. Карташев как историк русской церкви и политик в эмиграции // Мир историка: историографический сборник. Вып. 3. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2007. – 494 с.
46. Мейендорф И., прот. У истоков зарубежного раскола // Вестник РСХД. 1987. № 151. – С. 219-226.
47. Несколько лекций по методике историографического анализа: современные исследовательские практики: учебное пособие / В.П. Корзун, М.А. Мамонтова, Н.А. Коновалова, Ю.П. Денисов. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. – 144 с.
48. Одинцов М. Жребий пастыря. Сцены и документы из жизни патриарха Тихона // Наука и религия. 1989. № 6. – С. 34-40.
49. Петров С.Г. Освобождение патриарха Тихона из-под ареста: источниковедческое изучение «покаянных документов» // История Русской

- Православной Церкви в XX веке (1927 – 1933). Мюнхен, 2002.
50. Письма митр. Анастасия к Г.Н. Трубецкому // Вестник РХД. 1987. № 151. – С. 227-237.
51. Питирим (Нечаев), архиеп. «Церковь и свершение творения» (Доклад, прочитанный на конференции «Церковные дни-74» в Упсале, Швеция, 30 авг. – 3 сент. 1974 г.). Журнал Московской Патриархии. 1975. № 1. – С. 64-76.
52. Под флагом РСХД // Аргументы. М., 1980.
53. Попов А.В. История русских зарубежных церковных разделений в XX в. // Макарьевские чтения: материалы четвертой международной конференции. Горно-Алтайск., 2005. – С. 219-238.
54. Попов И.В. [Рец. на:] Антоний (Храповицкий), еп. Полное собр. соч. Т. 1-3. Казань, 1900 // Богословский вестник 1901. Т. 1. №1. – С. 171-187.
55. Попов П.И. Карловацкая смута: К освящению раздоров заграничной русской иерархии. Юрьев, 1927. – 23 с.
56. Попова Т.Н. Персональная история VS интеллектуальная биография, биоисториография: подходы и понятия // Человек в истории и культуре / отв. ред.: А. А. Пригарин; НАН Украины, Ин-т археологии. Вып. 2: Мемориальный сборник материалов и исследований в память Владимира Никифоровича Станко. – Одесса: Смил, 2012. – С. 540-563.
57. Пospelовский Д.В. Митрополит Сергей и расколы справа // Вестник РСХД. 1990. № 158. – С. 53-81.
58. Репина Л.П. Интеллектуальная история на рубеже XX – XXI вв // Новая и новейшая история. 2006. № 1. – С. 12-22.
59. Репина Л.П. Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 25/1. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. – 400 с.
60. Репина Л.П. От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. – 2-е изд. – М.: Квадрига, 2010. – С. 55-74.

61. Сапов В.В. Вокруг «Вех» (Полемика 1909-1910 годов) // Вехи: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1998. – С. 7-22.
62. Сафонов Д.В. К вопросу подлинности «Завещательного послания» св. Патриарха Тихона // Богословский вестник. 2004. Т. 4. № 4. – С. 265-311.
63. Сахаров А.М. О предмете историографических исследований // История СССР. 1974. № 3.
64. Священный Собор Архиереев Русской Православной Церкви за границей // Хлеб Небесный. 1931. № 11/12.
65. Сергей (Ларин), еп. Несколько слов по поводу раскольничьей деятельности Митрополита Анастасия // Журнал Московской Патриархии. 1946. № 3. – С. 26-31.
66. Сидорова Т.А. Историография как интеллектуальная история: проблемы междисциплинарности и контекста // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. Изд. 2-е – М.: Издательство ЛКИ, 2012. – С. 586-594.
67. Соловьев И. Из истории Христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1995. – С. 3-8.
68. Сухоруков А.Н. Малоизвестные страницы церковного служения Экзарха Украины митрополита Михаила (Ермакова) в 1922-1923 годах (по материалам следственного дела) // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. II:1 (30). – С. 79-122.
69. Троицкий С.В. Идеология карловацкого раскола // Журнал Московской Патриархии. 1948. № 2. – С. 43-50.
70. Урядова А.В. Русская православная церковь в Советской России в первой половине 1920-х гг. глазами эмигрантов // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Выпуск 2. Сборник докладов и материалов международных, общероссийских научно-практических семинаров и конференций 2004–2005 гг. М., 2005.
71. Фирсов С.Л. Была ли безбожная пятилетка? // Независимая газета (НГ-религии). 2002. 30 октября.

72. Фирсов С.Л. Владыка Антоний (Храповицкий) как православный публицист и полемист конца XIX - начала XX века / Фирсов С.Л. Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. СПб.: «Сатисъ», 2007. – С. 332-363.
73. Чемерисский Н.А. Изъятие в 1922 г. церковных ценностей для помощи голодающим // Вопросы истории религии и атеизма. Вып.10. М., 1962. – С. 186-212.
74. Шамаро А. Житие несостоявшегося патриарха // Наука и религия. 1988. № 6. – С. 35-37.
75. Шейнман М.М. Обновленческое течение в русской православной церкви после Октября // Вопросы научного атеизма. Вып.2. Модернизация религии в современных условиях. М., 1966. – С. 41-64.
76. Шестакова М. Церковники и сектанты на службе фашистских разведок // Антирелигиозник. 1938. № 3. – С. 7-10.
77. Шишкин А. Путь духовной гибели // Журнал Московской Патриархии. 1954. № 2. – С. 46-51.
78. Шкаровский М.В. Актуальные проблемы русской церковной эмиграции в XX веке: историографические и источниковедческие аспекты // Христианское чтение. 2012. № 1. – С. 44-97.
79. Шмеман А., прот. Церковь и церковное устройство. Париж, 1949. – 24 с.
80. Шмидт С. О. Архивный документ как историографический источник. Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии // Сб. ст.: Проблемы истории общественной мысли и историографии: к 75-летию акад. М.В. Нечкиной. М.: РГГУ, 1997.
81. Шмидт С. О. Некоторые вопросы источниковедения историографии // Сб. ст.: Проблемы истории общественной мысли и историографии: к 75-летию акад. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1976.
82. Шоломова С. Б «Остаюсь Ваш доброжелатель и богомолец...». К истории взаимоотношений священника Павла Флоренского и митрополита Антония (Храповицкого) // Журнал Московской Патриархии. 1998. №6. – 67-80.

- 83.Энеева Н.Т. Судьбы Русской Православной Церкви в годы Гражданской войны (1918-1920-е гг. и истоки юридического раскола) // «Русский исход». Сборник статей / Серия «Русское зарубежье». Источники и исследования. СПб., 2004.
- 84.Яковлев А.И. Церковный воитель // Митрополит Антоний (Храповицкий): Избранные труды, письма материалы. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2007. – С. IV-LI.
- 85.Ярославский Е. О наших задачах. Вступительное слово на Всесоюзном совещании по антирелигиозной пропаганде 9/VI-1935 // Антирелигиозник. 1935. № 4. – С. 8-14.
- 86.Douglas J. A. The Orthodox Delegation the Lambeth Conference of 1930 // The Christian East. Vol. 11:2. 1930.
- 87.Walter J. Burghard, ed., G.W. Clarke, tr. Ancient Christian Writers // Epp. 69.3.1; 70.3.1–3.3; 73.2.2, 47.4. NY.: Newman Press, 1989.
- 88.With Bishop Gore in the Near East // The Christian East. Vol. 4:3. 1923.

ДИССЕРТАЦИИ И АВТОРЕФЕРАТЫ

1. Бычков С.П. Антон Владимирович Карташев – историк Русской Церкви. Дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Омск, 1999. – 292 с.
2. Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943-1948 гг. Дис. на соиск. уч. степ. док. ист. наук. М., 1998. – 294 с., Прил. (72 с.).
3. Горбунова Ю.Ф. Император Николай II как государственный деятель в отечественной историографии (конец XIX – начало XXI вв.). Дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Томск, 2004. – 449 с.
4. Катаев А.М. Московская Патриархия и церковные разделения за рубежом и в СССР в 1922-1946 гг. Дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 2006. – 212 с.
5. Корзун В.П. Образы исторической науки в отечественной историографии рубежа XIX – XX вв. Дис. на соиск. уч. степ. док. ист. наук. Омск, 2002. –

364 с.

6. Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь и Патриарх Тихон (1920-1925 гг.). Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 2007. – 32 с.
7. Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь и Патриарх Тихон (1920-1925 гг.). Дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 2007. – 366 с.
8. Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь: создание, взаимоотношения с московской центральной властью и внутренние разделения в 1920-1938 гг. Дис. на соиск. уч. степ. док. ист. наук. М., 2012. – 235 с.
9. Кривова Н.А. Власть и русская православная церковь в 1922-1925 гг.: Политика ЦК РКП(б) по отношению к религии и церкви и ее осуществление органами ГПУ-ОГПУ. Дис. на соиск. уч. степени док. ист. наук. М., 1998. – 418 с.
10. Маковецкий А.В. Русская Православная Церковь за границей: этап возникновения и организационного оформления: 1920-1940 гг. Дис. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. СПб., 2007. – 137 с.
11. Пантелеева Е.В. Русская православная Церковь в Западной Европе в 20-30-е гг. XX в. (религиоведческий анализ). Дис. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. СПб., 2005. – 152 с.
12. Сафонов Д.В. Патриарх Тихон и Советская власть: проблема государственно-церковных отношений в 1922-1925 гг. Дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 2004. – 277 с.
13. Соловьев И.В. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский) и российская церковно-общественная жизнь в начале XX столетия. Дис. на соиск. уч. степени. канд. ист. наук. М., 2002. – 226 с.
14. Хмыров Д.В. Православная Российская Церковь за рубежом в 1920-е гг.: к истории создания РПЦЗ. Дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. СПб., 2016. – 263 с.

ТРУДЫ МИТРОПОЛИТА АНТОНИЯ (ХРАПОВИЦКОГО)

1. Антоний (Храповицкий), епископ Волынский. Первая ответная докладная

- записка Святейшему Правительствующему Синоду // Богословский вестник. 1905. Т. 3. № 12. – С. 698-710.
2. Антоний (Храповицкий), митр. Словарь к творениям Достоевского (Не должно отчаиваться) / Митрополит Антоний (Храповицкий). Сила Православия. М.: Ин-т русской цивилизации: Алгоритм, 2012. – С. 426-492;
 3. Архиепископ Антоний (Храповицкий). Где всего сильнее сказалось у нас немецкое засилье // Пастырь и паства. 1917. Харьков, № 17-18. – С. 419-425;
 4. Архиепископ Антоний (Храповицкий). Заметки о нашей духовной школе. Полное собрание сочинений. СПб.: И. Л. Тузов, 1911. Т. 3. – С. 420-435.
 5. Архиепископ Антоний (Храповицкий). Третья докладная записка. Духовная школа / Архиепископ Антоний (Храповицкий) Полное собрание сочинений. СПб., 1911. Т. 3. – С. 497–522;
 6. Архиепископ Антоний (Храповицкий). Четвертая докладная записка: о патриаршестве / Архиепископ Антоний (Храповицкий) Полное собрание сочинений. СПб., 1911. Т. 3. – С. 522-532;
 7. Митрополит Антоний (Храповицкий). Слово о Страшном суде и современных событиях, произнесенное в Исаакиевском соборе 20 февраля 1905 г. Митрополит Антоний (Храповицкий). Собрание сочинений. М.: Дарь., 2007. Т. 2. С. 601-608.
 8. Митрополит Антоний (Храповицкий). О Патриархе Никоне / Митрополит Антоний (Храповицкий). Собрание сочинений. М.: Дарь, 2007. Т. 1. – С. 754-779;
 9. Митрополит Антоний (Храповицкий). Ложный пророк / Митрополит Антоний (Храповицкий). Собрание сочинений. М.: Дарь, 2007. Т. 2. – С. 262-266;
 10. Митрополит Антоний (Храповицкий). О Патриаршестве / Митрополит Антоний (Храповицкий). Собрание сочинений. М.: Дарь, 2007. Т. 1. – С. 718-753.
 11. Митрополит Антоний (Храповицкий): Избранные труды, письма, материалы. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т

2007. – С. 629-631;

12. Архиепископ Антоний (Храповицкий). Ответное письмо Н.А. Бердяеву о «Вехах» / Архиепископ Антоний (Храповицкий). Полное собрание сочинений. СПб.: И. Л. Тузов, 1911. Т. 3. – С. 554-568.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1. Фонд 6343. Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей.

Опись 1.

Дело 3. О созыве и работе Архиерейского Собора,

Дело 4. Об упразднении высшего русского церковного управления за границей и об образовании высшей власти для белоэмигрантской церкви.

Дело 5. Об образовании высшей власти для белоэмигрантской церкви.

Дело 263. О положении церкви в советской России

2. Фонд. 1486. Шавельский Г.И., протопресвитер военного и морского духовенства. Опись 1. Дело 8. В школе и на службе.

ОТДЕЛ РУКОПИСЕЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ

1. Фонд 26. Беляев Александр Дмитриевич. К. 1. Ед. хр. 24, 26, К. 2. Ед. хр. 1,3.

2. Фонд 765. Рождественский Николай Иванович. К. 7. Ед. хр. 1.

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917-1943: Сб. в 2 ч. / Сост. М.Е. Губонин. М.: Изд-во Православ. Свято-Тихонов. богослов. ин-та, 1994. – 1063 с.

3. Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922-1925: в 2-х книгах. Новосибирск: Сиб. хронограф, М.: РОССПЭН, 1997. Кн. 1. – 597 с.

4. Деяния Русского Всеагличного Церковного Собора, состоявшегося 8-21 ноября 1921 года (21 ноября – 3 декабря) в Сремских Карловцах в Королевстве С.Х. и С. Срем. Карловци: Српска манастирска штампарија, 1922. – 158 с.
5. Загличное Русское Церковное Собрание. Материалы Подготовительной комиссии. Выпуск 1. Константинополь, 1921. – 39 с.
6. Обращение Патриарха Московского и Всея Руси Алексия к архипастырям и клиру так называемой карловацкой ориентации // Журнал московской Патриархии. 1945. № 9. – С. 9-12.
7. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства. Л.: Гос. изд-во, 1927. Т. VII. – 476 с.
8. Письмо Святейшему Патриарху Тихону от Архиерейского Синода заграницей // История Русской Православной Церкви в XX веке (1917-1933). Мюнхен, 2002.
9. Послание Заместителя Патриаршего Местоблюстителю Блаженнейшему Патриарху Сербскому от 23 марта 1933 года, № 311 // Журнал Московской Патриархии в 1931-1935 годы. М., 2001. – С. 157-164.
10. Постановление Заместителя Патриаршего Местоблюстителю и при нем Патриаршего Священного Синода о Карловацкой группе (от 22 июня 1934 года, № 50) // Журнал Московской Патриархии в 1931-1935 годы. М., 2001– С. 227-229.
11. Применить к попам высшую меру наказания // Источник. 1995. № 3(16).
12. Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга II. Выпуск 1: Деяния XVII – XIX. Петроград, 1918. – 457 с.
13. Следственное дело патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального Архива ФСБ РФ. М.: Памятники исторической мысли. Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2000. – 1016 с.
14. Сосуд избранный: Сборник документов по истории Русской Православной Церкви. СПб.: Борей, 1994. – 464 с.

СПРАВОЧНИКИ И ЭНЦИКЛОПЕДИИ

1. Большая советская энциклопедия. М.: Акционерное общество «Советская энциклопедия», 1926. Т. 3. – 800 с.
2. Карташев А.В. Антоний (Алексей Павлович Храповицкий) // Новый энциклопедический словарь. СПб.: Типография акционерного общества «Брокгауз-Ефрон», 1911. – Т. 3. – С. 67-69.
3. Карловацкий раскол // Атеистический словарь / Абдусамедов А. И., Алейник Р. М., Алиева Б. А. и др.; Под общ. ред. М. П. Новикова. – 2-е изд., испр. и доп. - М.: Политиздат, 1985. – 512 с.
4. Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи с 1883 по 1965 г / Die Russischen Orthodoxen Bischöfe von 1893 bis 1965 in Erlangen, 1979—1988.
5. Мень А., прот. Библиологический словарь. М.: Фонд им. Александра Меня, 2002. Т. 1. – 602 с.
6. Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. М.: Рус. путь; Париж: YMCA-Press, 2007. – 573 с.
7. Общественная мысль русского зарубежья. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2009. – 703 с.
8. Православная Богословская энциклопедия / Издание под редакцией А.П. Лопухина. СПб.: тип. А.П. Лопухина, 1900. Т. 1.
9. Православная Богословская энциклопедия / Издание под редакцией Н.Н. Глубоковского. СПб., 1907. Т. 8. – 866 с.
10. Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. Т. 2. – 752 с.
11. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997 – 742 с.

12. Философы России XIX – XX столетий. М. Академический Проект, 1999.
– 944 с.

13. Энциклопедический словарь. Дополнительный том. I. Типография Акц.
Общ. Брокгауз-Ефрон. СПб, 1905. – 488 с.

ОБЩЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

1. А.М.Д. Где «тихоновская» церковь? // Новый корабль. 1928. №4.
2. Белогорский Н. Кончина митрополита Антония // Часовой. 1936. №173.
3. Бердяев Н.А. В защиту христианской свободы // Современные записки. 1925. № XXIV. – С. 85-303.
4. Бердяев Н.А. Обскурантизм // Путь. 1928. № 13. – С. 19-36.
5. Бердяев Н.А. Открытое письмо архиепископу Антонию // Вехи: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1998. – С. 373-378.
6. Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914-1922. М.: Астрель, 2007. – 1184.
7. Бердяев Н.А. Проблема христианского государства // Современные записки. 1927. № XXXI. – С. 280-305.
8. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. Мысль, 1990. – 207 с.
9. Бердяев Н.А. Царство Божие и царство кесаря // Путь. 1925. № 1. – С. 31-52.
10. Бердяев Н.А. Церковная смута и свобода совести // Путь. 1926. № 5. – С. 42-54.
11. Бонч-Бруевич В.Д. Сила русского клерикализма // Избранные атеистические произведения. М.: Издательство «Мысль», 1973. – С. 82-92.
12. Булгаков С.Н. Без плана // С.Н. Булгаков. Pro et contra. Т. 1. СПб., 2003.
13. В стане белых эмигрантов // Безбожник у станка. 1924. № 12.
14. В.И. Белавин (патриарх Тихон) (политический некролог) // Известия. 2.06.1922. № 121 (1568).

15. Валентинов Н. Наши клирики // Вехи: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1998. – С. 73-83.
16. Глинский Б.Б. Константин Петрович Победоносцев (материалы для биографии) // Тайный правитель России: К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866 – 1895. Статьи. Очерки. Воспоминания. М., 2001.
17. Горький М. Ответ интеллигенту // Правда. 1931. № 138-139.
18. Григорий (Граббе), еп. Русская Церковь перед лицом господствующего зла // Юбилейный сборник в память 1000-летия Крещения Руси. Джорданвилль: Типография преп. Иова Почаевского, 1988. – С. 156-322.
19. Двуглавый орел. 1921. № 9. С.19-20; Письмо монархиста // Путь. 1926. № 3/4.
20. Духовные задачи русской эмиграции (от редакции) // Путь. 1925. № 1. – С. 3-8.
21. Елевферий (Богоявленский), митр. Неделя в Патриархии (Впечатления и наблюдения от поездки в Москву) // Из истории христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1995. – С. 173-318.
22. И.А. Ильин: Pro et contra. Личность и творчество Ивана Ильина в воспоминаниях, документах и оценках русских мыслителей и исследователей. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2004. – 895 с.
23. Иванов П. Сокровенный смысл современных церковных событий // Путь. 1927. № 8. – С. 122-130.
24. Ильин И.А. О сопротивлении злу силой / Ильин И.А. // Собрание сочинений: в 10 т. М., 1996. Т. 5.
25. Иоанн (Шаховской), архиеп. Установление единства. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2006. – 250 с.
26. Иоанн (Шаховской), иером. Почему я ушел из юрисдикции митрополита Антония. Париж: Православно-миссионерское кн. изд-во, 1931. – 31 с.

27. К ответу! // Правда. 1922. № 70.
28. К уходу Высокопреосвященнейшего Митрополита Антония на Св. Афон // Церковные ведомости. 1923. № 3/4. – С. 8.
29. Князья и простецы // Известия. 1922. № 69.
30. Кожинов В.В. Россия век XX (1901 – 1939). М.: Изд-во Эксмо; Изд-во Алгоритм, 2005. – 448 с.
31. Красиков П.А. Голод и христианство / Красиков П.А. Избранные атеистические произведения. М.: Издательство «Мысль», 1970. – С. 150-159.
32. Красиков П.А. И мытьем, и катанием / Красиков П.А. Избранные атеистические произведения. М.: Издательство «Мысль», 1970. – 201-208.
33. Красиков П.А. На церковном фронте (1918-1923). М.: Юрид. Изд-во Наркомюста, 1923. – 311 с.
34. Красиков П.А. Спасение церкви // Известия. 1922. № 105.
35. Л.Н. Подвиги христианские // Известия. 1922. № 101.
36. Ленин В.И. О значении воинствующего материализма / Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 45. – С. 23-33.
37. Ленин В.И. Об отношении рабочей партии к религии / Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Издательство политической литературы, 1968. Т. 17. – С. 415-426.
38. Ленин В.И. Поездка царя в Европу и некоторых депутатов черносотенной Думы в Англию / Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Издательство политической литературы, 1968. Т. 19. – С. 52-57.
39. Ленин В.И. Социализм и религия / Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Издательство политической литературы, 1968. Т. 12. – С. 142-147.
40. Лопухин П.С. Митрополит Антоний о Государе, Руси, России: из бесед с Блаженнейшим владыкой Антонием: докл., прочит. в О-ве памяти Блаженнейшего митр. Антония 14/27 нояб. 1938 г. в Белграде. Белград: Меркур, 1939. – 16 с.

41. М. Курдюмов. Во власти искушения // Путь. 1928. № 13. – С. 93-105.
42. Марков Н.Е. Правда о смуте церковной / Марков Н.Е. / Думские речи. Войны темных сил. М., 2011. – С. 150-178.
43. Межов А. Генштаб контр-революции // Известия. 1922. № 99.
44. Мережковский Д.С. Больная Россия. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1991. – 267 с.
45. Мержеевский В. Блаженнейший митрополит Антоний и Константин Победоносцев // Владимирский вестник. 1957. № 57.
46. О судьбах «Зарубежной Церкви» (письмо в редакцию) // Вестник РСХД. 1987. № 151. – С. 242-248.
47. Огнев Н. О русской интеллигенции // Вехи: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1998. – С. 86-89.
48. Окунев В. На разные темы // Владимирский вестник. 1956. № 61.
49. Петрункевич И.И. Интеллигенция и «Вехи» // Вехи: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1998. – С. 555-564.
50. Пути церковной реформации // Известия. 1922. № 179.
51. Родзянко М. Правда о Зарубежной Церкви. б.м., 1954. – 40 с.
52. Розанов В.В. Когда начальство ушло. М.: Республика, 1997. – 668 с.
53. Розанов В.В. Литературные изгнанники. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. Кн. 2. – 956 с.
54. Розанов В.В. Около церковных стен. СПб: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1905. Т. 2. – 497 с.
55. Розанов В.В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995. – 733 с.
56. Соловьев В.С. Вопрос о «самочинном умствованиях». Л. Тихомиров. «Духовенство и общество в современном религиозном движении» // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1912. Т. 5. – 484 с.
57. Струве Н.А. Духовный опыт русской эмиграции // Струве Н.А. Православие и культура. М., 2000. – 632 с.

58. Струве П. Размышления: мой ответ на газетную травлю // Вехи: pro et contra. СПб: РХГИ, 1998 – С. 219-221.
59. Струве П.Б. Большой русский писатель / Струве П.Б. Дух и слово: Статьи о русской и западно-европейской литературе. Париж, 1981. – С. 329-331.
60. Студенты-проповедники (Очерки петербургской религиозно-просветительской деятельности) // Церковный вестник. 1892. № 1.
61. Сысоев Н. С больной головы на здоровую // Владимирский вестник. 1966. № 108.
62. Токарь. Раскол православной церкви и киевское духовенство // Правда. 1922. № 121.
63. Усагин А. Святые отцы за границей // Безбожник у станка. 1925. № 2. – С. 4-7.
64. Федотов Г. Зарубежная церковная смута // Путь. 1927. № 7. – С. 119-120.
65. Федотов Г. Основы христианской демократии // Новый град. 1934. № 8. – С. 3-14.
66. Филатов Р. Тихоновцы за границей // Безбожник у станка. 1925. № 12.

МАТЕРИАЛЫ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

ДНЕВНИКИ И ВОСПОМИНАНИЯ

1. «Князь церкви» (из дневника А.Н. Львова) // Красный архив. 1930. Т. 2 (39). – С. 108-148.
2. Антоний (Храповицкий), митр. Жизнеописание. Письма к разным лицам 1919-1939 годов. СПб.: «Изд-во Олега Абышко», 2006. – 288 с.
3. Бердяев Н.А. Самопознание. М.: Плюс-Минус, 2004. – 329 с.
4. Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. М.: Отчий дом, 1994. – 447 с.
5. Вениамин (Федченков), митр. Записки Епископа. СПб.: Воскресение, 2002. – 479 с.
6. Волков С. А. Последние у Троицы. Воспоминания о Московской Духовной Академии (1917–1920). М., СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. – 317 с.

7. Воспоминания товарища Обер-Прокурора Святейшего Синода князя Н.Д. Жевахова. СПб.: «Царское дело», 2008. – 936 с.
8. Гессен И.В. Годы изгнания. Жизненный отчет. Париж: YMCA-press, 1979. – 268 с.
9. Голубцов С.А, протоиерей. Стратилаты академические: Ратоборцы за Церковь из корпорации Моск. Духов. Акад. первой половины XX века. Жизнь, труды и крестный путь. М.: Изд-во Правосл. братства Споручницы грешных, 1999. – 288 с.
10. Дневники святого Николая Японского: в 5 т. СПб.: Гиперион, 2004. Т. 3. – 894 с.
11. Дневники святого Николая Японского: в 5 т. СПб.: Гиперион, 2004. Т. 4. – 974 с.
12. Дневники святого Николая Японского: в 5 т. СПб.: Гиперион, 2004. Т. 5. – 958 с.
13. Дурылин С. Н. Нестеров в жизни и творчестве. М.: Молодая гвардия, 2004. – 540 с.
14. Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М.: Моск. рабочий; ВПМД, 1994. – 621 с.
15. Епископ Василий (Родзянко). Спасение любовью / Сост. И предисл. М.Г. Жуковой. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. – 208 с.
16. Зеньковский В.В. Пять месяцев у власти (15 мая –19 октября 1918 г.): Воспоминания. М.: Крутиц. патриаршее подворье, 1995. – 239 с.
17. Киприан (Керн), архим. Из воспоминаний // Архиепископ Антоний (Храповицкий): Избранные труды, письма, материалы. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2007. – С. 792-832.
18. Киреев А.А. Дневник. 1905–1910. М.: РОССПЭН, 2010. – 470 с.
19. Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М.: Наука, 1968. – 524 с.

20. Ковалевский П.Е. Дневники. 1918-1922. СПб: Европейский Дом, 2001. – 573 с.
21. Митрополит Арсений (Стадницкий). Дневник. Т. 1. 1880-1901. М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. – 740 с.
22. Савва (Тихомиров), архиеп. Хроника моей жизни: Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы (Тихомирова) // Богословский вестник. 1909. Т. 3. № 9. – С. 65-96.
23. Соколов В.А. Пять с половиной лет в должности редактора // Богословский вестник. 1915. Т. 3. № 12. – С. 239-267.
24. Феодосий (Алмазов), архим. Мои воспоминания (Записки соловецкого узника). М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1997. – 259 с.
25. Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. Т. 2. – 412 с.
26. Яковлев И.Я. Моя жизнь: Воспоминания. М.: Республика, 1997. – 694 с.

ПИСЬМА

1. В церковных кругах перед революцией (Из писем архиепископа Антония волынского к митрополиту киевскому Флавиану) // Красный архив. М., Л., 1928. Т. 6 (31). – С. 204-213.
2. Воронцова И.В. Розанов и Глубоковский: по письмам Н.Н. Глубоковского из архивного фонда В.В. Розанова // Религиоведение. 2008. № 2. – С. 115-127.
3. Из архива священника Павла Флоренского: письма архимандрита Антония Вл. Соловьеву и Н.Я. Гроту // Владимир Соловьев и культура Серебряного века: к 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А.Ф. Лосева. М.: Наука, 2005. – 629 с.
4. Левин Ш. Материалы для характеристики контрреволюции 1905 г. (Из переписки Бориса Никольского с Антонием Волынским) // Былое. 1923. № 21. – С. 156-186.

5. Леонтьев К.Н. Избранные письма / Публикация, предисловие и комментарий Д. Соловьева. Вступительная статья С. Носова. Именной указатель. СПб.: Пушкин. фонд, 1993. – 637 с.
6. Н.А. Бердяев – письма к М.О. Гершензону (предисловие к публикации М.А. Колерова) // Вопросы философии. 1992. № 5. – С. 119 – 136.
7. Нестеров М.В. Письма. Л.: Искусство, 1988. – 534 с.
8. Письма Владимира Сергеевича Соловьева / Под ред. Э.Л. Радлова. Пб.: Издательство «Время», 1923. – 243 с.
9. Письма Владимира Сергеевича Соловьева / Под ред. Э.Л. Радлова. СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1911. Т. 3. – 336 с.
10. Письмо митрополита Антония (Храповицкого) святейшему Патриарху Тихону // История Русской Православной Церкви в XX веке (1917-1933). Мюнхен, 2002.
11. Русский мир и Латвия: Из архива св. священномученика архиепископа Рижского и Латвийского Иоанна (Поммера). Письма и другие документы. Рига, 2009. Т. 2. – 107 с.
12. Русский мир и Латвия: Из архива св. священномученика архиепископа Рижского и Латвийского Иоанна (Поммера). Письма и другие документы. Т. 3. Рига, 2011. – 177 с.
13. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Письма 1891 (июль-декабрь) – 1893. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. Т. 66. – 528 с.
14. Чему свидетели мы были. Переписка бывших царских дипломатов 1934-1940 годов. М.: Гея, 1998. Ч. 2. – 624 с.

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ

1. Артемов Н., протоиерей. Постановление № 362 от 7/20 ноября 1920 г. И закрытие зарубежного ВВЦУ в мае 1922 г. Историческое и каноническое значение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.anti-raskol.ru/pages/2514> (дата обращения: 01.10.2019).

2. Вениамин (Федченков), митр. «Послужи народу...». Два сорокоуста. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Veniamin_Fedchenkov/dva-sorokousta/ (дата обращения: 01.10.2019).
3. Венгер А. Рим и Москва: 1900 – 1950 [Электронный ресурс]. М., 2000.– Режим доступа: <http://www.rp-net.ru/book/publications/venger/> (дата обращения: 01.10.2019).
4. Гайда Ф. Русская Церковь и русская революция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravoslavie.ru/29621.html> (дата обращения: 01.10.2019).
5. Зызыкин М.В. Царская власть и закон о престолонаследии в России. [Электронный ресурс]. София, 1924 – Режим доступа: http://yakov.works/library/08_z/iz/ykin.htm#mi (дата обращения: 01.10.2019).
6. Иванов В.Ф. Православный мир и масонство [Электронный ресурс]. Харбин, 1935. – Режим доступа: https://drive.google.com/file/d/0B9yvGmoRecX_MTk2ODI2ZmMtZTM0MS00NTRiLTgxZDgtNmY0Y2IyOWNkNWM3/view?hl=en&pli=1 (дата обращения: 01.10.2019).
7. Инок Всеволод (Филипьев). Приходит начало конца. Из писем митрополита Антония (Храповицкого) [Электронный ресурс] // Благодатный огонь. № 9. – Режим доступа: <http://www.blagogon.ru/articles/251/> (дата обращения: 01.10.2019).
8. Кострюков А.А. Ради исторической справедливости. Русская Зарубежная Церковь и кирилловская ветвь Дома Романовых [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/radi_istoricheskoy_spravedlivosti_610.html (дата обращения: 01.10.2019).
9. Кузнецов А. Церковные корни февральского греха [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=2521> (дата обращения: 01.10.2019).

10. Куницын Б. Великий пастырь православной Церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kds.eparhia.ru/bibliot/kaz_schule/vel_p/ (дата обращения: 01.10.2019).
11. Куницын Б. Ректор трех академий (Антоний Храповицкий) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2007_1/10/10_2/&searched=1 (дата обращения: 01.10.2019).
12. Мазырин А., прот. Причины неприятия митрополита Сергия (Страгородского) в церковных кругах (по материалам полемических произведений конца 1920-х – 1930-х гг.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/1578803.html> (дата обращения: 01.10.2019).
13. Митрополит Антоний (Храповицкий) – фигура противоречивая // http://ruskline.ru/news_rl/2011/08/10/mitropolit_antonij_hrapovickij_figura_protivorechivaya/ (дата обращения: 01.10.2019).
14. Митрофанов Г., прот. Пастыри и пасомые [Электронный ресурс] // Гражданинъ. 2003, №5. – Режим доступа: <http://www.grazhdanin.com/> (дата обращения: 01.10.2019).
15. Мосс В. Православная Церковь на перепутье (1917-1999) [Электронный ресурс]. СПб., 2001. – Режим доступа: <http://www.ortho-hetero.ru/index.php/history/651> (дата обращения: 01.10.2019).
16. Переписка П.А. Флоренского за 1905 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://samlib.ru/f/florenskij_p_w/1905ed.shtml (дата обращения: 01.10.2019).
17. Положение о приходах Свободной Российской Православной Церкви (Принятое Архиерейским Собором Русской Православной Церкви Заграницей 2/15 мая 1990 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sinod.ruschurchabroad.org/Arh%20Sobor%201990%20Polojenie%20o%20prihodah.htm> (дата обращения: 01.10.2019).

18. Русская Православная Церковь Заграницей // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2416490.html> (дата обращения: 01.10.2019).
19. Русская Зарубежная Церковь на стезях отступничества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.orthedu.ru/ch_hist/hist/istorijarp/27Istorija-rp.html (дата обращения: 01.10.2019).
20. Русский мир и Латвия: Из архива св. священномученика архиепископа Рижского и Латвийского Иоанна (Поммера). Письма и другие документы [Электронный ресурс]. Рига, 2008. Т. 1.– Режим доступа: <http://seminariumhumanitatis.positiv.lv/14%20almanax/alm%2014%20pred.htm> (дата обращения: 01.10.2019).
21. Фомин С. Анафема // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravaya.ru/look/5310#_edn2 (дата обращения: 01.10.2019).
22. Черкасов-Георгиевский В.Г. 90-летняя история Русской Православной Церкви Заграницей – с основания до унии с Московской Патриархией: 1917 – 2007 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://apologetika.eu/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=2184&mode=thread&order=0&thold=0> (дата обращения: 01.10.2019).
23. Новая философская энциклопедия: в 4 т. [Электронный ресурс] / Институт философии РАН. – Режим доступа: <https://iphlib.ru/library/collection/>(дата обращения: 01.10.2019).
[newphilenc/document/HASHbb6fc2dd8032798c2096bb?p.s=Text Query](https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHbb6fc2dd8032798c2096bb?p.s=TextQuery)
24. Репина Л.П. Интеллектуальная история сегодня: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] // Вестник РОИИ. 2001. № 1. – Режим доступа: <http://roii.ru/bulletin/roii-bulletin-1.pdf> (дата обращения: 01.10.2019).
25. Сила нашей Церкви в единстве. Сила нашей Церкви в единстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/guest/4672.htm> (дата обращения: 01.10.2019).

26. Antony Khrapovitsky [Электронный ресурс] // Encyclopedia Britannica – Режим доступа: <https://www.britannica.com/biography/Antony-Khrapovitsky> (дата обращения: 01.10.2019).
27. Kalkandjieva D. Russian ecclesiastical geopolitics between the two world wars [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/331113963_RUSSIAN_ECCLESIASTICAL_GEOPOLITICS_BETWEEN_THE_TWO_WORLD_WARS (дата обращения: 01.10.2019).
28. Kalkandjieva D. The Russian Orthodox Church, 1917-1948: From Decline to Resurrection [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/268717692_The_Russian_Orthodox_Church_1917-1948_From_Decline_to_Resurrection (дата обращения: 01.10.2019).
29. Stricker G. Russische Orthodoxie in der Diaspora [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.e-periodica.ch/cntmng?pid=ikz-002:2008:98::113> (дата обращения: 01.10.2019).